

9 (Д.г.)

Ш 65

А. Р. Шихсаидов

Дагестан
в X-XIV вв.

А.Р. Шихсаидов

Дагестан
в X-XIV вв.

Опыт социально-экономической характеристики

Дагестанское
книжное
издательство
Махачкала 1975

Всестороннее изучение проблемы социально-экономического и культурного развития общества и роли народных масс на всех этапах исторического развития — одна из важнейших задач советской исторической науки. В разрешении этой проблемы большое значение приобретает изучение общественной, экономической и политической жизни отдельных историко-культурных регионов и их звеньев. Средневековая история Дагестана представляет в этом отношении несомненный интерес.

Средневековье — один из важнейших этапов истории Дагестана. Это время становления и дальнейшего развития феодальных производственных отношений, усиления классовых противоречий и классовой борьбы. Успехи в области хозяйства, торговли, культуры, складывание крупных населенных пунктов, торгово-ремесленных центров, развитие городов, усиление политических, идеологических и культурных контактов с другими странами, распространение монотеистических религий — вот основные вехи, характеризующие историю средневекового дагестанского общества.

В средневековой истории Дагестана особое место занимают X—XIV вв. За это время прослеживаются существенные изменения в хозяйственной деятельности: развитие ремесла до уровня специализации производств, устойчивая хозяйственная специализация отдельных районов, складывание новых крупных населенных пунктов. В области социального и политического развития X—XIV вв. характерны углубление феодальных отношений, централизация политической и экономической власти и рост феодальной собственности в одних владениях и политическая децентрализация — в других, появление и усиление ряда новых союзов сельских общин. В идео-

логической жизни также наблюдаются большие изменения — на преобладающей части Дагестана утвердился ислам в качестве господствующей религии.

Развитие дагестанского общества неоднократно нарушалось иноземными вторжениями, оказавшими огромное отрицательное влияние на развитие производительных сил страны. В борьбе против иноземных завоевателей отстаивались государственная независимость и этническая самостоятельность дагестанских народов.

При написании данной работы использованы разнообразные источники — как письменный, так и полевой материалы. Письменные источники, привлеченные для характеристики социально-экономического развития Дагестана в X—XIV вв., делятся в основном на три группы — исторические и географические сочинения средневековых арабских авторов, местные исторические хроники на арабском языке, памятники дагестанской арабской эпиграфики.

Труды арабских авторов, значительная часть которых относится к IX—X вв., занимают важное место как по количеству, так и по полноте сведений. Политическая история и военно-политические мероприятия VI—VIII вв., арабские завоевания на Восточном Кавказе получили освещение в сочинениях ал-Белазури (ум. 892), ал-Йакуби (ум. 897) и ат-Табари (ум. 923). Сообщения Ибн Хордадбега, Ибн ал-Факиха ал-Хамадани, Ибн Русте, ал-Масуди охватывают иную область, хронологически связанную со временем, наступившим после арабских завоеваний. У этих авторов можно почерпнуть важные сведения о торговле и торговых маршрутах в IX—X вв., оборонительных сооружениях и городах, о религиозных представлениях и налоговой политике, о государственных единицах и географической номенклатуре. Ценные данные о хозяйственной деятельности, культурной и религиозной жизни Дагестана XII—XIV вв. содержатся в сочинениях Абу Хамида ал-Гарнати (ум. 1169), Йакута (ум. 1229), Закарии ал-Казвини (ум. 1283), Абу-л-Фиды (ум. 1331). К ним примыкают по своему значению произведения представителей персидской придворной литературы Рашид ад-Дина, Низам ад-Дина Шами и Шараф ад-Дина Йезди.

Вторую группу источников составляют дагестанские исторические хроники. Важнейшие из них — «Дербенд

наме», «История Абу Муслима», «История Ширвана и Дербенда», «Тарих Дагестан», «Хроника Махмуда Хиналугского»¹.

Важнейшим источником для разработки вопросов, связанных с политической, социально-экономической и культурной жизнью, являются многочисленные арабские надписи, обнаруженные на территории Дагестана и относящиеся к XI—XV вв. Собрание и изучение эпиграфического наследия Дагестана связано с именами Н. В. Ханькова, Б. А. Дорна, К. К. Фезе, а в наши дни — В. А. Крачковской, Е. А. Пахомова, М.-С. Саидова, Л. Т. Гюзальяна, М. Х. Нейматовой и особенно — Л. И. Лаврова². Ряд надписей обнаружен и опубликован автором данной работы.

Изучение средневековой истории Дагестана прошло два основных этапа, связанных с развитием исторической науки до и после Великой Октябрьской социалистической революции.

В историографии досоветского периода и в изучении отдельных вопросов средневековой истории Дагестана ценны труды Ю. Клапрота, И. М. д'Оссона, Х. Д. Френа, И. П. Березина и особенно — Б. А. Дорна, Н. В. Ханькова, М. М. Ковалевского, И. Маркварта, В. В. Бартольда.

Историография Восточного Кавказа в XIX в. отмечена событием исключительной важности — появлением произведений местных авторов, посвященных истории Дагестана на длительном этапе исторического развития — от древности до позднего средневековья. «Гюлистан-и Ирам» А.-К. Бакиханова (1794—1847) и «Асар-и Даге-

¹ Dербенд-Nameh. Translated from a select turkish version and published with notes by M. A. Kazem-Beg. SPb, 1851; Тарихи Дербенд наме. Тифлис, 1898; Дербенд наме (арабские списки, хранящиеся в Рукописном фонде Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР—арабский фонд, № 1, оп. 1, д. 38, 39, 425); N. Khanikoff, Memoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase,—Journal de Asiatique, ser. 5, t. XX. Paris, 1862; В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда. М., 1963; Dербенд-Nameh, pp. 659—677; Хроника Махмуда Хиналугского — «Акты, собранные Кавказскою Археологическою комиссиею», т. II, Тифлис, 1868.

² Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. I. Надписи X—XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л. И. Лаврова. М., 1966.

стан» Х. Алкадари (1834—1910) составили важный этап в развитии местной исторической литературы³. В них была впервые предпринята попытка дать цельную картину исторического развития Дагестана и Азербайджана на протяжении двух тысяч лет, причем история народов Восточного Кавказа дана как часть истории Кавказа и Ближнего Востока.

Существенным недостатком русской дореволюционной, западно-европейской и местной историографии было почти полное абстрагирование от вопросов социально-экономического развития при изучении истории Дагестана раннего и развитого средневековья.

В советской историографии изучение истории Дагестана V—XV вв. и средневековья в целом прошло два этапа (до начала 50-х гг. и с 50-х гг.). На первом этапе прежде всего следует упомянуть серьезные работы В. В. Бартольда, И. А. Орбели, С. В. Юшкова, А. Н. Генко, М. И. Артамонова, а из местных ученых — А. Г. Гасанова, Али Каяева, Б. Г. Малачиханова, Р. М. Магомедова. В их трудах получили освещение некоторые вопросы политической истории, идеологических представлений, культуры, исторической географии, источниковедения.

Огромную роль в развитии исторической науки сыграли решения XX и последующих съездов КПСС, создавшие самые благоприятные условия для творческого развития марксистско-ленинской мысли и конкретных исторических исследований.

За период с середины 50-х гг. до настоящего времени дагестанские историки средневековья добились значительных успехов. Это качественно новый этап, характерный как широким диапазоном поставленных проблем, так и их глубиной разработкой на основе марксистско-ленинской методологии.

К концу 50-х гг. относится также первая попытка изложить в хронологической последовательности историю народов Дагестана, начиная с древнейших времен. Опубликован коллективный труд «Очерки истории Даге-

³ А.-К. Бакханов. Гюлистан Ирам. Баку, 1926; Г.-Э. Алкадари. Асари Дагестан. Перевод и комментарии А. Гасанова. Махачкала, 1929.

стана»⁴, где было уделено значительное внимание экономическому и общественному строю X—XIV вв., классовой борьбе.

Значительный вклад в изучение средневековой истории Дагестана внесли В. Ф. Минорский, Р. М. Магомедов, М. И. Артамонов, Л. И. Лавров⁵. В их трудах нашли освещение такие важные вопросы, как историческая география и этнография, история дагестанских феодальных владений и союзов сельских общин, социальная структура города и военно-политическая история X—XIV вв., классовая борьба и процесс проникновения монотеистических религий. Специальной разработке социальных и земельных отношений в Дагестане в V—XI вв. посвящены статьи Ш. М. Ахмедова⁶.

В 1967 г. опубликован I том «Истории Дагестана». В разделах, посвященных Дагестану эпохи средневековья, сделана попытка дать картину зарождения и развития феодальных отношений, значительное внимание уделено проблемам экономического развития и истории классовой борьбы. Исследованием охвачены такие вопросы, как социальный и экономический строй, феодальные владения и союзы сельских общин, роль внешних факторов в истории Дагестана. Показана героическая борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей⁷.

За последние два десятилетия значительно расширилась источниковедческая база исследований (успехи дагестанской археологии и этнографии, издание ряда хро-

⁴ Очерки истории Дагестана, т. I—II. Махачкала, 1957.

⁵ В. Ф. Минорский. Указ. соч. (там же — список других статей автора); Р. М. Магомедов. Дагестан в эпоху татаро-монгольского нашествия. Махачкала, 1940; его же. История Дагестана. Махачкала, 1968 (2-е изд.); его же. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971; его же. Памятник истории и письменности даргинцев XVII в. Махачкала, 1969; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962; Л. И. Лавров. Указ. соч. (там же — список других работ автора).

⁶ Ш. М. Ахмедов. Земельные отношения в Дагестане в V—XI вв. — «Ученые записки» Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, т. 19, ч. II. Махачкала, 1969; Б. Г. Алиев, Ш. М. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.

⁷ История Дагестана, т. I. М., 1967.

ник, памятников обычного права, богатого эпиграфического наследия).

Несмотря на значительные успехи в изучении средневекового Дагестана в целом, хронологический отрезок времени X—XIV вв. остается пока еще мало изученным. Нуждается в серьезной разработке история феодализма указанного времени, вопросы экономического развития дагестанского общества, процесс развития каждого феодального владения и союзов сельских обществ, социальная структура города и деревни. Настоящая работа и посвящена, в основном, некоторым аспектам указанных проблем истории Дагестана X—XIV вв.

Г Л А В А I

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДАГЕСТАНА в X—XIV вв.

§ 1. ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ. ГОСУДАРСТВА ДАГЕСТАНА В X—XIV вв.

В V—X вв. на территории Дагестана существовал ряд незначительных по территории государств — Баб-ал-абваб (Дербент), Лакз (Южный Дагестан), Табасаран, Хайдак (Кайтак), Гумик (Кумух), Зирихгеран (Кубачи), Серир (Авария), Карах (Уркарах), Филан¹. Их локализация не вызывает в настоящее время особых разногласий, за исключением вопроса о Филане. Что касается Филана, то анализ сообщений арабских источников дает возможность понимать под этим понятием в основном территорию федерации союзов сельских обществ, известных впоследствии под названием Акуша-Дарго, в составе современных Акушинского и Левашинского районов².

Значительную роль в политической и экономической жизни раннесредневекового Дагестана играл Хазарский каганат³. Столицей каганата был город Семендер, впервые упоминаемый в армянской географии VII в. — это «гуннский» город М. с. н. д. р⁴. Исследователи локализуют город в самых различных местах (Тарки, Кизляр, Уллубийаул, низовья Сулака, близ станции Шелковской в Чечено-Ингушетии). Эти взаимоисключающие мнения отражают противоречивость и отрывочность сведений самих источников. Однако учет археологических данных,

¹ В. Ф. Мидорский. Указ. соч., стр. 112—144; Р. М. Магомедов. История Дагестана, стр. 52—61; История Дагестана, т. I, стр. 121—131; А. Р. Шихсаидов. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969, стр. 28—46.

² Подробно об этом см.: А. Р. Шихсаидов. К вопросу о локализации Филана (в печати).

³ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962.

⁴ К. Патканов. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому, — ЖМНП, ч. ССХХVI, 1883, март, стр. 31.

сообщений арабских авторов и местных хроник, особенно указание границ Семендера (в двух фарсах от границ Серира) и сообщение анонимного сочинения «Худуд ал-алам» о том, что город расположен на берегу моря, позволяет признать наиболее правильным мнение ученых, полагающих Семендер на месте современного Тарки или же близ него в районе Махачкалы.

В течение XI—XIV вв. границы указанных государств подвергаются существенным изменениям⁵.

Дербент в XI—XIV вв., как и в предыдущее время, продолжал оставаться крупным торгово-ремесленным и политическим центром на Восточном Кавказе. В середине XI в. (1077 г.) самостоятельная династия дербентских правителей прекратила свое существование, город и прилегающие земли оказались в составе Ширвана, а затем — в зависимости от сельджуков Ирака. Зависимость эта была кратковременной. С начала XII в. до второй четверти XIII в. Дербент существовал как самостоятельное владение — эмират⁶. В 1239 г. он вошел в состав Золотой Орды, а с образованием государства Хулагуидов (1256) оказался, очевидно, под его властью вплоть до его распада на отдельные феодальные владения в середине XIV в.

С образованием четвертой династии ширванских правителей (1382—1550), начавшейся с правления Ибрахима I Дербенди (1382—1417)⁷, значение города особенно растет. Дербент наряду с Шемахой становится центром Ширвана. Преемники Ибрахима I Дербенди добились полной самостоятельности и чеканили собственную монету.

Серир пережил в XI—XIV вв. серьезные изменения.

В X—XI вв. его территория значительно расширилась, превышая размеры собственно Авари⁸. Серир принимает весьма активное участие в политической жизни Восточного Кавказа⁹. Столицей государства был Хунзах. Согласно преданию, первоначальной столицей Авари (местные хроники не знают термина Серир) было селение Тануси, что близ Хунзаха. Если предание о Тануси, зафиксированное также в местной хронике, носит отголоски исторической действительности, то перенесение резиденции серирских правителей в Хунзах имело место до IX—X вв.

В конце XI—начале XII вв. раннесредневековое государство Серир распалось на более мелкие владения, воссоединенные впоследствии частично в Аварском ханстве в XIV—XV вв.¹⁰ О Серире (Аварии) в XII в. мы не располагаем никакими сведениями, но «Тарих Дагестан» уже в первой четверти XIII в. видит в Аварии одно из сильных феодальных владений. К концу XI—началу XII вв. следует отнести создание на развалинах ранее единого Серира отдельных, независимых союзов сельских общин — с одной стороны, и выделение наиболее сильного владения, Хунзахского нуцальства — с другой.

Усиление Кайтака (Хайдак) в XI в. прослеживается по данным «Истории Ширвана и Дербенда». В последующем территория Кайтака значительно расширяется. Ряд авторов XIV в. (Абу-л-Фида) начинает смешивать понятия Кайтак и Кавказ. К концу XIV в. или в начале XV в. под влияние Кайтака подпал Зирихгеран, а в середине XV в., судя по хронике Махмуда Хиналугского, потомки кайтакского уцмий управляли крепостями в Докузпаре и Табасаране. В XV в. Кайтак включал как собственно кайтакские, так и часть даргинских, кумыкских (южные кумыки) и лезгинских земель. Столицей Кайтака, или Кайтакского уцмийства было селение Ка-

⁸ Jacut's Geographisches Wörterbuch, hrsg. von F. Wüstenfeld, Bd I, Leipzig, 1866, S. 222; BGA, V, 295 (Ибн ал-Факих).

⁹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 48, 51, 53—54, 65 и др. Подробно о раннесредневековом Серире см.: В. М. Бейлис. Из истории Дагестана VI—XI вв. (Серир), — ИЖ, 1963, № 73.

¹⁰ В. М. Бейлис. Из истории Дагестана VI—XI вв. (Серир), — ИЖ, 1963, № 73.

¹¹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 48, 51—54, 65 и др.

⁵ Подробно см.: История Дагестана, т. 1, стр. 181—188.

⁶ Е. А. Пахомов. О Дербентском княжестве XII—XIII вв. — «Известия АзГНИИ», историко-этнографическое и археологическое отделение, т. 1, вып. 2, Баку, 1930.

⁷ О деятельности Ибрахима I Дербенди: В. Догр. Beitrage zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen, 1—Versuch einer Geschichte der Schirwanschache (Mem. sur l'Etat de Sc. de St.—Pet., VI serie, sc., polit., hist., phil., t. VI, livr. 6, 1881), SS. 561—578; И. П. Петрушевский. Великий ширваншах Ибрагим. Баку, 1942; А. А. Али-Заде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956, стр. 382—399; История Азербайджана, т. 1, Баку, 1958, стр. 197—200.

ла-Корейш, древность которого засвидетельствована обнаруженными там памятниками эпиграфики XI—XII вв.¹², а также устной традицией («Кала-Корейш» — крепость курейшитов).

Собственно даргинские земли в своем большинстве находились, вероятно, вне пределов удмийства. Сведения «Тарих Дагестана» ставят под сомнение существующее в литературе мнение о создании самостоятельной федерации союзов верхнедаргинских обществ (Акуша-Дарго) в предмонгольское время. Можно предположить, что образование этой федерации относится ко второй четверти XIV в., и сложилась она на базе союзов сельских общин, образовавшихся на территории Филана. Тимур покончил с самостоятельным существованием Акуша-Дарго.

В X—XV вв. процесс концентрации сил, политической централизации и дальнейшей феодализации усиленными темпами протекал и в Гумике (Газикумукское шамхальство). В XI—XII вв. наблюдается усиление власти местных правителей, но в 1240 г. монголы основательно разрушили Кумух, столицу шамхальства, истребили род местных правителей, заменив его новым. Пребывание монгольских войск в Кумухе было кратковременным¹³, и вскоре шамхальство восстанавливает свое положение. Кумух начинает выступать не только в качестве экономического и политического центра шамхальства, но и как форпост ислама в лакских и соседних землях, в частности аварских. В начале XIV в. шамхальство предстает перед нами как одно из крупных и сильных государств в Дагестане. Среди земель, платящих поземельный налог (харадж) шамхалу, хроника «Тарих Дагестан» называет, помимо лакских, ряд аварских, даргинских, лезгинских и кумыкских земель. Поддержка, оказанная Тимуром, усилила власть газикумукских феодалов. Существующее в литературе мнение о подчинении Хунзахского нуцальства (Аухар) Газикумукскому шамхальству в конце XIV в. основано на не-

точной передаче автором XV в. Шараф ад-Дином Йезди (ум. 1454) текста Низам ад-Дина Шами («У области Гази Кумуклук и войска Аухара был обычай...»), позволяющего говорить о союзнических отношениях шамхальства и нуцальства.

Значительным изменениям подверглась территория Лакза. Сообщение Якута (ум. 1229) о «маликах» Лакза¹⁴ позволяет судить о децентрализации политической власти в Лакзе, а эпиграфический материал засвидетельствовал наличие в XIII—XV вв. на территории бывшего единого государства ряда самостоятельных политических единиц и союзов сельских обществ (Ахты, Рутул, Цахур, Хив, Курах, Тпиг, Хнов)¹⁵. «История Ширвана и Дербенда» уже в начале XI в. сообщает о Западном и Восточном Лакзе—может быть, здесь имеются в виду две самостоятельные территории. Ряд арабских авторов (Ибн ал-Асир, Абу-л-Фида) и персидский автор Рашид ад-Дин распространяли термин Лакз почти на весь Дагестан, вкладывая в него понятие географическое, а не этническое или политическое.

Изложенный выше материал показывает, что в XI—XIV вв. Дагестан не знал политического единства, как и в предыдущие века. Ряд владений заметно усилился (Газикумукское шамхальство, Хунзахское нуцальство, Кайтакское удмийство, Дербент), ряд распался на отдельные владения или союзы сельских общин (Серир, Лакз, Табасаран) или же полностью потерял свою самостоятельность (Зирихгеран, Филан, Карах). Централизация политической власти в одних владениях сопровождалась политической раздробленностью в других. Государственные границы не покрывают собой границы этнические—многоэтничный состав ряда государств становится обычным явлением. Значительное место занимает в указанное время процесс усиления и возникновения новых союзов сельских общин.

¹⁴ Якут, I, 438.

¹⁵ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 49—54.

¹² Атлас к путешествию Б. А. Дорна по Кавказу и южному берегу Каспийского моря, СПб., 1895, отд. I, табл. XVII, рис. I; П. М. Дебиров. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1967, стр. 27.

¹³ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 188.

§ 2. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА в X в. РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ

В работах советских археологов (К. Ф. Смирнов, Е. И. Крупнов, М. И. Пикуль, В. Г. Котович, Д. М. Атаев, Р. М. Мунчаев, В. М. Котович, К. А. Бреде, В. И. Канывец, Н. Д. Путинцева, М. М. Маммаев, М. Г. Магомедов) хорошо показаны сдвиги в области земледелия, скотоводства и ремесла в раннесредневековом Дагестане. Археологические данные зафиксировали высокий для того времени уровень таких видов ремесла, как керамическое, кузнечное, ювелирное, литейное, строительное дело. Наблюдается не только выделение кузнечного дела в обособленную отрасль, но и специализация кузнецов по производству отдельных видов продукции. Ювелирное дело, как и строительное, выделяется в обособленные отрасли ремесла. Значительное развитие получили прядение, ткачество, обработка кожи в рамках домашнего производства¹⁶.

Огромное отрицательное влияние на экономическую жизнь ряда районов Дагестана оказали арабские завоевания, которые сопровождались разрушением городов и аулов¹⁷. Вместе с тем, начиная с VII—VIII вв., важные торговые пути, соединявшие страны Ближнего Востока с Юго-Восточной Европой, Нижним Поволжьем и Северным Кавказом, переместились в бассейн Каспийского моря. Это было время расцвета «арабской» торговли. В VIII в. эта торговля настолько расширилась, в частности в Закавказье, что почти во всех местных монетных кладах преобладает арабская монета¹⁸. В торговлю втягиваются не только приморские, но и внутренние районы Дагестана. Это, в свою очередь, приводит к оживлению хозяйственной деятельности, в частности к дальнейшему развитию ремесленного производства.

Б. Н. Заходер справедливо отметил, что прогрессивные тенденции социально-экономической жизни на Восточном Кавказе создали предпосылки «для появления

такого новшества в Хазарии, как город — центр административной, религиозной и экономической жизни»¹⁹.

Возникновение городов²⁰, центров торговли, экономической, культурной и административной жизни — следствие дальнейшего развития хозяйственной деятельности, в частности ремесла раннесредневекового Дагестана. Среди городов Дагестана наиболее крупными были Дербент, Варачан, отождествляемый с Урцеки²¹, Зирихгеран, Семендер. Средневековые авторы (ат-Табари, Балами) неоднократно сообщают о большом числе городов и крепостей в раннесредневековом Дагестане²².

Помимо указанных крупных ремесленных центров, в Дагестане существовал ряд сравнительно мелких очагов ремесла, имевших, в основном, местное значение. Они были тесно связаны с ближайшими селами, удовлетворяя всевозрастающий спрос крестьянских хозяйств на сельскохозяйственные орудия, предметы домашнего обихода, спрос на вооружение.

Политическая самостоятельность, которую приобрели дагестанские государства к концу IX — началу X вв. в связи с распадом Арабского халифата — с одной стороны, и вовлечением Восточного Кавказа в оживленную международную торговую деятельность — с другой, благоприятствовали росту внутренних условий, стимулировавших дальнейшее развитие хозяйства. Благоприятной оказалась также внешнеполитическая обстановка на Кавказе.

Природно-географические условия Дагестана, наличие плодородных земель, превосходных пастбищ, рудных районов служили той базой, на основе которой

¹⁹ Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, стр. 170.

²⁰ О городах в стране «гуннов» в VII в.: К. Патканов. Указ. соч., стр. 31.

²¹ Об Урцеки: В. Г. Котович, В. М. Котович, Н. Д. Путинцева. Отчет о работе приморского отряда дагестанской археологической экспедиции — РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 104.

²² В. Dorn — Beiträge... IV — Tabari's Nachrichten über die Chasaren, SS. 501, 506, 533, 541; Chronique de Abou-Djafar-Mohammed-ben Djarir ben Jesid Tabari, traduite sur la version persane d'Abou-Ali Mohammed Belami... par M. H. Zotenberg, t. I — IV. Paris, 1867—1874; Annales quos scripsit... at-Tabari cum aliis M. I. de Goeje. Lugduni: Batavorum, ser. I—III, 1879—1890 (особенно: ser. II, t. III, 1453, 1462, 1635, 1667).

¹⁶ М. М. Маммаев. Ремесло Дагестана албано-сарматского и средневекового времени. Автореферат канд. дисс. М., 1970.

¹⁷ Р. М. Магомедов. История Дагестана, стр. 70—71.

¹⁸ Е. А. Пахомов. Гавджиинский клад 1929 г. в Закавказье. Сб. «Академику Н. Я. Марру», М.—Л., 1931, 1935, стр. 743.

шло дальнейшее развитие хозяйственной жизни средневекового Дагестана. По характеру рельефа Дагестан делится на две основные части — низменную и горную, причем горная часть подразделяется в свою очередь на предгорье, внутренний горный и высокогорный Дагестан. Земледелие, ремесло, садоводство, скотоводство развивались во всех районах Дагестана, но естественно-географический фактор способствовал развитию отдельных районов преимущественно по отдельным видам хозяйственной деятельности.

В хозяйственной деятельности горцев в X—XV вв. наблюдаются существенные сдвиги. К концу указанного времени оформились отраслевая специализация и основные линии производства по отдельным аулам. Возросшая специализация в отдельных физико-географических зонах на преобладающем производстве животноводческой или зерновой продукции не только дала толчок обмену, но и привела к фактору, имевшему большое значение в дальнейшем соотношении различных производств в горах и на равнине — террасное земледелие, достигшее наибольшего подъема в VIII—XIII вв. (В. Г. Котович), к XV в. падает, террасные поля забрасываются надолго²³. В непосредственной связи с этим находился также процесс складывания крупных населенных пунктов.

Одним из важных этапов в экономическом развитии Дагестана является X в.

О состоянии зерновых культур в X в. мы не располагаем конкретными данными, хотя источники документируют особое место полеводства в отдельных районах Дагестана. Ал-Истахри подчеркивает значение для Баб ал-абваба посевов, хотя и не конкретизирует, о каких именно сортах зерновых идет речь: «Город этот... имеет много посевов, но мало плодов, разве только привезут что из (других) областей»²⁴. То же самое отмечает и персидский вариант ал-Истахри: Дербант «больше

Ардебилля и имеет много посевов и пахотных земель (кешт ва зерайт); однако там мало фруктов, которые доставляются из других мест»²⁵.

Здесь, конечно, речь идет о сельскохозяйственной округе близ города, подчиненной городу и специализирующейся, судя по ал-Истахри, преимущественно на производстве зерновых. Автор «Истории Ширвана и Дербенда» сообщает о многочисленных джа и возделанных землях (имарат) близ Дербента и в Табасаране²⁶. Возможно, и здесь основное внимание уделялось выращиванию зерновых, в частности пшеницы и ячменя. В районе Дербента хорошо была известна культура шафрана — об этом пишут арабские авторы ал-Истахри и ал-Мукаддаси²⁷. Садоводство здесь также развивалось, хотя и не в такой степени, как зерновое хозяйство. Позже Ширвани писал, что город имел «красивые луга и желанные фрукты»²⁸.

Материал о производстве зерна во внутренних районах Дагестана в X в. также скуден. Однако общее представление о месте земледелия в это время дают археологические данные, характеризующие развитие хозяйства в предыдущие века. Работами археологов установлена глубокая древность дагестанского горного земледелия, показано, что оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство составляло основу экономики племен горного Дагестана еще в энеолите и медно-бронзовом веке²⁹. О сдвигах в земледельческой технике в раннем средневековье дают представление археологические данные, документирующие использование сохи или плуга, существование «в раннем средневековье пашенного земледелия, заменившего собой первобытное земледелие»³⁰. Об особом месте производства зерновых в хо-

²⁵ В. Догн. Beitrage..., V — Geographica Caucasia, SS. 471—505.

²⁶ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 46, 47, 52, 53, 62, 74, 75.

²⁷ BGA, I, 1841; 111, 380.

²⁸ Научный архив Института истории Азербайджанской ССР, д. 1030, л. 116.

²⁹ В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане, — УЗ ИИЯЛ, т. IX, 1961; его же. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности, — СА, 1965, № 3, стр. 11, 13.

³⁰ В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии, стр. 280.

²³ М. О. Османов. Хозяйство даргинцев в XIX—XX вв., РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 184; С. Асиятилов. Хуторская система и формы ведения животноводства у аварцев в XIX—начале XX вв., — УЗ ИИЯЛ, т. 16. Махачкала, 1966, стр. 3—4. С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, стр. 21—23.

²⁴ BGA, I, 184.

зайственной деятельности горцев свидетельствует то обстоятельство, что в VIII в. арабские военачальники заставляли местное население вносить подати именно зерном. Когда автор «Худуд ал-алама» (X в.) пишет о Серире, что «это область с очень большими богатствами»³¹, то вполне возможно, что он выделяет эту область как район сравнительно развитого сельского хозяйства. Археологические памятники также дают картину развитого оседло-земледельческого быта на территории Серира. В Бежтинском могильнике (Цунтинский р-н), датированном VIII—X вв., обнаружено 4 серпа — значит земледелие имело здесь немаловажное значение. Это обстоятельство привело Д. М. Атаева, исследовавшего Бежтинский могильник, к заключению о ведущей роли земледелия в центральной Аварии к концу I тысячелетия н. э.³² Важнейшим свидетельством роли земледелия в горных районах Дагестана является широкое распространение здесь во второй половине I — первых веках II тысячелетия н. э. террасового земледелия³³.

Что касается животноводства, то данные о нем основаны только на итогах археологических работ. Как известно, в зависимости от физико-географических условий скотоводство принимает различные формы — оседлое, полuosедлое, кочевое. Кочевое скотоводство характерно для степных областей с богатыми пастбищами. В Закавказье и на Северном Кавказе, в частности, развивалось полукочевое скотоводство при сохранении оседлых поселений, с сезонными перекочевками отар мелкого рогатого скота на значительные расстояния³⁴. В Дагестане же скотоводство приняло оседлый характер³⁵. Все эти высказывания относятся к эпохе бронзы.

³¹ Hudud al-alam. The Regions of the world. A persian geography 372. A. H.—982. A. D. translated and explained by V. Minorsky. London, 1937, p. 131; А. Г. Туманский. Новоткрытый географ X столетия и его известия о славянах и руссах.—ЗВО. IX, 1896—1897, стр. 31.

³² Д. М. Атаев. Горный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала. 1963, стр. 218.

³³ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 288.

³⁴ Б. Е. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье.—СА, XXIII, 1955, стр. 6; Е. И. Крупнов. Древняя история Кабарды. М., 1957, стр. 83; В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 293—294.

³⁵ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 294.

Хотя в последующем характер изменений в скотоводческом хозяйстве Дагестана и постепенный переход к отгонной системе не вызывают сомнений, но пока еще не представляется возможным выделить более или менее точные хронологические рамки этого процесса. В археологической литературе выдвинуто предположение о том, что возникновение ныне существующего в Дагестане отгонного хозяйства относится вероятнее всего к позднему средневековью³⁶. Длительность или же невозможность этого процесса вплоть до позднего средневековья автор объясняет двумя обстоятельствами: невозможностью регулировать на договорных началах вопросы о сезонных перекочевках скота и использовании пастбищ в обстановке усиления межплеменных столкновений в связи с ростом скотоводства; кормовая база дагестанского скотоводства «обеспечивала практически неограниченные возможности для развития оседлого скотоводства»³⁷.

Мнение о позднем становлении отгонного животноводства было поддержано рядом других исследователей, в частности его формирование в Аварии было отнесено к XIII—XIV вв., «когда устойчивые политические объединения в Дагестане обеспечивали беспрепятственный перегон скота с гор на равнину и обратно»³⁸.

Однако появление этих условий можно отнести к более раннему времени, чем позднее и развитое средневековье. Как уже указывалось в разделе о политических образованиях Дагестана, их стабильность в целом определилась еще в раннем средневековье, т. е. в V—X вв. В последующем некоторые владения потеряли свою самостоятельность (Карах, Филан, Зирихгеран), но это происходило на фоне усиления ряда других государственных образований, расширения их границ, т. е. опять-таки создания благоприятных условий для развития земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Наибольший простор для развития отгонного животноводства был у тех политических образований, в пределах которых были как горные, так и равнинные земли.

³⁶ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 297.

³⁷ Там же, стр. 295—296.

³⁸ С. Х. Асиятилов. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX—первая половина XX вв.). Махачкала, 1967, стр. 46.

Таким государством был Сери́р. Как сообщает «Худуд ал-алам», «это чрезвычайно богатая страна, состоящая из гор и равнин»³⁹. Усиление Сери́ра в X в., мирные связи с Семендером и аланами создавали весьма благоприятные внешние условия. Когда персидский автор XIII в., опиравшийся на данные X в., называет в числе товаров Сери́ра также баранов⁴⁰, то это явное указание на усиление определенной отрасли животноводческого хозяйства.

В X в. горные и равнинные земли входили и в состав Лакза. В «Книге путей и государств» персидского перевода ал-Истахри имеется важный отрывок: «На берегу этого моря (Хазарского моря. — А. Ш.) имеется город Шабиран, маленькое, но благословенное место со многими рустаками. Выше этих рустаков лежит рустак Джасмадан до границы Ширвана и Баку, (а также рустаки) Дербак и Лакз. В этом рустаке (т. е. Лакзе) имеется гора, куда сгоняют скот этой страны, чтобы пасти его там, причем здесь нет нужды в охране»⁴¹. Последние слова о горе, куда сгоняют скот всей страны, очень важны. Они свидетельствуют о яйлажном скотоводстве, когда плоскостные и предгорные районы перегоняют скот на летнее время в район высокогорных пастбищ. Практику перегона овец с гор на плоскость также можно предположить. Любопытно, что в лезгинском языке низменность обозначается словом «аран» — возможно, отголосок давнего знакомства с Арраном, в междуречьи Куры и Аракса.

Таким образом, представляется возможным выдвинуть предположение о наличии отгонной формы скотоводства в раннем средневековье. Это могло иметь место в рамках отдельных государственных единиц, а при благоприятных внешнеполитических условиях — на более обширных территориях, покрывающих несколько политических образований.

Отгонная, или полукошарная, система ведения хозяйства была характерна в раннем средневековье и для

³⁹ Hudud al-alam, 161; А. Г. Туманский. Указ. соч., стр. 31.

⁴⁰ Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке. — УЗ ИВАН, IX, 1954, стр. 106.

⁴¹ В. Dorn. Beitrage..., V—Geographica Caucasica, SS. 472, 522.

ряда других горных и предгорных областей Северного Кавказа. Так, например, в хозяйстве населения ранне-средневековой Карачаево-Черкесии большую роль играло скотоводство, и «скорее всего оно было отгонным в предгорных местностях и полукошарным в горах»⁴². Можно предположить, что в Алании в X—XII вв. ведущей отраслью скотоводства было овцеводство, основанное на яйлажной (отгонной) системе⁴³.

Важное место в хозяйственной жизни отдельных районов Дагестана занимали виноградарство и садоводство. Под виноград и сады была занята, как сообщают авторы X в., значительная территория приморского Дагестана. В Семендере было «много садов и... около 4000 виноградных кустов, простирающихся до границ Сери́ра. Из фруктов более всего встречается виноград»⁴⁴. Это известие принадлежит ал-Балхи, известному географу начала X в. Оно впоследствии повторялось многими авторами, особо отмечавшими расцвет виноградарства в равнинных районах Дагестана. Ал-Мукаддаси отмечал, что у жителей Семендера имеются «сады, фрукты, много виноградных лоз и деревьев»⁴⁵.

Если многие авторы говорят только о количестве виноградных лоз, то Якут, ссылаясь на ал-Истахри, дает более подробные сведения. Он пишет о 4 тысячах виноградников, буквально «садов винограда», простиравшихся до пределов Сери́ра и находившихся в распоряжении жителей Семендера⁴⁶. Отсюда можно заключить, что в районе Семендера почти все пространство от берега моря вплоть до границ Сери́ра было занято виноградниками. К югу сады и виноградники доходили до Дербента. «Этому городу принадлежат многочисленные сады, расположенные между городом и Баб ал-абвабом», — пишет ал-Истахри⁴⁷.

⁴² Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, стр. 112.

⁴³ В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, стр. 75.

⁴⁴ Д. А. Хвольсон. Известия о Хазарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Русах Абу Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста... (В первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон). — СПб., 1869, стр. 62.

⁴⁵ BGA, III, 361.

⁴⁶ Jacut, III, 143.

⁴⁷ BGA, I, 222.

В середине X в., в 966 г., в связи с походами русов и разрушением Семендера, садам и виноградникам был нанесен огромный урон. Ибн Хаукал дал, со слов очевидца, описание печальной картины этого района после похода, когда в 508 г. хиджры (968—969) «виноградные лозы и сады, которые там были, дают разве только милостыню для бедных, если остался там только листочек на стебле»⁴⁸.

Район Дербента и близлежащие земли славились также производством марены. Как писал Ибн Хаукал, в областях Варсана и двух островах Баб ал-аббаба, расположенных посреди Хазарского моря, обильно росла марена, превосходная по своему качеству. Она вывозилась вплоть до Индии. «Эта марена растет во всей стране Арран, от пределов Баб ал-аббаба до Тифлиса, и близ реки ар-Рас (Аракс) до областей Хазарана...»⁴⁹.

Производство марены в столь широких размерах связано не только с удовлетворением потребностей растущих торговых связей со странами Ближнего Востока и Средней Азии. Оно непосредственно диктовалось потребностями внутреннего рынка, развитием домашних промыслов и прежде всего — прядения и ткачества.

Одним из значительных центров ткацкого производства в X в. выступает Дербент. Среди всех кавказских городов только Дербент специализировался на производстве полотняных одежд. «Из Баб ал-аббаба вывозятся полотняные одежды и нет нигде таких одежд, кроме как здесь — ни в Арране, ни в Армении, ни в Азербайджане. Там произрастает (также) шафран»⁵⁰, — писал ал-Истахри о Дербенте. Якут, ссылаясь на ал-Истахри, писал, что полотно изготовлялось в Баб ал-аббабе и его рустаках⁵¹, а Ибн Хаукал писал о вывозе верхней одежды из полотна⁵².

Таким образом, изготовлением полотна и полотняных одежд были заняты не только жители Дербента, но и соседних ему земель. Слово «каттан», которое употребляют арабские авторы, когда пишут о производстве по-

лотна в Дербенте, означает по-арабски лен и льняное полотно, но у названных авторов оно означает только полотно. Однако производство льняного полотна предполагает в свою очередь разведение льна, и местные полагают, названия его показывают, что лен был издавна известен дагестанцам не только в районе Дербента. Даргинцы называют лен — урбеч, лакцы — турт (полотно-чатан), дидойцы — кумели, каратинцы — элтгу. Лингвистические данные характеризуют двустороннее направление в культуре льна, он культивировался на волокно и на семена. Таким образом, речь идет о высеваании волокнистого льна, или льна-долгунца, древнего культурного растения, двустороннее использование которого известно еще давно⁵³.

Особое развитие ткацкого производства, причем производства, рассчитанного на рынок, в районе Дербента в X в. хорошо отразилось в произведении Балами (спусок, перевод которого издан Зотенбергом): «на этих путях расположен город, самый крупный из аббавов, называемый Баб ал-аббабом... В этом городе производят ткани, называемые махсури», которые вывозятся в Азербайджан, Ирак, Фарс, Керман, Табаристан и Хорасан⁵⁴. В другом списке сочинения Балами (издан Б. А. Дорном) сообщается о Баб ал-аббабе и других местностях близ него, что «в этих городах ткнут паласы (зилу)»⁵⁵.

В X в. особого расцвета достигают города Дагестана. Одним из древнейших и крупных городов Кавказа был Дербент. В VI—IX вв. город постепенно растет, став к X—XI вв. важнейшим экономическим, административным и культурным центром с высокоразвитым ремеслом, обширными торговыми связями, городом в полном смысле слова. Начало усиления Дербента относится к VI в. и связано со строительством знаменитого Дербентского оборонительного комплекса — важнейшего памятника мирового фортификационного искусства. Дербентским стенам, цитадели, стене Дагбары — трем

⁴⁸ Opus geographicum auctore Ibn Haucal... ed. J. H. Kramers. BGA, 11, Editio secunda. Lugduni Batavorum, 1939, стр. 393.

⁴⁹ Там же, стр. 347.

⁵⁰ BGA, I, 184; СМОМПК, вып. 29, стр. 11.

⁵¹ Jacut, I, 236.

⁵² BGA, 11, 339.

⁵³ Технические культуры. Под ред. И. В. Якушкина и В. С. Кузнецова. М., 1955, стр. 66.

⁵⁴ Chronique, III, 494.

⁵⁵ B. Dorn. Beitrage..., IV—Tabari's Nachrichten, S. 454.

частям, образующим систему дербентских оборонительных сооружений, посвящена огромная литература⁶⁶.

В IX—X вв. город значительно разросся, стал крупнейшим городом Кавказа. Ибн Хаукал писал, что «в Арране нет города, крупнее Барзаа, ал-Баба и Тифлиса» и что остальные города — Байлакан, Варсан, Бардидж, Шамахийя, Шарван, Лабиджан, Шабиран, Кабала, Шаки, Джанза, Шамкур, Хунан — все они уступают по величине Баб ал-абвабу⁶⁷. А это были крупные торговоремесленные центры Восточного Кавказа⁶⁸. Так, Байлакан состоял из «Большого города» (590×600 м), «Малого города» и значительного торгово-ремесленного предместья⁶⁹. Более того, Баб ал-абваб «богаче Ардебиля своими возделываемыми землями», а Ардебиль был «самым крупным и превосходным городом» Азербайджана⁶⁰.

Дербент выступает в X в. как крупный торговый центр. Арабские авторы дают описание торговой трассы Бардаа — Баб ал-абваб: от Бардаа до Берзенджа—18

⁶⁶ R. v. Erkerl. *Der Kaukasus und seine Völker*. Leipzig, 1887, SS. 216—224. В. В. Бартольд. К истории Дербента. Соч., т. II, ч. I, М., 1963; его же. Новое известие о стенах Дербента. Соч., т. II, ч. I; его же. Дербент. Соч., т. III, М., 1965; П. И. Спасский. Дербентские укрепления, — «Известия Азкомстариса», вып. IV. Баку, 1928; Е. А. Пахомов. Крупнейшие памятники сасанидской архитектуры в Закавказье. — Проблемы ГАИМК, 1933, №№ 9—10; И. Б. Бакланов. Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935, стр. 35—39; М. И. Артамонов. Древний Дербент, — СА, VIII, 1941; его же. История хазар, стр. 116—126; К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. — VII в. н. э. М.—Л., 1959; С. О. Хан-Магомедов. Дербент. М., 1958, стр. 38—60; его же. Стены и башни Дербентской крепости, — «Архитектурное наследство», № 17, 1964; его же. Раннесредневековая горная стена в Дагестане, — СА, 1960, № 1; В. Ф. Милорский. Указ соч., стр. 119—124 и др.

⁶⁷ Ibn Haucal, ed. J. H. Kramers, 339.

⁶⁸ История Азербайджана, т. I. Баку, 1958, стр. 133, 148; М. Х. Шарифли. Азербайджан в IX—XII вв., — «Труды Института истории АН Азербайджанской ССР», т. XII. Баку, 1957, стр. 44, 92—93; Г. М. Ахмедов. Из истории городов Азербайджана, — «Труды Института истории АН Азербайджанской ССР», т. XIII, Баку, 1958.

⁶⁹ И. Джафарзаде. Археологические раскопки городища Оренкала в 1951 г., — «Труды Института истории и философии АН Азерб. ССР», т. 10. Баку, 1954; А. А. Иессен. Городище Оренкала, — МИА, № 67, 1959, стр. 33.

⁶⁰ Ibn Haucal, ed. J. H. Kramers, 339.

фарсахов, от Берзенджа через переход по Куре до Шамахийи—14 фарсахов, от Шамахийи до Ширвана—3 дня пути, от Ширвана до Абхаза—2 дня пути, от Абхаза до Джасар Самур—12 фарсахов, от Джасар Самура до Баб ал-абваба—20 фарсахов⁶¹.

Точная фиксация переходов — показатель существования регулярно действующей трассы. Баб ал-абваб не был конечным пунктом этой трассы, ибо путь шел далее, на Семендер и Итиль.

Город предстает перед нами как один из наиболее известных на Переднем Востоке центров торговой деятельности, торговцы приходят сюда «также из Джурджана, Табаристана, Дейлема»⁶². Более того, Баб ал-абваб назван портом, куда прибывают купцы из Хазарии, Серира, Хайзана, К. р. дж, Руклана, Зирихгерана, Амика⁶³. Серир, Хайзан (Хайдак), К. р. дж, Руклан, Зирихгеран, Амик (Гумик) — это районы внутреннего Дагестана, вернее почти весь Дагестан, именно через Дербент втянутый в международную торговлю.

В цветущем состоянии находилась городская гавань. Она была расположена «в середине» города, причем «между морем и пристанью построено две стены, и это сузило проход для судов и сделало его извилистым. У входа в порт протянута цепь»⁶⁴. Эти слова принадлежат ал-Истахри, а Ибн Хаукал добавляет, что суда, желающие попасть в гавань, должны пройти ворота, что закрыты на замок и как бы висят над водой, а далее, в самом начале входа, по которому корабли попадают в фарватер, протянута цепь. Цепь была закрыта на замок, находящийся в ведении того, кто наблюдал за состоянием моря, причем «судно входит (в гавань) только с разрешения владельца замка (сахиб ал-куфл)»⁶⁵. Персидский текст ал-Истахри вносит иной оттенок: судно может войти в гавань и выйти из нее только по распоряжению (фирман) жителей города⁶⁶.

Топография дагестанских городов не изучена, но письменные источники дают возможность проследить становление облика раннесредневекового города (в част-

⁶¹ BGA, I, 192.

⁶² Tabari, I, 438.

⁶³ Там же.

⁶⁴ BGA, I, 184.

⁶⁵ Ibn Haucal, ed. J. H. Kramers, 339.

⁶⁶ B. Dorn. Beitrage..., V—Geographica Caucasia, 473, 520.

ности Дербента), установить его характерные особенности.

Как известно, представители арабских исторических и географических сочинений отмечали обычное для восточных городов трехчастное их деление: мадина (перс. — шахристан) — собственно город; кала (перс.—кухендиз) — цитадель, укрепленная часть города, место пребывания правителя и знати; рабад — внешний город, первоначально предместье, причем в X в. во многих городах Ближнего Востока и Средней Азии центр городской жизни переходит в рабады.

Наиболее полную картину топографии Дербента дает Балами. Он выделяет собственно город, что между двумя дербентскими стенами (шахристан)⁶⁷. Что касается цитадели Дербента, то она названа отдельно—это кала, или хисар, т. е. «крепость». Когда же речь идет о городе в целом, Балами применяет термин «шахр», что равнозначно арабскому «мадина». В Дербенте имелись также отдельные кварталы (кисм), названные впоследствии в дагестанских хрониках «махалла»⁶⁸.

Сведения Балами о Дербенте относятся к VII—VIII вв.—к тому времени, когда под властью арабов он превращался в феодальный город. В литературе о городах Средней Азии уже отмечена роль арабов «в изменении всего облика старых дофеодальных городов, которые в результате расширения торговых отношений между Ближним Востоком и Мавераннахром все более превращались в города феодального типа»⁶⁹. Это изменение шло обычно по двум линиям: или шахристан терял свое значение, вне его возникал новый феодальный город (Мерв, Самарканд), или же изменения происходили в рамках шахристана, где концентрировалась экономическая и политическая жизнь⁷⁰. Так было в Бухаре, где в пределах шахристана появились базар, кварталы ремесленников, были построены караван-сарай, выросли дома знати. Вместе с тем город расширялся и за пределами шахристана, там появились базары, кварталы

ремесленников. В середине IX в. город заново был обнесен стеной. В X в. вся центральная часть Бухары представляла собой базар, а сам город потерял облик дофеодального шахристана⁷¹.

Развитие Дербента имело много общего с развитием Бухары. Арабы застали здесь шахристан и цитадель. Расширение города шло в пределах шахристана. Значительную часть населения представляли арабские колонисты, занимавшие несколько кварталов. Перемещение центра городской жизни из шахристана в рабад не наблюдалось, жизнь в шахристане никогда не прерывалась и сам шахристан, подобно бухарскому, превратился в одну из частей нового города. Центральная часть Бухары была занята базарами, то же самое мы наблюдаем в Дербенте. Как сообщает ал-Мукаддаси, соборная мечеть расположена «в середине базарных площадей», или «посреди рынков»⁷².

Цитадель оставалась средоточием политической жизни, а в городе находились административно-общественные и религиозные учреждения, ремесленно-торговые предприятия, культовые сооружения, кварталы арабской и местной знати, жилища ремесленников.

Можно предположить, что в VII—VIII вв. шахристан занимал только западную половину территории, заключенной между двумя стенами—об этом свидетельствует нахождение в этой части старых городских кварталов и джума-мечети, построенной в VIII в.⁷³ К X в. город значительно разросся, занимал все пространство между стенами и завершался на востоке гаванью. Рост города происходил быстрыми темпами. К такому выводу пришел В. В. Бартольд, который на основе данных ал-Истахри о том, что Дербент больше Ардебиля и Тифлиса, и сообщения о том, что город имел в длину и ширину две мили⁷⁴, заключил, что расширение шло за пределами южной стены. Ал-Истахри писал о том, что, помимо каменных стен, существовали еще и другие стены из обожженного кирпича и глины, и, по мнению В. В. Бартольда, «эти стены, очевидно, окружали части города,

⁶⁷ Idem, 483—484, 557.

⁶⁸ Derbend-Nameh, 543.

⁶⁹ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа. М., 1955, стр. 192—193.

⁷⁰ Там же. История Самарканда, т. I. Ташкент, 1969, стр. 146—147.

⁷¹ Б. Г. Гафуров. Указ. соч., стр. 193—194.

⁷² BGA, III, 376.

⁷³ Описание джума-мечети.—С. О. Хан-Магомедов, Дербент, стр. 61—65.

⁷⁴ Jācūt, I, 437.

лежащие вне каменных стен (конечно, в южном направлении), так как каменные были воздвигнуты против врагов, ожидавшихся с севера»⁷⁵. Однако археологические разведки последних лет (А. А. Кудрявцев) не подтвердили мнения о существовании у средневекового Дербента огромного рабада, обнесенного кирпичными стенами. А. А. Кудрявцев выдвинул мысль о том, что город в IX—XII вв. за пределами южной стены не развивался (отсутствие культурного слоя) и что рост города за пределами цитадели вполне вероятен.

О росте города свидетельствует наличие ворот на всем протяжении городских стен. Ал-Мукаддаси писал о трех воротах в северной стене — «Большие ворота» (Баб ал-кабир), «Малые ворота» (Баб ас-сагир) и еще одни ворота близ моря, закрытые, они не открываются»⁷⁶. Южная стена также имеет, по ал-Мукаддаси, несколько ворот⁷⁷, но они, очевидно, не так важны, и потому они не названы. В. В. Бартольд высказал мысль о том, что упоминаемые у Ибн ал-Факиха Баб ал-джихад и Баб ал-имара соответствуют Кырхляр-капы и Таш-капы⁷⁸. Трое ворот северной стены сохранились до сих пор — это Джарчи-капы (на северо-востоке от цитадели), Кырхляр-капы (несколько восточнее, напротив кладбища Кырхляр) и Шура-капы (в средней части стены)⁷⁹. Один из списков «Дербенд наме» дает следующие названия ворот: Баб ал-мухаджир, Баб ал-джихад, Баб ал-мактум («Скрытые ворота»), Ворота крепости и Баб ал-кучук («Малые ворота») ⁸⁰. Список «Дербенд наме», изданный М. А. Казембеком, называет 6 ворот с указанием их современных (для автора или составителя «Дербенд наме») названий: Баб ал-мухаджир (Джарчи-капы), Баб ал-джихад (Кырхляр-капы), Баб ал-хамас⁸¹ (Иенги-капы), Баб ас-сакир (или Кайсар? — Туркмен-капы), Баб ал-мактуб (или Баб ал-мактум — Байат-капы), Баб ал-алкама (Нарынкала-капы)⁸². Список «Дер-

⁷⁵ В. В. Бартольд. Дербент, стр. 422.

⁷⁶ BGA, III, 376.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ В. В. Бартольд. Дербент, стр. 422.

⁷⁹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 121.

⁸⁰ РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 158, л. 63.

⁸¹ В. Ф. Минорский читает «Химс».

⁸² Derbend-Nameh, 544.

бенд наме», датированный 1159 г. х. (1746) вместо Баб ас-сакир дает Баб ал-хазар («Баб ал-хазар, которые ныне называют Туркмен-капы») ⁸³.

Мы не имеем конкретных упоминаний о том, за счет какого контингента шло пополнение города, но можно предположить, что перед нами процесс, аналогичный с судьбами многих городов Средней Азии и Ближнего Востока — город пополнялся за счет сельского населения и торгово-ремесленного люда (с VIII в. значительное место в городе и его окрестностях занимал арабский элемент, военный и гражданский).

Одним из известных городов на Восточном Кавказе был также Семендер. Восточные авторы отмечают богатства города, его многочисленные сады и виноградники, наличие там рынков и торговых людей. Ибн Хаукал отмечает наличие здесь богатых земель и пастбищ⁸⁴. Автор «Худуд ал-алама» пишет о Семендере, как о «превосходном городе с рынками и купцами»⁸⁵. Ал-Истахри подчеркивает, кроме всего прочего, многолюдность города («В Хазарии я не знаю более густонаселенного места, чем Семендер») ⁸⁶.

Семендер, как и Дербент, был расположен на трассе международного значения, соединявшей Закавказье и Ближний Восток через западное побережье Каспийского моря с Северным Кавказом, Нижним Поволжьем и Юго-Восточной Европой в целом. И Дербент, и Семендер принимали, как уже указывалось, активное участие в международной торговле. Оба города обязательно упоминаются в торговых международных маршрутах, шедших по западному побережью Каспийского моря⁸⁷. Имеются подробные описания расстояний между Итилем, Семендером, Дербентом и городами Закавказья и Южного Прикаспия в X в. Очень обстоятелен мар-

⁸³ РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 39, л. 155.

⁸⁴ Ibn Haukal, ed. J. H. Kramers, 391—395.

⁸⁵ Hudud al-alam, 162.

⁸⁶ BGA, I, 222.

⁸⁷ A. Sprenger. Die Post- und Reiserouten des Orients, — «Abh. der Deutschen morgenländischen Gesellschaft», 1864, Bd. III, № 3; Зия Буннятов. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1966, стр. 166—170; Разбор сведений о расстояниях по линии Баб ал-абваб — Семендер — Итиль см.: Б. Н. Заходер. Каспийский свод известий о Восточной Европе. М., 1962, стр. 179—183.

шрут (по ал-Истахри) от Абескуна в Хазарию, через Баб ал-абваб и Семендер, причем от Баб ал-абваба до Семендера 4 дня пути, а от Семендера до Итиля—7. Этот же автор указывает обратный маршрут: от Итиля до Семендера—8 дней пути, от Семендера до Баб ал-абваба—4 дня⁸⁸.

Подробные описания маршрутов могли появиться только при наличии регулярных, прочно установившихся торговых связей между различными областями. Это и определило особый интерес арабской географической литературы к Баб ал-абвабу, Семендеру, Итилю, Каспийскому морю в целом. Ал-Истахри, за которым следуют многие другие авторы X в., посвятил отдельную главу Хазарскому морю, с указанием его границ, особых свойств, продуктов, городов на берегу моря, народов, живущих вокруг моря⁸⁹. Автор отмечает, что море не связано ни с одним из остальных морей, и поэтому «если кто захочет обойти его кругом, то он вернется к тому месту, откуда начал свой путь»; что в море вода соленая, и оно не знает ни приливов, ни отливов, дно его илистое; что «не достают в Хазарском море никаких драгоценных камней вроде жемчуга или коралла», и единственное, что дает море — это рыба; что «плавают по этому морю купцы из разных мусульманских стран в землю хазар, в Арран, Джилян (Джилль), Табаристан и Джурджан»; что «в Хазарии производят и доставляют (в другие места) только клей, а ртуть, мед, воск, бобровые шкуры и шерсть — доставляют сюда (из других стран)».

Расцвет Семендера происходил на общем фоне расцвета хазарских городов и каспийской торговли. «Худуд ал-алам» называет, наряду с Семендером, другие хазарские города — Итиль (в тексте — Атиль), Хамлидж, Баланджар (в тексте — Б. н. дж. р.), Байда и др.⁹⁰

Мы дали описание двух городов — Дербента и Семендера. Расцвет обоих городов был связан не только с ростом каспийской торговли, но и с усилившимися связями с сельскими, земледельческими районами Дагестана.

⁸⁸ BGA, I, 219, 226.

⁸⁹ BGA, I, 217 и сл.

⁹⁰ Hudud al-alam, 161—162; А. Г. Туманский. Невосточный персидский географ, стр. 32.

на. Оба города были непосредственно связаны с сельским хозяйством, имели свою земледельческую округу («этому городу принадлежат многочисленные сады, расположенные между городом и Баб ал-абвабом», — писал о Семендере; виноградники Семендера простирались, как уже отмечалось, до пределов Серира). Таким образом, обрисовывается значительная по территории сельскохозяйственная округа Семендера, в которой занято его население, возможно, большая часть населения, не оторвавшегося от земледельческого труда. Этот земледельческий район и имел, очевидно, в виду Ибн Хаукал, когда писал об «областях Семендера», что в 4 днях пути от Баб ал-абваба⁹¹. Он же писал о «возделываемых землях» жителей Баб ал-абваба, об «области Баб ал-абваба». И Дербент, и Семендер были тесно связаны с сельскохозяйственными районами внутреннего Дагестана.

В дальнейшем судьбы этих городов сложились по-разному. Связано было это с ростом значения Древнерусского государства, сыгравшего решающую роль в судьбах Хазарского каганата. В 966 г. русы захватили Саркел, Итиль и Семендер, разрушили их, жители Семендера рассеялись, основная часть их ушла на юг, в сторону Дербента. Жизнь в Семендере погасла, и о нем мы не имеем больше сведений. Что касается Дербента, то временный отрыв от районов Нижнего и Среднего Поволжья он возместил усилением связей с областями Дагестана и Закавказья. Во всей прибрежной полосе Дагестана только Дербент и был, пожалуй, цветущим пунктом, ибо, как писал ал-Истахри, «от Абескуна по левому берегу моря в Хазарию (путь проходит) по населенным местам, исключая только земли между Баб ал-абвабом и Хазарией, где нет ничего»⁹².

§ 3. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДАГЕСТАНА в XI—XIV вв.

Характеристика хозяйственного развития Дагестана в XI—XIV вв. сталкивается с рядом трудностей. Археоло-

⁹¹ Ibn Haukal, ed. J. H. Kramers, 389.
⁹² BGA, I, 219.

логические данные «остановились» на X в., а в восточных источниках этот период истории Дагестана освещен совершенно недостаточно. Это обстоятельство обусловило отсутствие ясной картины хозяйственной деятельности населения в отдельных естественно-географических зонах Дагестана, фрагментарность и недостаточную аргументированность некоторых выводов. Оно обусловило также характеристику отдельных сторон хозяйства без учета развития, специфических особенностей этого развития.

При характеристике социально-экономического и политического развития дагестанского общества в XI—XIV вв. нельзя не иметь в виду те военно-политические факторы, которые оказали огромное отрицательное воздействие на прогрессивный ход развития экономики и культуры. Многочисленные, следовавшие одно за другим вторжения иноземных войск нанесли огромный ущерб производительным силам страны, привели к потере сотен и тысяч непосредственных производителей материальных благ, к разрушению городов и аулов, к ограничению некоторых отраслей народного хозяйства. Иноземные вторжения следовали одно за другим: сельджуки, монголы, Тимур, борьба Хулагуидов и Золотой Орды, Тохтамыша и Тимура превратили Дагестан, особенно прибрежный, в арену ожесточенных и почти непрекращавшихся военных столкновений враждующих сил.

Особенно сильно пострадали равнинные и нижне-прибрежные районы, где проходила основная масса завоевателей. В результате монгольских завоеваний в прибрежном районе Дагестана росла площадь запущенных земель. Равнинные земли были превращены в место чевки скота завоевателей. Были нарушены традиционные связи между горными районами и плоскостью. В равнинных районах оседлое земледельческое хозяйство на определенное время было вытеснено хозяйством кочевым⁹³. Не менее разрушительны и пагубны для хозяйственной жизни были и походы Тимура. Во время его походов пострадали как равнинные, так и внутренние, горные районы Дагестана.

Все эти факторы весьма отрицательно сказались на экономике страны, отбросили назад развитие равнинных и предгорных районов. В горных же районах регресса или же застоя производительных сил мы не наблюдаем. Связано это с тем обстоятельством, что военные столкновения происходили, в основном, в восточной, прибрежной полосе Дагестана, а завоевательные походы в глубь Дагестана, наталкиваясь на ожесточенное сопротивление местного населения, не привели к более или менее длительному господству завоевателей. Эта относительная независимость внутренних районов Дагестана и была той основной причиной, которая лежала в основе медленного, но неуклонного развития в них земледелия и скотоводства, ремесла и торговли.

Основу экономики Дагестана в XI—XIV вв. составляли, как и в предыдущее время, земледелие и скотоводство. К сожалению, письменные источники не дают нам конкретных данных ни о способах выращивания, ни о сортах зерновых культур, но с учетом археологических данных, относящихся к раннему средневековью, мы можем уверенно предположить, что и в рассматриваемое время земледельцам Дагестана были известны самые различные сорта культурных растений (пшеница, ячмень, рожь, полба). Во всех дагестанских языках сохранились местные названия озимых и яровых зерновых культур.

Отрывочные, но ценные сведения о производстве зерновых дают нам письменные источники. Как сообщает Закарийя ал-Казвини (1203—1283), в высокогорном селении Цахур жители выращивают зерно «сульт», схожее с ячменем по виду, а с пшеницей — по качеству⁹⁴. Из текста можно заключить, что жители Цахура в основном сами удовлетворяли свои нужды в зерне, не доставляли его из других районов — «нет у них торговли или сношений (с другими), напротив, каждый из них сеет достаточно для себя количество зерна и питается им и молоком принадлежащих ему овец»⁹⁵. Со слов того же автора, зерно сульт было хорошо известно и в другом высокогорном пункте — ауле Шиназ⁹⁶.

⁹³ Р. М. Магомедов. История Дагестана, стр. 98—99.

⁹⁴ Zakariya Ben Muhammad Ben Mahmud el-Cazwini's Kasmographie, hrsg. von F. Wüstenfeld, t. II. Göttingen, 1848, S. 405.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

Относительно произрастающего в Цахуре и Шиназе зерна сульт А. Н. Генко писал, что здесь речь идет о голозерном ячмене⁹⁷. В знаменитом «Камусе» указано, что сульт — «это ячмень или разновидность (сорт) его». В дагестанских текстах это чрезвычайно редкое слово, нам оно встречалось только в одном источнике, в адатах селения Хучада (ныне Советский р-н), в качестве штрафа с местных жителей («мерка сульта») ⁹⁸. Голозерный ячмень, очевидно, широко культивировался в прошлом. Он известен всем дагестанским народам под местными названиями: махIяр (даргинск.), лив. (дидойск.), у (лакск.), маар (аварск., агульск.). У лезгин, как рассказывают старожилы, раньше сеяли «кьери мух» (букв. «редкий ячмень»), «что-то среднее между ячменем и пшеницей». Этот злак назывался также «наал мух».

Историческая хроника «Тарих Дагестан» также дает важные сведения, позволяющие судить о месте зернового хозяйства в экономике ряда горных районов. По данным этого сочинения, в начале XIV в. ряд аулов и обществ (Хунзах, Гадаб, Аркас, Ирганай, общество Тумал) вносит харадж именно пшеницей⁹⁹.

О дальнейшем развитии земледелия в горных районах свидетельствует особое распространение здесь террасного земледелия, период наивысшего расцвета которого падает, как отмечает В. Г. Котович, на вторую половину I — первые века II тысячелетия н. э. Это в свою очередь было обусловлено в немалой степени увеличением населения¹⁰⁰.

Последнее обстоятельство, т. е. рост населения или же относительная густонаселенность горных районов, было важнейшим фактором. Источниками роста населения во внутренних районах Дагестана были как естественный прирост населения, так и приток больших этнических массивов с равнинных районов, имевших богатые земледельческие традиции и оказавшихся ареной воен-

⁹⁷ А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. — «Труды II сессии ассоциации арабистов». М.—Л., 1941, стр. 96.

⁹⁸ Адаты аварских аулов, — РФ ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, л. 57 (араб. яз.).

⁹⁹ Darbeid-Nameh, 559—577.

¹⁰⁰ В. Г. Котович. Социально-экономический строй Дагестана в древности и средневековье, — РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, л. 3704.

ных столкновений. Разрушение прибрежных городов, значительный упадок значения Дербента в XIII—XIV вв., уничтожение многочисленных поселений на плоскости — все это вынудило население городов и поселений сельского типа найти убежище в горных районах. Восточные авторы неоднократно указывали на многочисленность горных районов. Якут (ум. 1229) писал, что жители Лакза — «народ многочисленный... (у них имеются) обрабатываемые дийа и населенные области». Тут же он сообщает о жителях Табасарана: «у них много населенных мест, только (жителей) ал-Лакза больше числом»¹⁰¹. Большое число жителей Серира отмечалось еще авторами X в. Ал-Масуди писал, что в Серире «было 12 тысяч селений». В географическом сочинении XIII в. Серир назван областью «с большим количеством населения»¹⁰².

Таким образом, судьбы внутренних районов Дагестана сложились гораздо благоприятнее, чем в плоскостных и предгорных районах. Поход 1239—1240 гг., совершенный монголами в глубь гор, был опустошительным, а поход Тимура в горы в конце XIV в. также ослабил страну, но кратковременность господства завоевателей была залогом того, что хозяйство здесь быстро восстанавливалось. Поэтому в горных и высокогорных районах прогрессивное развитие хозяйства, хотя и было замедлено, но не было остановлено.

Выше уже отмечалось, что плоскостные и предгорные районы с развитым в VIII—первой половине X в. полеводством, садоводством, виноградарством в течение второй половины X—XIV вв. пережили несколько катастрофических периодов, экономическое развитие в них в значительной степени тормозилось. О состоянии земледелия на равнине после X в. вплоть до XIV в. мы не имеем сведений. Очевидно, к середине XIV в. хозяйственная жизнь в районе Дербента восстанавливается, но большое значение приобретает скотоводство — возможно, это результат пребывания монголов. Хамдаллаху Казвини (ум. 1349) принадлежит весьма интересное сообщение о Дербенте и его округе: «Что касается плодородия, (то) хлеб там хорош. (Дербент) обладает прекрасными пастбищами, воды и скота там много, боль-

¹⁰¹ Якут, I, 438.

¹⁰² Н. Д. Миклухо-Маклай. Указ. соч., стр. 205—206.

шая часть дохода их бывает от этих (благ)»¹⁰³. В обнаруженном недавно «Сказании о Железных воротах» (сохранилась только копия), составленном в середине XV в., дается подробное описание хозяйственной деятельности населения в районе южнее Дербента: «А в той земле пашут землю и сеют пшеницу, и ячмень, и ярицу, и полбу»¹⁰⁴. Это высказывание можно отнести и к Дербенту с прилегающими землями. Упоминание в «Сказании» культуры ярицы, т. е. яровой ржи¹⁰⁵ — это единственное сообщение, дающее возможность судить о системе земледелия. Упоминание ярицы говорит о наличии яровых и озимых культур. Если учесть, что во всех дагестанских языках встречаем местные названия пара, то из сообщения о зерновых в районе южнее Дербента можно, вероятно, заключить, что мы имеем дело с паровой зерновой системой с трехпольным севооборотом (трехполье).

С дальнейшими успехами в производстве зерновых связано культивирование в Дагестане новых сортов культурных растений, попадавших из Азербайджана. Сорт пшеницы сарыбугда известен в Азербайджане еще в XIII—XIV вв.¹⁰⁶, а впоследствии получил широкое распространение в Южном Дагестане. С юга проникла также культура риса. Во всех дагестанских языках рис обозначается или персидским (берендж) или тюркским (дуйгуб) термином. О посевах риса в Азербайджане источники сообщают еще в X в.¹⁰⁷ В Дагестане же впервые рис упоминается в I половине XIV в. в хронике «Тарих Дагестан» Мухаммеда Рафи при перечислении податей газикумухскому шамхалу («на жителей селения Гаргу — два сахара рису»). Рис разводили в прибрежных райснах, в частности в районе Дербента.

В предгорье и на равнине садоводство и виноградарство в период военных акций также значительно постра-

¹⁰³ И. П. Петрушевский. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья. «Известия АН СССР», отд. общ. наук, 1937, № 4, стр. 908.

¹⁰⁴ В. А. Кучкин. «Сказание о Железных воротах», — «Археологический ежегодник» за 1964 г. М., 1965, стр. 276.

¹⁰⁵ Яровая рожь в русских письменных памятниках выступает под названием «ярицы» (см.: Очерки русской культуры XIII—XV вв., часть первая, М., 1970, стр. 40).

¹⁰⁶ А. А. Али-Заде. Указ. соч., стр. 30.

¹⁰⁷ Там же, стр. 31.

дало, но они постепенно восстанавливались, особенно в районе Дербента, вошедшего в состав государства Хулагуидов. Возможно, реформы Газан-хана (о них — ниже) способствовали постепенному оживлению хозяйственной жизни в районе Дербента. Конкретными данными об этом мы не располагаем, но оживление хозяйственной жизни в течение XIV в. мы можем предположить, если иметь в виду развитие хозяйства в этом районе, зафиксированное в середине XV в. Автор «Сказания о Железных воротах» писал, что в Азербайджане, в землях, примыкающих к Дербенту, встречаются «и леса, и сады, и винограды, и мельницы, и всякий овощ земный», а А. Контарини также сообщал о районе между Дербентом и Шемахой, где было много фруктов, особенно яблок, о Дербенте, который «надлежащим образом снабжен продовольствием и торгует вином, а также разнообразными продуктами»¹⁰⁸.

Садоводство было известно и в ряде горно-долинных зон. Абу Хамид ал-Гарнати (ум. 1169) впервые упомянул о садоводстве в долинах Дагестана: «Много у них всяких благ, таких как мед, и мясо, и фрукты в их долинах»¹⁰⁹.

Закарийа ал-Казвини также упоминает о «горных яблоках» в селении Шиназ¹¹⁰. Что население занималось садоводством и виноградарством в долинах «еще в средние века» подтверждается также сравнительной древностью долинных террас, «которые ввиду жары могли засеиваться только в сочетании с фруктовыми деревьями», сохранением на склонах гор «небольших рощ и одичавших фруктовых деревьев, которые могут существовать только в местах, где сильны традиции садоводства», наличием на склонах и террасах лоз одичавшего винограда, исключительным многообразием местных сортов плодов¹¹¹. Ряд сортов плодовых попадал из Азербайджана (в Южном Дагестане издавна известен сорт яблок

¹⁰⁸ Барбаро и Контарини о России. Пер. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971, стр. 216.

¹⁰⁹ Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. Публикация О. Г. Большакова и А. Л. Монгайт. М., 1971, стр. 26.

¹¹⁰ Caswini's Kosmographie, II, 405.

¹¹¹ С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Указ. соч., стр. 35.

«магбул Ахмед ич», т. е. «яблоко азербайджанца Ахмеда» и «Ширван кахар ич»).

Среди технических культур, известных в Дагестане, важное место занимали марена, шафран, лен, конопля, хлопок.

Марена, как уже отмечалось, получила в ранне-средневековом Дагестане широкое распространение как красильное растение. В XIII—XIV вв. в связи с монгольскими и тимуровскими походами и сокращением населения в Дербенте и его окрестностях производство марены резко падает, но, начиная с XV в., оно обретает прежнюю силу, достигнув в последующих веках небывалого расцвета. Другое же красильное растение — шафран (оно давало желто-оранжевую краску) — культивировалось, как сообщает Якут, в районе Дербента¹¹², но о производстве шафрана в последующие века мы не имеем сведений.

О судьбах льноткачества мы также не имеем сведений. Авторы XIII—XIV вв. уже не упоминают о выращивании льна, нет льна и в числе товаров, идущих через Дербент. Вполне возможно, что ряд населенных пунктов Дагестана, в частности в районе Дербента, перешел в XIV—XV вв. на производство шелка, ибо в середине XV в. шелковые ткани и атлас вывозятся из Дербента в Россию¹¹³. Однако ряд этнографических наблюдений показывает, что во внутренних районах Дагестана производство льна не прекращалось, хотя уступало по своему значению производству конопли. Что касается конопли, то производство ее занимало во многих районах Дагестана немаловажное место, удовлетворяя нужды ткацкого производства при господстве натурального хозяйства. Письменных сообщений о выращивании конопли в XI—XIV вв. нет, возможно, потому, что изделия из конопли не экспортировались и не появлялись на местном рынке.

Наряду с земледелием, основным и важнейшим видом хозяйственной деятельности населения Дагестана в XI—XIV вв. было скотоводство.

Как установлено в работах археологов, в средневековом Дагестане были известны все существующие

и ныне виды домашних животных. Домашний скот играл большую роль в жизни горца, обеспечивая его мясом, маслом, молочными продуктами, кожей для изготовления одежды, обуви, головных уборов, шерстью для изготовления различных тканей, войлока, бурок, ковровых изделий. Кроме того, крупный рогатый скот (быки) использовался как тягловая сила, а лошади, ослы и мулы — при различных сельскохозяйственных и транспортных работах.

Одним из важных вопросов в истории скотоводства является выяснение соотношения крупного и мелкого рогатого скота. М. О. Османов справедливо отмечает, что огромные площади возделанных земель вокруг сравнительно небольших средневековых поселений при отсутствии подавляющего превосходства в пастбищах — признаки наличия большого числа крупного рогатого скота — пахотное земледелие на значительных участках связано было с увеличением спроса на тягловую силу¹¹⁴. Это дало повод утверждать, что тенденция преобладающего роста крупного рогатого скота продолжается, по видимому, и в небольших поселениях родственных коллективов, существовавших до XII—XIV вв. Мы видим, что вопрос об удельном весе крупного и мелкого рогатого скота перерастает рамки проблемы взаимоотношений различных видов скота, став, в основном, вопросом соотношения пашенного земледелия и скотоводства.

Нам кажется, что мнение о доминирующей роли и преобладании крупного рогатого скота по сравнению с овцеводством в XII—XIV вв., да и вообще в раннем средневековье, вполне справедливое по отношению к районам развитого пашенного земледелия, к плоскостным, предгорным и ряду горных районов, нельзя распространять на весь Дагестан. Тезис о доминации крупного рогатого скота в Дагестане еще в раннем средневековье, выдвинутый на основе археологических данных¹¹⁵, также остается еще не аргументированным, ибо привлеченный для этого остеологический материал

¹¹⁴ С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева, Указ. соч., стр. 39.

¹¹⁵ К. Н. Золотов. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни народов Дагестана, — МАД, т. II. Махачкала, 1961, стр. 288—290.

¹¹² Якут, I, 438.

¹¹³ Барбарт и Контарини, о России, стр. 217.

представлен памятниками в основном нижнего предгорья (Сигитма, Бавтугай, Чирюрт) и лишь в незначительной степени горных районов (Кахибский, Чародинский, Докузпаринский, Гунибский р-ны), давших по нескольку особей. Не представлены высокогорные районы с прекрасными альпийскими пастбищами, с весьма благоприятными условиями для занятия овцеводством (почти вся Авария, Юго-Западный Дагестан, частично даргинские и лакские земли).

Для характеристики хозяйственного развития Дагестана, в частности земледелия и животноводства в XIII—XIV вв., важное значение имеют данные хроники «Тарих Дагестан». Населенные пункты и общества, вносящие харадж, можно разделить, судя по данным хроники, на несколько категорий: вносящие харадж только овцами (общества Карах, Кусрахи, Хибилал, Чамалал, Рис'ур, Мукрак, селения Аршуб, Цахур, Голода); дающие харадж и овцами, и зерном (Хунзах, Гадар, Аркас, общество Тумал); крупным рогатым скотом (Тиндал, Хайдак, Усиша, Акуша, Цудахар); крупным и мелким рогатым скотом (Баклал); только зерном (Ирганай); войлоком (Анди); рисом (Таргу); рыбой (Костек); пороком (Зирихгеран); лошадьми (Куралал) ¹¹⁶.

Все общества и селения, платившие харадж овцами, входили в высокогорную зону с прекрасными условиями для развития овцеводства (обширные альпийские луга) и развитым животноводческим хозяйством — это современные Чародинский, Цумадинский, Тляротинский, Ахвахский, Рутульский районы — самые западные земли Дагестана.

Хунзах, Тумал, Гадар, Аркас вносили налог мелким скотом и зерном, потому что занимают горы и верхнее предгорье и не имеют альпийских пастбищ (ныне Хунзахский, Лакский и Буйнакский р-ны). Предгорные и горные районы, не имеющие богатых пастбищ (Хайдак, Усиша, Акуша, Цудахар), поставляли шамхалу крупный рогатый скот ¹¹⁷.

Все это дает возможность предположить, что наблюдаемая в XVI—XVII вв. и далее доминанция овцеводст-

ва над крупным рогатым скотом в высокогорных и ряде горных районов, иными словами преимущественное развитие овцеводства в ущерб земледелию, не представляла собой какого-то нового для гор явления, возникшего в XIV—XV вв. В связи с этим приходится еще раз вернуться к вопросу об отгонном скотоводстве, для которого в X—XIV вв. существовали благоприятные условия. Есть основания предположить, что Терско-Сулакская низменность также использовалась овцеводами горного Дагестана. Исследования Е. И. Крупнова и споро-пыльцевые анализы погребенных почв установили, что вплоть до XIV—XVI вв. природные условия даже в ныне пустынных районах были благоприятные ¹¹⁸. В XI—начале XIII вв. пастбищные земли Прикаспийской низменности были доступны овцеводам Дагестана так же, как и в IX—первой половине X вв., когда мирные и союзнические отношения составляли основу хазаро-дагестанских контактов.

В середине XI в. (40—50 годы) южнороссийские и северокавказские степи были заняты тюркоязычными кочевниками-половцами. Однако, как установил А. А. Иессен, южная граница половецких кочевий на Северном Кавказе проходила примерно по линии Армавир — Пятигорск — Калмыцкие степи, с которыми аланы вскоре установили нормальные отношения. Для алан открылись возможности использования прикаспийских пастбищ ¹¹⁹. Вполне вероятно, что нормализация дагестано-половецких отношений также имела место. Известна та роль, которую играли половцы в формировании кумыкской народности ¹²⁰. Характерно, что после погрома, учиненного монголами, половцы нашли убежище в дагестанских горах и в Дербенте ¹²¹.

Большой интерес представляет сообщение знаменитого историка и географа Абу-л-Фиды (1273—1357),

¹¹⁶ Р. В. Федорова. Результаты исследования споро-пыльцевым методом курганов Прикаспийской низменности. — «Известия Грозненского областного музея краеведения», вып. V. Грозный, 1953, стр. 154—161; В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, стр. 77.

¹¹⁹ В. А. Кузнецов. Указ. соч., стр. 77.

¹²⁰ С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1953, стр. 229; С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 44.

¹²¹ Ibn el-Athir, XIII, 264 (ed. C. J. Tornberg).

¹¹⁶ Derwend-Nameli, 559—577.
¹¹⁷ На это обратил внимание Д. М. Атаев, но хроникой отнес к XVI в. Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 220.

писавшего на основе данных испанского географа XIII в. Ибн Саида (1214—1274): «Город М. т. р. х... К востоку от М. т. р. х... расположена Река овец, на которой стоит страна ас-Серир... Эта река большая, она замерзает зимой и по ней переходят (тогда) животные. Река впадает в Хаазарское море. К югу (чит.: к северу) от этой реки впадает (в море) река Малый Итиль, которая течет близ Большого Итиля и течет южнее (чит.: севернее) Реки овец (нахр ал-гамам). Между этими двумя реками остается остров (междуречье), шириной около трех переходов (мархала)»¹²².

В. В. Бартольд, вслед за французским ориенталистом Ж. Т. Рено, издателем текста Абу-л-Фиды, считал, что под «Рекой овец» у Ибн Саида следует понимать реку Куму¹²³. В недавно опубликованной книге «Аланы в X—XIII вв.» В. А. Кузнецов, впервые и вполне справедливо толковавший это место с точки зрения ведения скотоводческого хозяйства, также присоединился к этому мнению¹²⁴. Однако приведенный выше отрывок из сочинения Абу-л-Фиды «Таквим ал-булдан» («Упорядочение стран») показывает, что речь идет не о Куме, а скорее всего о Сулаке («на которой стоит страна ас-Серир»). Правда, «Река овец» расположена по Абу-л-Фиде севернее Терека («Малый Итиль») — это и натолкнуло на мысль о реке Куме. Однако здесь мы имеем дело с нередким в арабской географической литературе явлением — смешением понятий север — юг.

Таким образом, само название реки Сулак — «Река овец» (ср. Койсу — «Овечьи воды») и указание на животных, которые зимой переходят реку, свидетельствуют о давних хозяйственных контактах гор и равнины, в частности о перегоне овец в XII—XIII вв. с гор на равнину и обратно.

В литературе о хозяйстве народов Дагестана вполне справедливо обращают внимание на роль естественноисторических зон (равнина и предгорье — преимущественно зерновые, садовые культуры, виноградарство, круп-

ный рогатый скот; горы — животноводство и домашние промыслы; горно-долинные зоны — садоводство, земледелие, крупный рогатый скот; высокогорье — в основном — овцеводство)¹²⁵. Вместе с тем верхние хронологические рубежи процесса окончательного приобретения отдельными зонами определенной хозяйственной специфики значительно расширены. Процесс окончательной дифференциации хозяйства по географическим зонам отнесен к XVI—XVII вв.¹²⁶ Начало же этого процесса связывается с XIII—XIV вв., т. е. со временем образования крупных населенных пунктов.

Приведенные выше данные «Тарих Дагестана» и других сочинений показывают, что к началу XIV в. или же в XIII в. хозяйственная специализация отдельных районов, так называемая дифференциация хозяйства по естественно-географическим зонам, предстает перед нами не в своей начальной форме, а на стадии полного развития.

Важным фактором в этом процессе было то, что с начала XV в. наступила сравнительно мирная подоса¹²⁷. Поход Тимура 1396 г. был последней крупной акцией, сопровождавшейся разрушениями колоссальных размеров. Последующие века также не характерны мирной обстановкой, но они были сравнительно спокойными, однако последующие походы в Дагестан (первые Сефевиды, борьба Ирана и Турции, а затем и России за господство на Восточном Кавказе) не могли уже изменить сущности новых процессов: равнинные и предгорные районы втянулись вновь в полную меру в хозяйственную деятельность. Эти районы вернулись к старым земледельческим традициям в их интенсивной форме — к садоводству, виноградарству, а главное — к производству зерновых. Плоскость «вместе с нижним предгорьем начинает превращаться в очаг земледелия с разведением крупного рогатого скота»¹²⁸. В горных районах наблюдается установленный дагестанскими археологами и этнографами процесс забрасывания террас и раз-

¹²² Geographie d'Aboulfeda. Texte arabe, publié... par M. Reinaud et de Sane. Paris, 1840, p. 204.

¹²³ В. В. Бартольд. География Ибн Саида, стр. 109 (В. В. Бартольд. Сочинения, т. VIII, М., 1973).

¹²⁴ В. А. Кузнецов. Указ. соч., стр. 75.

¹²⁵ История Дагестана, т. I, стр. 282.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ С. III. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Указ. соч., стр. 21.

¹²⁸ Там же, стр. 39.

вития хозяйства в сторону увеличения веса животноводства и роста домашних промыслов.

Все это позволяет предположить, что окончательная дифференциация хозяйства по географическим зонам наблюдается в Дагестане уже в XV в. При этом надо иметь в виду, что на протяжении всего средневековья в Дагестане не было зон или отдельных районов чисто земледельческих, как и не было районов чисто животноводческих.

Вместе и в непосредственной связи с развитием земледелия и скотоводства дальнейшее развитие получило ремесло средневекового Дагестана. При господстве натурального хозяйства мы наблюдаем здесь все три формы «соединения промысла и земледелия», о которых писал В. И. Ленин, имея в виду экономику русского крестьянского хозяйства, однако доминировала форма, характерная переработкой «...сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает»¹²⁹. Домашние промыслы (обработка шерсти, кожи, изготовление сукна, хлопчатобумажных тканей, одежды, обуви, войлока, бурок, сельскохозяйственных орудий, изделий из дерева, гончарное производство, ковроткачество и т. д.) получили в Дагестане дальнейшее развитие, будучи существенным дополнением крестьянского хозяйства.

Вместе с тем происходит постоянное развитие ремесленного производства на базе наблюдаемого еще в раннем средневековье отделения ремесла от земледелия. Успехи ремесленного производства в Дагестане происходили на фоне общего подъема ремесла на Кавказе и других областях. В X—начале XIII вв. дальнейшее развитие ремесла на Северном Кавказе, в частности оружейного, кузнечного, строительного дела, гончарного производства, хорошо прослеживается по археологическим данным¹³⁰. В эпоху, предшествовавшую монгольской жизни и торгово-ремесленное производство в Гру-

зии, Армении, Азербайджане и сопредельных странах¹³¹. В XI—начале XIII вв. наблюдаем расцвет городов Средней Азии¹³².

В области ремесла в Дагестане наибольшее развитие получают металлургия и металлообработка. Зарождение и развитие металлургии связано прежде всего с сырьевой базой. Районы высокогорного Дагестана на всем протяжении, от Чечни до Азербайджана, являются рудоносными¹³³. О совершенствовании процесса выплавки железа и производства железных изделий свидетельствуют многочисленные изделия кузнечного ремесла, а также производственные остатки на Урцекском, Андрейаульском и Аркасском городищах¹³⁴. На рубеже I и II тысячелетий н. э., когда значительно расширилась область применения железа, добыча руды и выплавка железа приобретают довольно большой размах. По производственным остаткам Аркасского городища восстанавливается сыродутный способ получения железа¹³⁵.

Развитие ремесла хорошо прослеживается на примере Зирихгерана. В середине X в. ал-Масуди писал: «Затем в сторону Серира и гор—владение Зарикаран (Зирих-Гаран), что означает «мастера кольчуг», потому что большинство из них делает кольчуги, стремена, уздечки, мечи и другие виды оружия из железа»¹³⁶. В первой половине XII в. мы наблюдаем иную картину— изделия ремесленников стали разнообразнее, поголовно все население занято в Зирихгеране в сфере ремесленного производства. Испанский араб Абу Хамид ал-Гарнати, по-

¹³¹ А. А. Али-Заде. Указ. соч., стр. 52—53; История Азербайджана, т. I, стр. 133—134, 145—150; М. Х. Шарифли. Указ. соч., стр. 93—94; М. М. Альтман. Исторический очерк города Ганджи, ч. I, Баку, 1949, стр. 36—46; Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа. История Грузии, ч. I, Тбилиси, 1950, стр. 200—203, 228; История армянского народа, ч. I, Ереван, 1951, стр. 167; Б. Н. Аракелян. Развитие ремесел и товарного производства в Армении в IX—XIII вв. СА, т. XXVI, 1956.

¹³² Б. Г. Гафуров. История таджикского народа, стр. 261, 265; В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва. СПб. 1894, стр. 13—14.

¹³³ Сводка сообщений о рудоносных очагах Дагестана—См.: Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 221—226.

¹³⁴ М. М. Маммаев. Указ. соч., стр. 10.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 203; Masoidi, 11, 41.

¹²⁹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, — Полное собр. соч., т. 3, стр. 328, 378.

¹³⁰ Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 113—117; В. А. Кузнецов. Указ. соч., стр. 84—147.

сетивший в 1131 г. Дербент, писал о зирихгеранах: «Близ Дербенда расположена большая гора, у ее подножья — два селения, в которых живет народ (умма), называемый зирих гаран, т. е. изготовители брони, которые изготавливают всякое военное снаряжение — кольчуги, панцири (джавашини), шлемы, мечи, копья, луки, стрелы, кинжалы и всевозможные медные изделия»¹³⁷. Развитие металлургического производства, его усовершенствование привело к полному отделению всех видов ремесла от земледелия. Ал-Гарнати так и пишет о зирихгеранах: «Жены их, сыновья их, дочери их, слуги и служанки их — все они заняты в производстве этих изделий, и нет у них обрабатываемых земель (пашен) и садов»¹³⁸. Ал-Гарнати пишет о зирихгеранах, живущих в двух аулах, расположенных рядом, — это скорее всего современные Кубачи и Амузги. Значит жители обоих селений специализировались только на производстве ремесленных изделий. Перед нами такой далеко зашедший процесс развития ремесла и специализации отдельных его отраслей, когда целых два аула полностью выделились из сферы земледельческого труда.

Жители Зирихгерана и впредь продолжали заниматься в сфере ремесленного производства. В 1396 г., когда Тимур проходил по внутренним районам Дагестана, уничтожая все на своем пути, жители Зирихгерана сумели спасти себя от участи других аулов, и в этом деле помогло им искусство кузнецов: «Все жители Зирихгерана встретили царственный поезд подчинением и повиновением и поднесли ему множество брони и кольчуг»¹³⁹.

Приведенные выше данные хорошо иллюстрируют высокий уровень кузнечного дела и меднолитейного производства. Здесь были мастера — бронники, изготавлившие кольчуги, панцири, шлемы. Изготовление кольчуг — сложный и трудоемкий процесс, он состоит из ряда

операций, требующих высокой квалификации¹⁴⁰. Как пишет Б. А. Колчин, кольчуга на средний рост состояла из 10—17 тысяч железных колец диаметром от 13 до 22 мм, а «соединительные кольца, а их было 1/2 от общего числа, склепывали заклепками диаметром 0,75—1,00 мм»¹⁴¹.

На производстве военного снаряжения специализировался, очевидно, ряд других аулов. Об одном таком ауле до нас дошло сообщение автора XIII в. Закария ал-Казвини. Он пишет о жителях ругульского селения Шиная, которые были искусны в изготовлении «кольчуг, панцирей и других видов вооружения»¹⁴². Последнее сообщение очень важно — там говорится не только об изготовлении кольчуг, но и панцирей, т. е. пластинчатых брони, точно так же, как и у жителей Зирихгерана в середине XII в. Как пишет Б. А. Колчин, «технология производства брони, особенно пластинчатых, была очень сложной и требовала от мастера высокого искусства и профессионального опыта... Кроме плоских пластин, для брони необходимы были десятки фигурных пластин со сложным профилем для ворота, наплечий, нарукавников и т. п. Их величина каждый раз менялась в зависимости от размера брони, а броню всегда нужно было делать надежной, крепкой, удобной и достаточно легкой, из очень тонких пластин»¹⁴³. Существует несколько типов пластинчатых брони (чешуйчатые, брони из пластин прямоугольной и квадратной формы, из пластин вытянутой трапециевидной формы)¹⁴⁴, но подробностей о бронях Зирихгерана и Шиная мы не знаем, ибо при археологических работах пластинчатые брони не обнаружены. По письменным данным, мы знаем только о существовании двух центров с высокоразвитым уровнем кузнечного ремесла — это Зирихгеран и Шиная, причем в Шиназе, в отличие от Зирихгерана, в ремесле занята только часть населения. Можно только предположить наличие и других центров производства воору-

¹³⁷ Le Tuhfat al-albab de Abu Hamid al-Garnati edite... par G. Ferrand. Paris, 1925 (JA, CCVII), p. 84; Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу, стр. 50.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. т. II. М.—Л., 1941, стр. 137.

¹⁴⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 231; Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (МИА, т. 32). М., 1953, стр. 150—152.

¹⁴¹ Очерки русской культуры XIII—XIV вв., ч. I, стр. 177.

¹⁴² Caswini's Kostmographie, II, 405.

¹⁴³ Очерки русской культуры XIII—XIV вв., кн. первая, стр. 177.

¹⁴⁴ Там же.

жения. В этом отношении большой интерес представляет одно место у Ибн Русте (нач. X в.), сообщающее о Серире: жители крепости царя Серира при выполнении обряда, связанного с похоронами, «салятся на коней и облачаются в панцири (джаушан) и кольчуги»¹⁴⁵. Стало быть, массовое производство панцирей и кольчуг было налажено еще в X в. При высоком уровне металлообработки, изготовления оружия и предметов вооружения в средневековой Аварии (Серир)¹⁴⁶ можно допустить наличие и здесь центра изготовления оборонительных доспехов.

Очевидно, Зирихгеран становится со временем единственным центром в Дагестане по изготовлению таких дорогостоящих и сложных предметов вооружения, как панцири и кольчуги. О Шиназе мы не имеем больше сведений, в то время как слава кубачинских мастеров-бронников и мастеров-оружейников еще длительное время шла по всему Кавказу. Когда и почему заглохло в Шиназе производство вооружения, мы не знаем, и в настоящее время жители Шиназа даже в отдаленной форме не помнят о высоком мастерстве своих предков.

Создается впечатление, что кубачинцы перешли со временем на преимущественное изготовление кольчуг. Во всяком случае в дагестанских языках не различаются ныне кольчуга и панцирь, оба они обозначаются одним термином (как и на Руси под обобщающим словом «броня»): лакск. — хIурни, или описательно — муххал лаххчя, т. е. «железная рубашка»; дарг. — халчук, или мегьшанда палтар, т. е. «железная рубашка»; аварск. — кьолден; кубач. — хIуннила агачан, причем первое слово не поддается ныне этимологизации, а второе означает рубашку. В лезгинском языке и кольчуга, и панцирь обозначается словом кьеркь, означающим не только доспех, но и кусок овчины (отголосок того времени, когда на вооружении были панцири с пластинами, которые нашивались на кожу). Вообще в последующих описаниях вооружения дагестанцев встречаем конкретное указание обычно на кольчугу, но панцири, изготовленные в XI—XIII вв., были в ходу еще в XIX в.: в 1820 г. во время выступления Мадатова из Ширвана в Кюрин-

ский округ, кюринцы имели при себе «длинные, копыя, блестящие панцири, шлемы, щиты и шашки, на которых старые надписи свидетельствовали о принадлежности их ко времени крестовых походов»¹⁴⁷.

XI—XII вв. относится, по всей вероятности, и широкое распространение в Дагестане защитного оружия — щита. Ни в Зирихгеране, ни в Шиназе, судя по письменным источникам, щиты не изготовлялись, а распространение в дагестанских языках известного у сельджуков названия щита — калкан (кумыкск. — кьолгъан, аварск. и лакск. — кьалхъан, дарг. и лезгинск. — кьалхан) наводит на мысль о повсеместном использовании этого защитного оружия во время сельджукских походов.

Таким образом, производство оружия и предметов вооружения занимает в Дагестане важное место. Это и понятно, ибо X—XIV вв. были в истории Дагестана временем, полным военных столкновений, особенно с многочисленными внешними врагами. Все это и определило исключительное место кузнечного дела и значение железа в ремесленном производстве. Обработка железа занимала ведущее место в ремесленном производстве средневекового Дагестана. Можно уверенно предположить, что кузнечное дело было развито во многих аулах Дагестана как специализированная область ремесла, обеспечивая не только изготовление вооружения, но, возможно, в первую очередь, сельскохозяйственных орудий и бытового инвентаря. Эти аульские кузнецы выступали обычно в роли кузнецов-универсалов, изготавливая самые разнообразные изделия из железа.

Во всех дагестанских языках имеются местные названия кузнеца, причем они связаны или с железом (агульск. — рукъван уста; лакск. — муххал устар; аварск. — махулав, или махул уста; дарг. — мегьла уста, или мегьла устни; табасар. — рукъан уста; кумыкск. — темирчи — везде в смысле «мастер по железу»), или с кузницей (лезг. — ччатун устIар; рутульск. — джархъан от «ччад» и «джад» — «кузница»). Как отметил П. К. Услар, у даргинцев кузница называется также «пуша», а у аварцев имеется второй специальный термин для обозначения кузнеца — «кьебед», мастера же

¹⁴⁵ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 219; BGA, VII, 147.

¹⁴⁶ Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 220—239.

¹⁴⁷ В. Потто. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. I. СПб., 1887. стр. 283.

называли не только «устар», но также и «махшел». В последнем случае искусство мастера вообще связывается с обработкой железа, точно как и русский термин «кузнец», обозначающий сначала ремесленника вообще. Роль кузнечного ремесла в жизни аула отмечена также тем, что впоследствии с ним стали связывать названия отдельных кварталов и тухумов.

Обработка цветных металлов, почти полностью связанная с литьем, также выступает как самостоятельная отрасль ремесленного производства. Наличие специальных обозначений таких цветных металлов, как медь (красная), свинец подтверждает факт длительного использования местных месторождений цветных металлов (медь: лакск. — дуввси; дарг. — дубси; арчинск. — дук; аварск. — тукни; свинец: лакск. — члутн; арчинск. — тлечу; аварск. — тухь; дарг. — члгт), причем названия обоих металлов восходят к общедагестанскому лексическому фонду¹⁴⁸. В Южном Дагестане название меди также местного происхождения (лезг. — цур, рутульцы — дзыр, табас. — йифф, цахурск. — йухьна, агульск. — иф). Названия же желтой меди и олова заимствованы: олово — кьалай (табасар., агульск., лакск., аварск., даргинск., рутульск.), или кьеле (лезгинск.), гьалай (аварск.). В заимствовании названия желтой меди прослеживается определенная закономерность: центральные и северные районы Дагестана (аварцы, даргинцы, кумыки) знают «йаз», а южные (лезгинцы, табасаранцы, цахуры, агулы) — «камшир» или «приндж» — очевидно, в зависимости от направления заимствования — северного или же южного: северное — йаз, южное — от персидского берендж (бронза, желтая медь), возможно, через азербайджанское «бириндж» (арабская форма — бирунз).

Археологическими данными или же письменным материалом о цветной металлургии в Дагестане XI—XIV вв. исследователи еще не располагают. Единственное исключение — это сведения о бронзовых изделиях. Выше мы уже приводили высказывание Абу Хамида ал-Гарнати

¹⁴⁸ С. М. Хайдаков. Очерки по лексике лакского языка, М., 1961, стр. 24. Аварское название меди записано С. М. Хайдаковым в Андалале, обычно аварцы медь называют «пахь» (Аварско-русский словарь. Составил Магомедсанд Саидов. М., 1967, стр. 372).

о том, что, кроме предметов вооружения, зирихгераны изготовляют «всевозможные медные изделия». В связи с обнаружением в Кубачи большого числа средневековых бронзовых котлов это сообщение приобретает особо важное значение.

Открытие кубачинских котлов связано с именем академика И. А. Орбели¹⁴⁹. Он выделяет четыре разновидности этих котлов, из которых две представляют собой хозяйственные котлы, а другие две — «вышедшую из практического употребления, но чтимую и хранимую утварь, выставленную на почетном месте». Как указывал И. А. Орбели, два типа носили название «гюрджи эшек» («грузинский котел») и «ширван эшек» («ширванский котел»), а два другие, т. е. вышедшие из практического употребления, — «хаш эшек» (от армянского слова хач — крест), благодаря выступам на верхнем крае, придающим котлу форму креста¹⁵⁰. И. А. Орбели определил культурно-историческую и художественную ценность котлов типа «хаш эшек» и датировал основное число их XII—XIII вв.

Из большого числа бронзовых котлов, обнаруженных в Дагестане (в основном — в Кубачи), только незначительная часть подвергнута подробному описанию. Здесь мы привлекаем только четыре котла¹⁵¹. Внешне они все схожи друг с другом — почти одинаковой высоты, полу-

¹⁴⁹ И. А. Орбели. Временная выставка сасанидских древностей. Пг., 1922, стр. 14; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1949, стр. XV—XVI; Каталог международной выставки памятников иранского искусства и архитектуры. Л., 1935, стр. 428—432; И. А. Орбели. Албанские рельефы и бронзовые котлы. — «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938 (И. А. Орбели. Избранные труды. Ереван, 1963, стр. 347—361). Подробное описание технологии изготовления котлов — см.: Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949, стр. 66—71; первое упоминание о котлах из Дагестана: «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», вып. 1. М., 1889, стр. 25—28 (сообщение о разборе М. О. Алтай надписей на котлах из Дагестана).

¹⁵⁰ И. А. Орбели. Албанские рельефы и бронзовые котлы, стр. 350—351.

¹⁵¹ Подробное описание этих котлов см.: А. Р. Шихсан-дов. Эпиграфические памятники Дагестана и проблема культурных контактов (в печати). Надписи на трех из названных котлов (надпись) изданы — см.: А. Р. Шихсандов. Надписи рассказывают. Махачкала, 1969, стр. 40.

сферической, «открытой» формы, с крестообразными бортиками с приклепанными фигурными ручками, цельнолитые, на трех невысоких ножках, со сливом и надписью на бортике. Один из этих котлов хранится в Дагестанском краеведческом музее (инв. № 1741) и имеет надпись, палеографически датируемую XI—XII вв.: «Сделал Ахмад б. Али(?) Мервези». Котлов с подобной надписью больше не обнаружено. Второй котел хранится в историческом музее Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина, датируется XII—XIII вв., имеет надпись: «Сделал Абу Бакр б. Ахмад Мервези»¹⁵². Третий котел, обнаруженный П. М. Дебириным в сел. Чох (Гунибский р-н ДАССР), несет на борту надпись: «Сделал Махмуд (б.) Бу Бакр саффар (медник)»¹⁵³. Четвертый котел также экспонируется в Дагестанском краеведческом музее (инв. № 1770). На нем надпись: «Сделал Ахмад б. Мухаммед (Махмуд?) ал-Мервези». Надписи двух последних котлов могут быть датированы XIII—XIV вв.

Надписи на котлах зафиксировали имена мастеров меднолитейного дела — профессионалов (в одном случае употреблен термин «саффар», т. е. «медник»), три мастера имеют кунью «Мервези», т. е. «Мервский», что связывает имя мастеров со знаменитым Мервом, столицей государства Сельджуков в XI—первой половине XII вв., а затем крупнейшего культурного и торгово-ремесленного центра государства Хорезмшахов. Нисбу «Мервези» получали обычно жители окружающих внутренний город кварталов Мерва, как правило, ремесленники¹⁵⁴. Как писал А. Ю. Якубовский, «мастера-ремесленники были чрезвычайно подвижны и переходили из области в область, из города в город»¹⁵⁵. Вполне возможно, что

с именем прибывшего из Мерва в Дагестан мастера по медному литью и связана нисба «Мервези». Однако вся дальнейшая история меднолитейного производства в Кубачи, факт передачи искусства кубачинских металлургов по наследству, массовое изготовление бронзовых котлов вплоть до XX в. — все это говорит о том, что Кубачи выступает еще с XII—XIV вв. как один из крупнейших центров литейного дела на Кавказе.

Весьма ценно еще одно обстоятельство. Если имена на трех из названных котлов расположить в такой последовательности — Ахмад б. Али Мервези, Абу Бакр б. Ахмад Мервези, Махмуд б. Бу Бакр саффар (палеографически это допустимо), то перед нами предстает организация металлостроителей, где профессиональное мастерство передавалось по наследству, от отца к сыну¹⁵⁶.

В X—XIV вв. мы наблюдаем также высокий уровень строительного дела. Об этом свидетельствуют как немногочисленные дошедшие до нас памятники архитектуры, так и сравнительно многочисленные строительные надписи. К числу замечательных культовых сооружений относятся мечети в Кара-Кюре (Ахтынский р-н), Кала-Корейше (Дахадаевский р-н), Рича (Агульский р-н), датируемые XI—XII вв.¹⁵⁷ Культовые сооружения сохранились также в сел. Буршаг (Агульский р-н, XIV—XV вв.), Хури (Лакский р-н, XV в.), Джибахни (Кайтакский р-н, XV в.). Высокое мастерство горцев проявилось и при строительстве оборонительных сооружений — крепостей, сигнальных, жилых и оборонительных башен. Некоторые из этих сооружений сохранились до наших дней: в Тидибе, Гооре, Кахибе (Советский р-н), Мококе (Цунтинский р-н), Ицари и Кубачи (Дахадаевский р-н), Тпиге (Агульский р-н, XII—XIII вв.)¹⁵⁸.

¹⁵² Об аналогичных котлах с подобной же надписью сообщают: L. A. Mayer. Islamic metalworkers and their works. Geneva, 1959, p. 24; U. Scerrato. Ogetti metallici de eta islamica in Afghanistan, — «Annali», Nuova serie, v. XIV. Napoli, 1964, tav. XXXII, fig. 56—57.

¹⁵³ О подобных же котлах: Каталог международной выставки, стр. 428—429; L. A. Mayer. Op. cit., pp. 24—25; U. Scerrato. Una caldaia iranica di bronzo del Museo des Antiquites de Algeri, — «Annali», Nuova serie, V—XV. Napoli, 1965, tav. II, fig. 3, 4.

¹⁵⁴ В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва. СПб., 1894, стр. 114.

¹⁵⁵ А. Ю. Якубовский. Феодализм на Востоке, Л., 1932, стр. 42.

¹⁵⁶ По своим внешним формам (бортик с четырьмя выступами, дающими в плане крест) котлы похожи на ранний глиняный сосуд из Двина — К. Кафадарян. Двин и его раскопки. Ереван, 1952, стр. 199 (рис. 174).

¹⁵⁷ П. М. Дебиринов. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966; Г. Н. Любимова. Культовые постройки агульских селений Дагестана, — «Памятники культуры. Исследование и реставрация», № 3. М., 1961.

¹⁵⁸ Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа, — СЭ, 1947, № 4; А. Ф. Гольдштейн. Архитектур-

Важным источником в изучении строительной деятельности населения Дагестана является эпиграфический материал. Строительные надписи характеризуют общее направление деятельности мастеров по возведению зданий самого различного назначения — жилых домов, общественных и культовых зданий. Список известных нам строительных надписей X—XV вв. включает 66 сооружений (мечети, дома, крепости, минареты). Основная масса надписей относится к строительству культовых зданий (мечети, минареты), но это не должно пониматься как показатель слабого развития гражданской архитектуры. Строительство частных домов, хозяйственных помещений, башен, отчасти крепостей, как правило, не фиксировалось на камне.

В памятниках строительной эпиграфики XI—XV вв. в ряде случаев зафиксировано профессиональное звание строителей — банна или устад, причем последний термин со временем становится единственным в строительной практике. До нас дошли имена некоторых мастеров: Куту Абу Мисак ал-банна (строитель) — надпись 1177 г. из Рутула; «устад ал-банна (мастер-строитель) знатный и просвещенный Саййид» — надпись 1227 г. или 1228 г. из Рутула; устад Хасан сын Мухаммеда — надпись 1247 г. из Мишлеша; устад Тадж ад-Дин сын Мусы, строителя (ал-банна) бакинского — надпись второй половины XIV в. из Дербента; «архитектор (мимар) этого здания устас Хаджжи Ахмед»¹⁵⁹. Большой интерес по богатству терминологии представляет надпись 803/1401 г. из сел. Хнов: «Владелец (оахиб) этого минарета и его строитель (амир) Хамма сын Абакара... Строитель (амил) минарета устас Х. зсан сын Халифа и его сын Мамма аз-Захури. Писец (катиб) этих строк Сулейман сын Мухаммеда...» Если Х. зсан сын Халифа в надписи из Хнова выступает в качестве строителя-профессионала, то в лице его сына Мамма мы видим, вероятнее всего, помощника, шагирда. Нисба аз-Захури указывает на селение Цахур (один из крупных населенных пунктов средневекового Дагестана), известный также своими каменными дел мастерами.

Строительные надписи Дагестана дают и другой термин — катиб, он означал профессию резчика, писца, каллиграфа.

Большое число строительных надписей, с указанием имени строителя, имени писца, звания устад (редко банна) дает право говорить о наличии в XI—XV вв. в Дагестане профессиональных мастеров-строителей и мастеров архитектурно-декоративных работ.

Значительное развитие получило также гончарное производство, прядение и ткачество, обработка дерева, кожи. Еще в XIV в. балхарские гончары поставляли свои изделия в Южный Дагестан и Кубу. Остатки характерных балхарских чаш XIII—XIV вв. найдены близ Дербента и лезгинского селения Испик Кубинского р-на, а лезгинская бирюзовая керамика XIII—XIV вв. получила широкое распространение почти во всем Дагестане¹⁶⁰.

Изучение ремесленного производства в Дагестане показывает, что кузнечное и меднолитейное дело, строительство и в ряде случаев гончарство, изготовление вооружения и обработка камня выступают как отдельные специализированные отрасли ремесленного производства. Весьма важным является процесс специализации отдельных аулов на производстве той или иной продукции. Большими промысловыми центрами начинают выступать даргинские селения Кубачи и Харбук, лезгинские селения Микрах и Испик, лакские — Кумух и Балхар, аварские — Гоцатль, Унцукуль, Ботлих, Хупзах, Анди, кумыкские — Эндери и Тарки.

Несомненным следствием специализации технического производства явилось расширение ассортимента ремесленных изделий, улучшение их качества. Многие изделия, особенно дорогостоящие и трудоемкие в изготовлении (панцири, кольчуги, шлемы, высококачественные литые изделия) изготовлялись на заказ. Вполне допустимо, что кузнецы-универсалы в аулах также выполняли часть изделий на заказ. «Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя»¹⁶¹.

ные памятники Кайтака. Махачкала, 1969; А. Р. Шихсаидов. Арабские строительные надписи Дагестана, — «Ученые записки» Института ИЯЛ, т. XIII, серия историческая. Махачкала, 1964.

¹⁵⁹ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 64, 82, 120—121.

¹⁶⁰ Э. В. Килъчевская, А. С. Иванов. Указ. соч., стр. 7.

¹⁶¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 329.

Однако часть металлической и другой продукции имела еще в раннем средневековье серийное производство, была рассчитана на массового покупателя, на рынок. Об ориентации на рынок свидетельствует появление устойчивых литейных форм, всевозможных штампов¹⁶². Ремесленник, придя в соприкосновение с рынком, «...переходит со временем и к производству на рынок, т. е. делается товаропроизводителем»¹⁶³.

Одним из крупнейших центров ремесленного производства и торговли на Восточном Кавказе был город Дербент. Вплоть до 1220 г., т. е. до первого похода монголов, этот город переживал время своего расцвета, оставаясь крупным политическим, культурным, торговым и ремесленным центром. Усилению и расцвету города способствовали как рост морской и караванной торговли со странами Ближнего Востока и Закавказья, так и усилившиеся связи с сельскими земледельческими районами Дагестана. Расцвет ремесла в XI—начале XIII вв. наблюдается во многих странах Ближнего Востока, Средней Азии, Кавказа. Ремесленное производство в Дербенте, давно ставшее самостоятельной отраслью хозяйства, получило дальнейшее развитие.

Многие страны Востока не знали цеховую организацию в том классическом виде, как на Западе, но объединения специалистов отдельных отраслей возникали везде. В Дербенте также наблюдаем наличие отдельных ремесленных корпораций. Как сообщает «История Ширвана и Дербенда», в середине XI в. в Дербенте имеется «краис дубильщиков». В. Ф. Минорский считает, что некоторые из дербентских раисов были главами городских гильдий¹⁶⁴.

В XII в. еще продолжали существовать благоприятные для развития города факторы. На Каспийском море наблюдалась оживленная торговля. Здесь ежегодно до 400 больших морских кораблей осуществляли перевозки товаров между Саксином и Амолем, причем с Саксином, расположенным в дельте Волги, торговали купцы как Табаристана, так и Баку, Хорезма, Дербента. Основ-

ные статьи экспорта с Волги на юг составляли лен и льняная одежда.

Монгольское нашествие нанесло огромный ущерб экономическому развитию всех стран, по которым проходили монголы. Как писал И. П. Петрушевский, «...при Чингизовых завоеваниях мы видим уже не стихийные жестокости и разрушения, а организованные приемы массового истребления мирного населения, опустошения целых районов, применявшиеся Чингизовыми полководцами. Это была целая система террора, проводившаяся сверху и имевшая целью организованное истребление способных к сопротивлению элементов населения, запугивание мирных жителей и создание массовой паники в завоеванных странах»¹⁶⁵. Прежде всего страдали цветущие и многолюдные города. Резкий упадок ремесла, уничтожение ремесленных мастерских, угон ремесленников было обычным явлением. В развалинах лежали многочисленные города Средней Азии и Восточного Ирана. К. Маркс писал, что монголы «...совершают варварства в Хорасане, Бухаре, Самарканде, Балхе и других цветущих городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к черту»¹⁶⁶.

Дербент также подвергся участи других городов. Монах-минорит Гильом Рубрук был в Дербенте («Железные ворота») в 1255 г. и писал о последствиях пребывания монголов здесь и в близлежащих землях: «...татары разрушили верхушки башен и бойницы стен, сравняв башни со стеною. Внизу этого города земля считалась прежде за рай земной»¹⁶⁷. Еще позже Абу-л-Фида (1273—1357) в своей книге «Таквим ал-булдан» показал, что представлял собой ранее цветущий и большой город: «Баб ал-абваб—город при Дербенд Ширване... Со слов некоторых путешественников, Баб ал-хадид — это городок, подобный деревням на Хазарском море... Баб ал-хадид — незначительный населенный маленький городок»¹⁶⁸. Еще в 1473 г., как сообщает Амвросий Кон-

¹⁶² Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 239.

¹⁶³ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, стр. 331.

¹⁶⁴ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 163.

¹⁶⁵ И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960, стр. 31.

¹⁶⁶ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, 1938, стр. 221.

¹⁶⁷ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, стр. 187.

¹⁶⁸ Geographie d'Aboulfeda, p. 405.

тарини, «...едва ли шестая часть всего пространства, находящегося под горой, по направлению к цитадели, населена», причём «со стороны моря почти все здания разрушены». Все это было итогом деятельности монголов, а затем и тимуровских войск в Дагестане.

Из сообщения А. Контарини мы видим, что к середине XV в., после окончания походов Тимура Дербент в некоторой степени стал оживать. Город экспортирует шелковые ткани, часть жителей занимается рыболовством («ловят осетров и белугу в громадном количестве») и изготовлением из рыб «жидкости», которую «жгут для освещения» и используют для натирания верблюдов, причём жир этот развозился также в большом количестве «по всей стране»¹⁶⁹. В городе были владельцы судов, «идуших в Астрахань».

Большое значение в экономической жизни Дагестана X—XIV вв. имела торговля. Усиление торговых связей с соседними землями и государствами, будучи отражением дальнейшего развития хозяйства, даёт в свою очередь толчок к развитию земледелия, скотоводства, различных отраслей домашних промыслов. Торговые связи дагестанцев со своими соседями — народами Закавказья и Северного Кавказа — были регулярны. Многочисленные находки монет и монетных кладов в районе Дербента — свидетельство оживлённых контактов Дагестана с соседями и странами Ближнего и Среднего Востока. Из обнаруженных здесь монет X—XIII вв. немало место занимают монеты собственно дербентской чеканки¹⁷⁰. Дербент представлял, разумеется, весь Дагестан, и через этот город осуществлялись связи внутреннего Дагестана с соседними районами. Несмотря на монгольский погром 1239 г. и разрушительные войны Джучидов и Ильханов, город, как уже отмечалось, сохранил некоторое значение как порт и транзитный пункт. Со слов Барбаро, товары доставлялись из Дербента и Астрахани в Тану, а оттуда на венецианских галерах — в Европу. Генуэзские купцы в конце XIII—XIV вв. часто посещали

¹⁶⁹ Барбаро и Контарини о. Россия, стр. 216.

¹⁷⁰ Сообщение П. С. Савельева на VI заседании Отделения восточной археологии 19 января 1853 г. — ТВО РАО, ч. II. СПб., 1856, стр. 303—304; В. Г. Тизенгаузен. Проект программы. «Груды V археологического съезда в Тифлисе». М., 1887, стр. CIV.

западное побережье Каспия, в том числе и Дербент¹⁷¹. Часть генуэзских судов была переведена с Чёрного моря на Каспийское. Из так называемого «Каталонского атласа» 1375 г. и карты братьев Пицигани видно, что итальянские купцы были хорошо осведомлены о западном берегу Каспия. На этих картах отмечены «залив Терхи», «река Терку», т. е. Терек, Дербент¹⁷². Но с конца XIV в., после разрушения Астрахани Тимуром, переднеазиатские товары стали вывозиться через сирийские порты, и Дербент лишился одной из своих доходных статей. Кроме того, упадку значения Дербентского порта способствовало соседство с Баку с его превосходной естественной гаванью¹⁷³.

Для внутренних районов Дагестана торговля в Дербенте и через Дербент имела большое значение, однако не менее важную роль играл торговый путь через внутренний Дагестан. Дагестанский учёный Б. Г. Малачиханов впервые обратил внимание на значение важного стратегического и торгового пути по внутреннему Дагестану: р. Самур — Курах — Кумух — Чох — Чечня¹⁷⁴. По этому пути горцы поддерживали регулярные связи с Азербайджаном и Северным Кавказом. Контакты с Грузией осуществлялись через Вантлашевский и Кодорский перевалы.

Значительное место занимала внутренняя торговля, которая осуществлялась по путям местного значения. Эти пути соединяли отдельные районы Дагестана между собой. Внутренняя торговля осуществлялась в основном путем обмена. В письменных источниках X—XV вв. и даже XVI—XVIII вв. материал по метрологии почти полностью отсутствует, но несомненно, что полевой материал отражает длительный этап развития системы мер и весов. Ряд метрологических терминов (мискал, ратал, сах, рубе, жиле) недагестанского происхождения и их

¹⁷¹ Е. С. Зевакин, Н. А. Пенчко. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XIV вв. «Исторические записки», 1938, т. 3, стр. 90.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Подробно об этом см.: И. П. Петрушевский. Государства Азербайджана в XV в. «Изв. Аз. ФАН СССР», № 7, июль 1947, стр. 85.

¹⁷⁴ Б. Малачиханов. К вопросу о хазарском Семендере. УЗ ИИЯЛ, т. XIV (серия историч.). Махачкала, 1965, стр. 287.

проникновение в Дагестан может быть отнесено ко времени до XIV в.

Натуральное хозяйство наложило отпечаток на развитие торговых связей в средневековом Дагестане. Местный рынок был узок, единая метрическая система в Дагестане отсутствовала, она отличалась единообразием только в рамках государственных единиц и обществ.

ГЛАВА II

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ ФЕОДАЛЬНО ЗАВИСИМОГО НАСЕЛЕНИЯ

§ 1. КАТЕГОРИИ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ в ДАГЕСТАНЕ в X—XIV вв.

Исследование категорий земельной собственности в раннесредневековом Дагестане началось сравнительно недавно. Проф. Р. М. Магомедов в «Истории Дагестана» обратил внимание на рост феодальной собственности на землю в Дагестане при арабах и монголах: «Завоевания арабов, а затем монголов ускорили развитие частной собственности на землю. Рост феодальной собственности — мулька — происходил за счет захвата общинных и крестьянских земель»¹. Кроме мулька, «земельного владения, бывшего собственностью феодалов, крупных и мелких землевладельцев», автор особо выделяет другую, условную форму собственности — икта, введенную арабами, и отмечает тенденцию знатных феодальных родов превратить икту в безусловную феодальную собственность, «закрепить юридические функции верховных собственников в отношении тех земель, с которых они когда-то имели право взимать харадж»².

Ш. М. Ахмедов, отметив наличие в Дагестане VI—XI вв. 5 форм земельной собственности (государственная, дийа, икта, вакф и общинная), дает их подробную характеристику с привлечением источников, приходит к выводу об уменьшении к X—XI вв. доли государственных земель при одновременном росте условного и безусловного землевладения. Он отмечает тенденцию развития бенефициального землевладения в феодальном лэн, связывая эволюцию икта с установленным археологами фактом повсеместного появления в X в. в Дагестане небольших феодальных замков. Относительно дийа

¹ Р. М. Магомедов. История Дагестана. Махачкала, 1961, стр. 114.

² Там же, стр. 115.

автор выдвинул предположение, что «эта форма землевладения была широко представлена во всем Дагестане еще задолго до прихода арабов» и что впоследствии дийа эволюционировала в мульк³. Так как Ш. М. Ахмедов дал детальный разбор форм земельной собственности в VI—XI вв., мы подробно на них не останавливаемся.

Следует отметить, что остается еще невыясненным вопрос о юридическом статусе такой формы землевладения, как икта в Дагестане в VII—X вв., и о месте и роли государственных земель в общей системе категорий земельной собственности.

При характеристике земельных отношений в X—XIV вв. мы придерживаемся в основном указанной выше классификации категорий земельной собственности с той только разницей, что, во-первых, особо выделяем мульковые земли (условно понимая под ними только земельную собственность свободных крестьян), и, во-вторых, объединяем под общим названием «земли феодалов» такие категории, как икта, инджу, сойургал.

В X—XIV вв. в Дагестане существовали следующие формы земельной собственности: государственные земли, земли феодалов, мульки, вакфные земли, общинное землевладение.

В становлении и укреплении категорий государственных земель в Дагестане значительную роль сыграли арабские завоевания⁴. Как известно, земельная политика арабов в завоеванных странах привела к перераспределению земельного фонда. В Мавераннахре арабы значительно ограничили собственность дехкан, крупных землевладельцев, которых они застали при завоевании Средней Азии⁵. Сократилось число нахарарских фамилий в Армении, многие нахарарские роды были уничтожены, оставшиеся в стране нахарары лишились владельческих прав⁶. Значительно были ущемлены права феодальной верхушки Албаний⁷. Однако не все завоеван-

ные земли переводились в разряд государственных. Если часть земель не расплылась и становилась государственной собственностью⁸, то значительная часть земель поступала или же оставалась в собственности отдельных лиц⁹. Более того, в VII—VIII вв. в восточной части халифата пахотная земля в большинстве общин оставалась частной собственностью общинников¹⁰. Поэтому признание верховной государственной собственности халифата в завоеванной части Дагестана должно быть скорректировано с учетом реального правового статуса определенных земельных участков. Как отметил А. П. Новосельцев, в мусульманском праве верховное право мусульманской общины, т. е. на деле верховное право государства, «на покоренные земли сочеталось с существованием реального права частного земельного собственника (иранского дехкана, армянского нахарара, грузинского мтавари и т. д.) на принадлежащую ему землю. Поэтому на практике это верховное право мусульманской общины было даже в ранний период (VII—нач. VIII вв.) в значительной мере фикцией, хотя, быть может, сперва и имело большое значение»¹¹. Можно полагать, что уже к IX в. верховная собственность халифата в Дагестане была лишь формальной. Правда в VII—VIII вв. раздача земель многочисленным воинам и арабским колонистам в районе Дербента или в Табарсаре в виде икта говорит о том, что эти земли рассматривались как государственные, но были ли они причислены к разряду условных держаний или переданы с правом отчуждения, т. е. в качестве мулька, мы из источников не улавливаем. Поэтому нет основания категорически говорить об икта как обязательно условной форме землевладения в Дагестане при первых арабах

⁸ И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 235—236.

⁹ Л. И. Надирадзе. Проблема государственной собственности в халифате в VII—VIII вв.—«Арабские страны. История, экономика», М., 1970.

¹⁰ Л. И. Надирадзе. Община на территории восточного халифата в VII—VIII вв.—«Арабские страны. История, экономика», М., 1966, стр. 219, 223.

¹¹ А. П. Новосельцев. Пути развития и особенности феодальной формации в странах Закавказья (опыт сравнительно-исторического исследования). Автореферат докт. дисс. М., 1973, стр. 34—35.

³ Б. Алнев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 35—37. Эта классификация, верная в целом, не учитывает частнособственнических земель крестьянского типа (мульк).

⁴ Там же, стр. 9—13; История Дагестана, т. I, стр. 143—144.

⁵ История Узбекистана, т. I, кн. I, Ташкент, 1955, стр. 204.

⁶ История СССР, серия I, т. I, М., 1966, стр. 388—389.

⁷ Зия Буниятов. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1963, стр. 116—140.

и приобретении им со временем безусловного или наследственного характера. Вопрос этот нуждается еще в глубоком изучении. Во внутренних районах Дагестана власть арабов была лишь формальной, а к IX в. она и вовсе не ощущалась. Поэтому, хотя ал-Масуди и пишет, что правитель Серира в середине X в. имел в своем распоряжении «12 тысяч селений, из которых он набирает столько слуг (или рабов—йастабиду), сколько желал»¹², в этом нельзя усмотреть, что правитель Серира выступает как верховный собственник обширной территории и что частная собственность в Серире отсутствовала¹³. Отмеченный археологами факт значительного роста замковой архитектуры на территории Аварии в IX—X вв., в чем можно усмотреть рост влияния местной феодальной знати, не служит подтверждением мысли о верховной государственной собственности в стране в X в. Если правитель Серира и рассматривал себя как верховного собственника земли, то на практике это было, по всей вероятности, полной фикцией. Последовавший через сто с лишним лет распад единого Серира может служить подтверждением этому. Кроме того, верховное право государства на землю может не исключать, а предполагать частную собственность на землю («расчлененная» феодальная собственность).

В XI—XII вв. при сельджуках, а также в первой четверти XIII в. при хорезмшахе та незначительная часть Дагестана, которая оказалась в их власти, стала рассматриваться как категория государственной земли (об этом см. ниже). В XIII в. в Дагестане опять наметился в ряде районов рост категории государственных земель, но это было временным явлением и связано с монгольскими завоеваниями и политикой монгольских ханов. При владычестве монгольских ханов, особенно при Хулагуидах, изменилось соотношение между разными категориями феодальной земельной собственности. Часть земель местных феодалов (мульки, вакфы) и часть общинных земель были причислены к государственным и государственным землям (инджу и диван), а часть земель оказалась в собственности монгольской военно-кочевой

знати¹⁴. Это коснулось, как будет сказано ниже, и территории Южного Дагестана, вошедшей в состав государства Хулагуидов. Перераспределение земельного фонда имело место, можно предполагать, и к северу от Дербента, на прибрежной полосе и северном равнинном Дагестане, т. е. на территории, вошедшей в состав Золотой Орды. Проф. С. Ш. Гаджиева обратила внимание на то обстоятельство, что многие топонимы северного и приморского Дагестана (сел. Берикей, или Беркей, Казанище, Дженгутай, Отемиш) можно связать с пребыванием монголов на территории Дагестана — это в некоторой степени находит подтверждение в сообщении Рубрука «О владениях Берке», «пастища которого находятся в направлении к Железным воротам». «Границы Золотой Орды, — пишет С. Ш. Гаджиева, — и государства Хулагуидов проходили в районе Дербента, и Берке мог иметь в качестве многолетней и хорошо укрепленной ставки территорию севернее Дербента, т. е. район Берекея»¹⁵.

Однако в ближайшие десятилетия частновладельческие земли, конфискованные монгольским государством в завоеванных странах, оказались различными путями в руках новых хозяев — монгольской и тюркской кочевой знати и стоявших на службе у монгольских ханов местных гражданских чиновников. Наблюдается сокращение площади государственных земель при ильханах (особенно после реформ Газан-хана) и рост категории частновладельческих земель¹⁶.

Каких-либо прямых сведений о государственных землях во внутренних районах Дагестана в XI—XIV вв. не имеется. Однако одно место в хронике «Тарих Дагестан» представляет несомненный интерес. В хронике прослеживается важная деталь — если в ряде случаев получателями ренты названы шамхал или его наследник (крым-шамхал), то во многих случаях получатель доходов не назван вообще. Перечисление аулов и ренты-на-

¹⁴ А. А. Али-Заде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956, стр. 145.

¹⁵ С. Ш. Гаджиева. Комментарии к статье «Рассказ кумыка о кумыках» (в печати).

¹⁶ И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 237.

¹² В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 204; Masoudi, II, 42.

¹³ Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 6—7.

лога с них выглядит следующим образом: «На общество (джамаат) Карах наложено 500 овец, на общество Кусрахи 300 овец — для шамхала и 400 овец для крым (-шамхала); также с горы Кусраха — 1000 овец (шамхалу) и 30 коров — крым (-шамхалу), на общество Хибилал наложено с каждого дома каждые 4 года по овце, на Чамалал — 500 овец, на Тиндал — 20 быков, на Аршуб — 130 овец (шамхалу) и 30 баранов и 12 овец — крым (-шамхалу), на жителей Хунзаха — 700 баранов, 700 кайл пшеницы и 60 кайл меду, на жителей селения Андиб — бык и 8 штук войлока...»¹⁷ и т. д.

В этом перечне земли, доходы с которых прямо никому не адресованы, выступали, по нашему мнению, как государственные, и удовлетворяли потребности государственного аппарата и войска.

К категории частнофеодального землевладения относятся икта, инджу и сойургал.

Особую категорию феодального землевладения составляли земли икта¹⁸. В Дагестане икта получила широкое распространение особенно в связи с арабскими завоеваниями и арабской колонизацией¹⁹. Еще при су-

¹⁷ Derbend-Nameh, 670—672, А. Р. Шихсаидов. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» (в печати).

¹⁸ А. Ю. Якубовский. Феодализм на Востоке. Л., 1932, стр. 4; его же. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.). КСИИМК, 1949, стр. 36; И. П. Петрушевский. Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., 1949, стр. 153—157; его же. Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 256—269; А. А. Али-Заде. К вопросу об институте «икта» в Азербайджане. «Известия АзФАН СССР», 1942, № 5; его же. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана, стр. 169—185; Н. В. Пигулевская. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке. УЗ ИВ, 1958, т. XVI, стр. 16—19; Зия Бунятов. Азербайджан в VII—IX вв., стр. 132—134. Об икта как пожаловании на правах собственности; Зия Бунятов. Указ. соч., стр. 134; Л. И. Надирадзе. Проблема государственной собственности на землю в халифате в VII—VIII вв., стр. 183; Л. Е. Куббель. Рецензия на книгу F. Lokkegaard. Islamic taxation in the classic period... Copenhagen, 1950. СВ 1956 № 4, стр. 200; Э. Т. Сихарулидзе. «Китаб ал-харадж» Абу Йусуфа Йакуба как источник по истории феодальных отношений в халифате. Автореферат канд. дисс. Тбилиси, 1955, стр. 13—14.

¹⁹ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 114; Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 15—19.

ществовании единого Арабского халифата фонд государственных земель стал уменьшаться в связи с ростом земель, отданных в икта. Распад халифата способствовал дальнейшему усилению местных правителей, а также усилению военно-служилой знати, арабского и местного происхождения. На Восточном Кавказе, в частности в Ширване и Дербенте, власть оказалась в руках самостоятельной династии арабского происхождения. В Дербенте была отдельная династия правителей (хашимидская), она была в подчинении Ширвана, но вела иногда самостоятельную политику. В Табасаране в X—XI вв. также правили представители арабской знати, из династии ширванских или дербентских правителей²⁰. В Табасаране Йазидиды сумели закрепить за собой свои права и продолжали рассматривать Табасаран как свое наследственное владение²¹.

Памятники материальной культуры IX—X вв., в частности крепостные сооружения и укрепленные поселения, обнаруженные археологами и этнографами, свидетельствуют о повышении роли землевладельческой знати²². В настоящее время в нашем распоряжении нет данных о характере икта в X в., вернее, нет вообще упоминаний об икта, мы можем лишь предположить, что в лице владельцев отдельных замков мы видим представителей феодальной знати, закрепивших за собой земельные участки на правах частной собственности, признающих

Источники: Liber expugnationis regionum, auctore Imamo Ahmed Ibn Djabir al-Beladsori... ed. M. J. de Goeje. Lugd. Batavum, 1866 (Каирское изд. 1319/1901 г. Китаб футух ал-булдан, стр. 206); Баладзори. Книга завоевания стран. Текст и перевод с арабск. П. К. Жузе. Баку, 1927 («Материалы по истории Азербайджана», вып. III), стр. 5 (араб. текст), 8 (пер.); Derbend-Nameh, 544; Якуби. История. Текст и перевод. Пер. с арабск. П. К. Жузе. Баку, 1927 («Материалы по истории Азербайджана», вып. IV), стр. 6 (араб. текст), 9 (перевод); Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 25.

²⁰ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 126.

²¹ Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 16.

²² В. Г. Котович, М. Г. Магомедов и др. Отчет приморской археологической экспедиции. — РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, л. 191, лл. 51—99; А. Исламмагомедов. Поселения аварцев в XIX—XX вв., — УЗ ИИЯЛ, т. XII. Серия историческая. Махачкала, 1964, стр. 159—160; Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 17.

лишь формально подчинение центральной власти. Остатки многочисленных средневековых замков, датируемых X—XIII вв., обнаружены в Аварии²³. Характерно, что хронологически появление многочисленных замков в Аварии совпадает в основном с распадом единого раннефеодального государства Серир.

В. Г. Котович пришел к заключению, что в Дагестане многочисленные средневековые поселения, население которых, согласно преданию, состоит из членов одного тухума, располагаются обычно на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга, причем одно из этих поселений, обычно связываемое устной традицией с резиденцией феодала, расположено в труднодоступном, естественно укрепленном месте, отличается небольшими размерами. Такая картина расселения «наблюдается не только на территории будущих ханств, шамхальств и других поздних феодальных ханств, но также и на территории будущих «вольных обществ»²⁴.

Известную роль в росте икта в отдельных районах Дагестана (юго-восточная часть) играла земельная политика сельджукских султанов. Как известно, при сельджуках преобладающим видом земельной собственности стала икта в ее условной форме, причем эта икта, хотя еще не юридически, а практически, все более превращалась в наследственное владение. Она соединялась с налоговым иммунитетом²⁵.

Власть сельджуков в Дербенте утвердилась в 1075 г. после неоднократных попыток, причем «султан пожаловал пограничную область Сау-Тегину... и имя последнего стало читаться в хутбе после имени султана с кафедр (мечетей) пограничной области»²⁶. Речь идет не о городе, а о прилегающей к городу области, которая отдана Сау-Тегину в качестве икта. Правда, в тексте нет упоминания об икта, но зная, что сельджукские правители широко практиковали раздачу икта, причем в ее услов-

ной форме, мы можем уверенно предположить, что в указанном случае речь идет именно о данной форме феодального землевладения. Институт икта, очевидно, хорошо «прижился» в этом районе, и в 1221 г. последний хорезмшах Джалал ад-Дин (1220—1231) отдает в икта земли в качестве «поощрения» Асаду, воспитателю малолетнего владетеля Дербента: «Султан оказал ему почет и одарил его, и назначил на его имя и на имя ребенка, его государя, икта, рядом с которым Дербенд казался ничтожно малым»²⁷.

Процесс дальнейшего укрепления частной феодальной земельной собственности и укрепление местной феодальной знати в ряде феодальных владений Дагестана влекли за собой ослабление единого государства, создание мелких уделов, слабо контролируемых центральной властью.

В XI—XII вв. политическая децентрализация хорошо прослеживается в Табасаране, где в середине XII в. уже сложилось 24 самостоятельных рустака во главе с сархангом. В своей книге «Подарок умам и выборки диковинок» Абу Хамид ал-Гарнати писал: «В стране Дербенд Баб ал-абваб (живет) народ, называемый табарсалан. Там двадцать четыре рустака, в каждом из которых находится сарханг, наподобие эмира»²⁸. Ал-Гарнати, как видим, говорит о «народе табарсалан», а не о государстве Табасаран. Известно, что под рустаком следует понимать не отдельный населенный пункт, а группу деревень, волость²⁹. Известие Абу-Хамида ал-Гарнати приобретает особую ценность, т. к. указывает на отсутствие единого централизованного государства, каким был Табасаран в течение V—X вв., указывает на итог его распада—наличие большого числа отдельных, объединенных в группы селений (рустаков), находящихся под властью сарханга. Сами сарханги сравниваются

²³ А. Исламгагомедов. Указ. соч., стр. 159—160; Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 216; В. М. Котович. Замки в горах. «Советский Дагестан», № 5, 1970, стр. 74—76.

²⁴ В. Г. Котович. Социально-экономический строй Дагестана в древности и средневековье. — РФ ИИЯЛ, д. 3704, л. 103.

²⁵ История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970, стр. 343—344.

²⁶ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 79.

²⁷ Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Перевод с арабского, предисловие, комментарий, примечания и указатели З. М. Буниятова. Баку, 1973, стр. 221.

²⁸ Al-Garnati, 82—83; Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, стр. 49.

²⁹ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893—1894 гг. Соч., т. IV. М., 1966, стр. 31, прим. 17.

средневековым автором с амирами, т. е. с феодальными правителями. Можно предположить, что табасаранские сарханги имели в своем распоряжении земельные участки на правах мультка, т. е. свободно отчуждаемой собственности.

Выше, при разборе вопросов исторической географии средневекового Дагестана, мы приводили высказывание Йакута о Лакзе. Это сообщение также указывает на самостоятельную власть владельцев отдельных больших имений — дело в том, что Йакут пишет не об одном правителе, малике, а о маликах³⁰, т. е. большом числе, вероятно, самостоятельных представителей отдельных уделов на территории бывшего единого Лакза, обладавших своими мультками.

Вместе с тем в XIV в. в ряде районов наблюдается рост условных форм пожалований. Рост земельных владений типа икта был связан также с реформами Газан-хана (1295—1304)³¹. Реформы коснулись и территории Южного Дагестана, оказавшегося в составе монгольского государства Хулагуидов (1256—1353). Как рассказывает Рашид ад-Дин, сахиб-диван Шамс ад-Дин Мухаммед Джувеини после 1277 г., вернувшись из Рума, «направился в Дербент, к горе Эльбрус и в Лезгистан и добрыми намерениями привел в повиновение те народы, которые ни в какие времена никому не подчинились»³². Таким образом, часть дагестанских земель была отнесена в разряд государственного земельного фонда, который впоследствии расплылся на земельные пожалования различного характера.

Передача в качестве икта в государстве Хулагуидов подверглись земли, зачисленные в категорию государственных или инджу, находившихся ко времени реформы Газан-хана (1303 г.) в состоянии запустения. Со слов Рашид ад-Дина, «в некоторых областях, вследствие того, что они были окраинами и по ним часто проходили

³⁰ Jасut, I, 699.

³¹ Подробно о реформах Газан-хана см.: И. П. Петрушевский. Рашид ад-Дин и его исторический труд. В кн.: «Рашид ад-Дин. Сборник летописей», т. I, ч. I. М.—Л., 1952, стр. 7—38; е о же. Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 55—62; А. А. Али-Заде. Указ, соч., стр. 149—152.

³² Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. III. Пер. с перс. А. К. Арэндса. М.—Л., 1946, стр. 89—90.

войска, жители совершенно были перебиты или разбежались, и земли остались лежать втуне, вроде областей Уйсурин... некоторых областей между Дербендом и Ширваном...»³³. Газан-хан позаботился об упорядочении устройства втуне лежащих земель, — продолжает Рашид ад-Дин. Районы Дербента и Ширвана играли большую роль во взаимоотношениях государства Хулагуидов и Золотой Орды. Поэтому укреплению этой территории придавалось исключительно большое значение. Еще Абака-хан (1265—1282) принимал серьезные меры к укреплению северных границ государства и послал своего брата Юшмута «в Дербент, Ширван и Муган до Алтана, чтобы он охранял те пределы от врага»³⁴.

Именно в таких пограничных областях ильханы щедро раздавали воинам земельные участки в качестве икта, причем основным фондом служили государственные и государевы земли. Рашид ад-Дин сообщает, что Газан-хан «обдуманно и умело увеличил монгольские и тазикские войска... В горные проходы и малодоступные пограничные области, которые можно оборонять пешим, он назначил тазикские войска и снабдил их одеждой и раздал им икта». Можно понять, что под горными проходами и малодоступными пограничными областями имеются в виду не только «втуне лежащие земли» между Дербентом и Ширваном, но также в числе других территорий и район бассейна реки Самур, тем более что еще в 1301 г. эмиры Лезгистана «добровольно» подчинились ильхану³⁵.

В арабских источниках, описывающих события X—XI вв. в Дагестане, неоднократно встречается термин дийа³⁶. Наиболее раннее известие относится к началу X в. и принадлежит Ибн Русте³⁷. «История Ширвана и Дербенда» впервые упоминает дийа в Дагестане около 1025 г. и в последний раз — около 1068 г. Автор XIII в. Йакут также сообщает о дийа в Лакзе³⁸, но нам неиз-

³³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. III. Пер. с перс. А. К. Арэндса. М.—Л., 1946, стр. 308.

³⁴ Там же, стр. 66—67.

³⁵ Там же, стр. 189, 285.

³⁶ Обстоятельно о дийа в раннесредневековом Дагестане см.: Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 19—24.

³⁷ BGA, VII, 147; В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 219.

³⁸ Jасut, I, 438.

вестен источник сведений Иакута, и поэтому точно датировать это известие не представляется возможным. В последующем ни в произведениях арабских авторов, ни в дагестанских хрониках термин дийа при описании Дагестана не встречается.

В. Ф. Минорский в своих комментариях к тексту «Истории Ширвана и Дербенда» отмечает, что дийа, упоминаемые в данном тексте, «...очевидно, были в пользовании князей и высшего класса» и что «в нашем тексте мы встречаем названия только тех дийа, которые были связаны с членами правящих домов. Дийа, по-видимому, были обширными личными поместьями, жалуемыми (первоначально?) из земельного фонда халифов»³⁹. Действительно, многие сведения «Истории Ширвана и Дербенда»⁴⁰ дают право на такой вывод.

Однако не все сообщения «Истории Ширвана и Дербенда» о дийа могут быть отнесены к крупным «поместьям», «которые были связаны с членами правящих домов». В этом плане представляет интерес сообщение о том, что в 1068 г. сын ширваншаха Ферибурза Афридун сидел в «крепости ал-Баба», т. е. цитадели, пользуясь каждым удобным случаем, чтобы нападать оттуда на «дийа жителей ал-Баба и обрабатываемые земли (имарат) их»⁴¹. К этому можно добавить еще два важных известия подобного же рода. Ибн Русте писал, что в Серире жители «20 тысяч долин (шиб)... имеют там свои дийа и селения (кура)»⁴², а Иакут пишет о Лакзе, что «у жителей Лакза, многочисленного народа, имеются возделываемые дийа (дийа амира) и населенные области»⁴³.

Стало быть, владельцами дийа выступают как представители правящей верхушки, так и жители города и деревни, не связанные с этой верхушкой, причем жители Дербента, Лакза, Серира (возможно, и других областей Дагестана, хотя и нет конкретных сведений) располагают своими дийа. Под термином дийа выступает феодальное имение, независимо от его размеров как

крупное, так и мелкое. Более того, мы можем предположить, что в Дагестане, исходя из трех последних сообщений, дийа можно понимать также и как земли, находящиеся в собственности свободных крестьян (мульк). В целом, когда говорится конкретно о Дагестане, под дийа следует понимать, как и под терминами агарак и дастакерт в Армении⁴⁴, безусловную земельную частную собственность, принадлежащую как феодалу, так и крестьянину, т. е. мульк в самом широком смысле слова.

В литературе по истории земельных отношений раннесредневекового Дагестана (Ш. М. Ахмедов) отмечена интересная деталь: «...все средневековые авторы в своих сочинениях противопоставляют деревни поместьям, т. е. приводят их рядом» и на фактическом материале вполне справедливо указано, что под дийа можно понимать отдельный тип поселения или же группу деревень⁴⁵. Следует только оговориться, что термины дийа и кура стоят рядом только у Ибн Русте (причем только в одном случае) и у автора «Истории Ширвана и Дербенда» (также в одном случае), а не у всех средневековых авторов. Вместе с тем ряд авторов дает дийа в таком сочетании, в котором не обязательно противопоставление. Тот же автор «Истории Ширвана и Дербенда» пишет о «дийа жителей ал-Баба и возделываемых землях (имарат) их»⁴⁶, а Иакут, как уже указывалось, рассказывает о жителях Лакза, которые располагают «возделываемыми дийа (дийа имара) и населенными областями».

Стало быть, под термином «дийа» следует понимать в данном случае не только поселение, но и участки земли вообще. А. П. Новосельцев пишет, что дийа арабских авторов идентичен дастакертам и агаракам, упоминаемым в армянских и грузинских источниках⁴⁷, и что в IX—XIII вв. агараки в Армении — это, во-первых, обработанные земли, во-вторых, поселения, где жили крепост-

³⁹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 157—158.

⁴⁰ Там же, стр. 47, 53, 57, 62, 74, 126.

⁴¹ Там же, стр. 17 (араб. текст).

⁴² BGA, VII, 147; В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 219.

⁴³ Jасut, I, 438.

⁴⁴ А. П. Новосельцев. Указ. соч., стр. 32—33.

⁴⁵ Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 22.

⁴⁶ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 17 (араб. текст).

⁴⁷ А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 120.

ные крестьяне⁴⁸. В ряде сообщений о дийа в Дагестане этот термин можно приблизить по своему техническому значению агараку армянских источников.

В связи со всем изложенным относительно дийа в Дагестане нам кажется, что перевод этого термина словом «поместье» не всегда оказывается соответствующим его реальному содержанию.

История Ирана и Азербайджана периода развитого средневековья знает широко распространенную категорию землевладения — институт инджу. Институту инджу посвятили обстоятельные разделы И. П. Петрушевский и А. А. Али-Заде. Они на большом конкретном материале показали, что в Иране и Азербайджане периода монгольских завоеваний инджу понимался как государственные земли (западноевропейский домен) — наследственное земельное владение правителя и его семьи — основной источник силы и могущества феодального правителя. В период монгольских завоеваний вплоть до образования государства Хулагуидов институт инджу, наряду с государственными землями (дивани), получает значительное развитие. Как указывал В. В. Бартольд, «доходы с земель инджу не поступали в диван, т. е. в государственное казначейство, но шли на содержание двора самого государя, других представителей династии и может быть, монгольского войска»⁴⁹.

Мы обращаемся к истории Ирана и Азербайджана потому, что в источниках по истории Дагестана нет ни единого упоминания об инджу, однако сообщения средневековых авторов дают нам возможность говорить о существовании в Дагестане той категории земельной собственности, которая известна под названием инджу. Когда Рашид ад-Дин сообщает, что в 1265 г. ильхан Абага-хан находился на зимовке в Мазандеране, а его брат Юшмут — «в областях Дербента и Аррана, которые ему принадлежали»⁵⁰ (разрядка яша. — А. Ш.), то можно предположить, что часть земель в Южном Дагестане была отнесена к разряду инджу. В 1301 г.

⁴⁸ А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 113 (со ссылкой: С. П. Погосян. Закрепощение крестьян и крестьянские движения в Армении в IX—XII вв. Ереван, 1956, стр. 113).

⁴⁹ В. В. Бартольд. Персидская надпись на стене анийской мечети Мануч. Соч., т. IV. М., 1966, стр. 329.

⁵⁰ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. III, стр. 66.

ильхан Газан-хан «выступил на охоту в горы Ширвана и Лезгистана и несколько дней там охотился»⁵¹, т. е. относился к этим землям, как к категориям дивани или инджу-хасс, т. е. как к собственному домену.

По этому вопросу интересные сведения дает «Тарих Дагестан». Все пункты и общества, названные в хронике, делятся по принципу распределения ренты на три категории:

1) получатель ренты не назван (о них подробно писалось выше);

2) доходы получают шамхал и крым-шамхал — это общества Кусрахи, гора Кусраха, селение Аршуб;

3) доходы получает только шамхал, при этом некоторые земли так и названы собственностью шамхала — это Тумал (т. е. лакские земли), Мичихич («что касается Мичихич, то вся она принадлежит ему»), Джурми («Джурми также его мульк»), гора Зантаб («ему принадлежит также гора Зантаб»), Ц. х. ри (Цахур?) и Голода («оба селения — его мульк»)⁵².

Таким образом, земли, рента с которых поступает в распоряжение феодального правителя Газикумухского шамхальства — шамхала и его наследника, каждый раз обязательно оговариваются, причем в ряде случаев подати с одного и того же участка поступают в распоряжение как шамхала, так и крым-шамхала. Здесь речь идет о ренте, которая шла на удовлетворение потребностей шамхала, его семьи, ближайших родственников, двора. «Тарих Дагестан» содержит также важный отрывок, указывающий на особые привилегии представителей шамхальского дома: «было установлено не брать хараджа дунйавийя (а в одном списке — дийванийя, т. е. диванские, государственные! — А. Ш.) и сборы (русум) султанские — ни мискала, ни частицы горчичного зерна в их (т. е. представителей рода шамхала) сыновей, внуков, потомков (вообще), вплоть до конца времен». Мы видим, что Мухаммед Рафи, автор «Тарих Дагестана» делает разницу между поступлениями государственных и султанскими.

⁵¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. III, стр. 188.

⁵² Derbend-Nameh, 670—672; А. Р. Шихсаидов. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухаммеда Рафи. Сообщение о Мичихиче (район р. Мичи?) кажется поздней вставкой.

Немаловажное значение в социально-экономической и политической жизни ряда районов Дагестана (Южный Дагестан, Кайтак, Кумух) имели связи с Ширваном, значительно усилившиеся в последней четверти XIV в. с утверждением новой династии ширваншахов (1382—1538)⁵³.

В хронике Махмуда Хиналугского обстоятельно показано, как Ибрахим I Дербенди (в тексте он назван Султан Кершаспом) распоряжается землями в Южном Дагестане. Эти земли рассматриваются Ибрахимом I Дербенди (1382—1417) как государственная собственность, отдаваемая в распоряжение представителей уцмийского дома. Так, например, внуку кайтакского уцмий Мухаммед-беку ширваншах «отдал в управление» ряд населенных пунктов Южного Дагестана и крепость Ахир в качестве наследственного владения: «...даю управление над этим магалом ему и его потомкам... от рода в род»⁵⁴. Текст не дает еще ясного указания на характер земельного пожалования, на его юридический статус. Трудно точно определить, о какой категории земельной собственности идет речь — икта или сойургале.

Как указывает И. П. Петрушевский, икту и сойургал роднят два обстоятельства — наследственность и налоговый иммунитет, а основной юридической особенностью сойургала по сравнению с икта был административный иммунитет⁵⁵. А. А. Али-Заде указывает, что основное и определяющее отличие сойургала от икты заключается в том, что сойургал был земельным пожалованием на началах частной собственности⁵⁶.

Широкое распространение институт сойургала получил при Тимуре, который, «живя в условиях созревания классических форм феодальных отношений, был их ак-

⁵³ Подробно о контактах Ширвана и Дагестана: Р. М. Магомедов. История Дагестана, стр. 99—100; Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсанов. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 41—45, 77—84; История Дагестана, т. I, стр. 161—163, 210—214.

⁵⁴ АКАК, II, 1076.

⁵⁵ И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений, стр. 156.

⁵⁶ А. А. Али-Заде. Социально-экономическая и политическая история, стр. 184.

тивным проводником»⁵⁷. В Дагестане Тимур был верен своей политике. В Аварии и Кумухе он не отобрал у феодальных владетелей их земли, не подарил их кому-нибудь из своих ставленников, а сохранил их за «старшинами, кадиями и вельможами», «утвердив за ними область и дав им ярлыки»⁵⁸. Скорее всего эти земли утверждены за местными правителями на правах сойургала, фактически же это означало, что Тимур сохранил в Аварии и Кумухе существующие владельческие права.

Вполне возможно, что и Ибрахим I Дербенди, действовавший «в русле» политики Тимура, отдавал земли в Южном Дагестане именно на правах сойургала. Очевидно, его преемник Халилуллах (1417—1462) продолжал ту же земельную политику. Во всяком случае при Халилуллахе власть ширваншаха распространилась на новые земли в Южном Дагестане, с его именем связано уже строительство крепости в Ахты, о чем свидетельствует эпиграфический материал⁵⁹.

Особую категорию феодальной земельной собственности составляли вакфные земли. Их возникновение вообще и их появление в Дагестане связано с арабскими завоеваниями и распространением ислама. Вакф — это недвижимое или движимое имущество, завещанное государством или частным лицом на содержание религиозных (мечети, медресе, дервишские обители-ханака, гробницы святых) и благотворительных учреждений (странноприимные дома, приюты для престарелых и сирот), представителей мусульманского культа. На окраинах халифата значительная часть вакфа шла на содержание «гази» — «борцов за веру». В качестве вакфа могли быть земельные участки, сады, мельницы, караван-сарай, ремесленные мастерские, каналы и т. д. Вакфные земли не подлежали отчуждению, дарению, не продавались и не обменивались.

В Дагестане вакфное землевладение наблюдается.

⁵⁷ А. Ю. Якубовский. Тимур (опыт краткой характеристики). ВИ, 1946, №№ 8—9, стр. 66. О сойургале существуют обстоятельные исследования (В. Ф. Минорский, А. М. Беленицкий, И. П. Петрушевский, А. А. Али-Заде) — основной список см.: А. А. Али-Заде. Указ. соч., стр. 185.

⁵⁸ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.—Л., 1941, стр. 24, 86.

⁵⁹ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 141.

по источникам в связи с арабскими походами, конкретнее с VII в.⁶⁰

В дальнейшем, в связи с событиями XI—XIV вв., мы не встречаем, к сожалению, в нарративных источниках сведений о вакфных землях и вакфных поступлениях вообще. Однако сообщения письменных источников о строительстве все новых и новых культовых сооружений в Дагестане в XI—XIV вв. свидетельствуют о неуклонном росте вакфных земель и вакфных поступлений вообще. В течение X—XV вв. мечети были построены во многих пунктах, охватывавших почти все районы Дагестана — Кара-Кюре, Ихрек, Ахты, Рутул, Цахур, Рича, Шиназ, Кала-Корейш, Хунзах, Уркарах, Гуладти, Лучни, Гельмец, Хнов, Хив, Кумух, Хосрех, Лучек, Кубачи, Тама и многие другие⁶¹. В Дербенте же, как сообщает Закарийя ал-Казвини, в XIII в. было большое число мечетей⁶². В 1150 г. в Рутуле существовал ханака, о чем рассказывает надпись на камне⁶³. Содержание этих мечетей, представителей духовенства, обитателей ханака должно было осуществляться за счет поступлений с вакфных земель. Кроме того, вакфные поступления поддерживали существование сравнительно многочисленных школ — медресе. Несколько медресе было в Дербенте⁶⁴. В Цахуре существовало медресе, основанное еще знаменитым сельджукским вазиром Низам ал-Мульком (1018—1092). Когда писал Закарийя ал-Казвини, т. е. примерно через 150 лет после основания, цахурское медресе находилось в цветущем состоянии: при медресе работали учитель и факихи, причем каждый факих ежемесячно получал жалованье — барана и зерно, преподаватели занимались здесь также переводческой деятельностью⁶⁵. В начале XV в. было реставрировано медресе в Кубачи⁶⁶. К XV в. относится также строи-

тельство других культовых сооружений — святилищ (зийарат) в ряде селений — Ахты, Хнов и др.

Выше уже отмечалось, что в XI—XIV вв. мы не имеем сведений о вакфных землях. Однако надпись самого начала XV в. (1401 г.) из селения Хнов (Ахтынский р-н) показывает, что отдача земель в вакф практиковалась. Надпись посвящена строительству минарета: «Владелец (сахиб) этого минарета и его строитель (амир) Хамма сын Абакара... Имело место это событие в месяце шаввал восьмьсот третьего года хиджры⁶⁷. В этом же году подарил Гурги мульк селению Киш ал-Хинав»⁶⁸.

Можно предположить, что в последующем отдача в вакф земельных участков, вернее полное отчуждение их в пользу религиозных учреждений, практиковалось не всегда. Значительную роль играла отдача в распоряжение мечети определенной доли урожая с земельных участков, или же внесение продуктов (обычно хлеб и жир) в пользу мечети, причем, если учесть, что к XVIII—XIX вв. эти пожалования были строго регламентированы, связаны с определенными пахотными или же сенокосными участками, то можно предположить длительную историю этого процесса. Общее количество вакфных земель в сравнении с другими категориями было невелико⁶⁹.

Особое место в категориях земельной собственности Дагестана занимает мульк. Мульк — свободно отчуждаемая безусловная собственность. «Мелкая, свободная собственность на землю, — писал Ф. Энгельс, — означала не только возможность беспрепятственно и неограниченно владеть ею, но также возможность и отчуждать ее»⁷⁰. Это обстоятельство имело огромное социальное значение, ибо «аллодом создана была не только возможность,

⁶⁷ Шаввал 803 г. х. начался 15 мая 1401 г.

⁶⁸ А. Р. Шихсаидов. Надписи из Хнова. Сб. «Древности Дагестана». Махачкала, 1974.

⁶⁹ По всему Дагестану в 1917 г. количество мечетских земель составляло 13 тысяч десятин. См.: Г. Г. Османов. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965 стр. 20.

⁷⁰ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2. изд., т. 21, стр. 167.

⁶⁰ О вакфном землевладении в Дагестане в VII—нач. X вв. см.: Ш. М. Ахмедов. Земельные отношения в Дагестане в V—XI вв., стр. 54—55.

⁶¹ Подробно см.: А. Р. Шихсаидов. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969.

⁶² Sazwini's Kosmographie, II, 340.

⁶³ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 64.

⁶⁴ Sazwini's Kosmographie, II, 340.

⁶⁵ Там же, стр. 205.

⁶⁶ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 129.

но и необходимость превращения первоначального равенства земельных владений в его противоположность... с того момента как возник аллод... возникновение крупной земельной собственности стало лишь вопросом времени»⁷¹.

Мульк можно было продать, передавать по наследству, дарить другому владельцу, завещать мечети. В этом отношении мульк представляет аналогию русской вотчине, западноевропейскому аллоду, армянскому айренику. Как институт частного землевладения мульк имел две категории (мульки феодалов и мульки свободных крестьян), причем юридически обе категории на основании традиции мусульманского права рассматривались как одна⁷².

Частновладельческие земли, независимо от их величины, от социального положения собственника этих земель, назывались мульком и в Дагестане. В памятниках обычного права Дагестана, зафиксированных в XIX в., мульк известен под названиями «чужая земля», «чужой сад», «чужое владение», «чужой скот», «чужое имущество», «чужая собственность»⁷³. Понятие мульк распространялось не только на землю, но также на оросительные каналы, дома, лавки, мельницы и т. д.

Пути перехода от коллективной собственности на землю к мульку были различны, включая как оживление «мертвых» земель, так и захват чужих земель, покупку, пожалования. Мульковые земли включали прежде всего пахотные, частично сенокосные угодья, сады, считавшиеся отчуждаемой собственностью отдельных малых семей. Характерно, что в высокогорных районах с развитым животноводческим хозяйством основные пахотные земли составляли мульк малых семей, в то время как наиболее важные в этих районах пастбищные земли фактически принадлежали владельцам большого числа скота.

Сведений о частновладельческих землях в Дагестане ничтожно мало. Несомненно, мульками были земли пра-

вителей и членов правящей династии. Конкретно же мы имеем данные только о шамхальском домене, о чем подробно писалось выше на основе сведений Мухаммеда Рафи. Мульками были, несомненно, дийа, о которых также сказано выше.

В письменных источниках сохранилось лишь несколько известий, которые можно понять как указание на мульковую собственность в раннем средневековье.

Когда в 789 или 790 г. Харун ар-Рашид велел выделить доходы с восстановленных садов, огородов и мельниц на содержание бедных города⁷⁴, то вполне очевидно, что земля и мельницы рассматривались как собственность жителей города. Другой вариант сообщения (по переводу, изданному Ю. Клапратом) более ясно говорит об этом: Харун ар-Рашид «освободил также жителей города от податей за мельницы»⁷⁵. Когда же арабские авторы сообщают о 40 тысячах виноградников и садов в Семендере в X в., то, очевидно, и здесь речь идет о мелкой крестьянской собственности типа мулька. Выше при характеристике хозяйственной деятельности населения Дагестана уже приводилось высказывание Закарии ал-Казвини о Цахуре и занятиях его жителей. Слова автора о том, что «...каждый из них сеет достаточное для себя количество зерна и питается им», можно понять в том смысле, что каждый житель Цахура имел свой клочок пахотной земли, свой мульк, который он и засеивал необходимым для него количеством зерна.

Выше в разделе о вакфных землях уже сообщалось о надписи, зафиксировавшей передачу неким Гурги мулька по случаю строительства минарета.

Мульками могли владеть также представители духовенства. К ним относится и Асельдер из Аркаса (ум. 1404), известный представитель ученого духовенства Дагестана⁷⁶. Согласно записи на одной из страниц арабской рукописи «Нузхат ал-азхан», «Асельдер совершил трижды хаджж в Мекку. Предки отца его, начиная с 1 по 12 колена, были правоверные мусульмане... Та го-

⁷¹ Ф. Энгельс. Франкский период.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2 изд., т. 19, стр. 497.

⁷² И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения, стр. 277.

⁷³ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический строй Дагестана, стр. 35, 128.

⁷⁴ Derbend-Nameh, 582.

⁷⁵ Там же, стр. 583.

⁷⁶ М. - С. Саидов. Дагестанская литература XVIII—XIX вв. на арабском языке. «Труды XV Международного конгресса востоковедов», т. II. М., 1960, стр. 119.

ра, у которой он похоронен, и другая гора под названием Нанай были его мульками. Дата его смерти—806 г. хиджры»⁷⁷, т. е. 1403/1404 г.

Сохранилось также интересное историческое предание, отразившее тот факт, что представители духовенства могли быть обладателями мульков. Предание рассказывает о некоем Халифе, прибывшем в селение Курар из Сирии и укреплявшем ислам в Южном Дагестане. В селении Курар (Хивский р-н) действительно сохранилась могила Халифа («это могила Халифа»—далее текст не сохранился), которую, судя по находящейся рядом датированной надписи и полному сходству почерков обоих памятников, можно отнести к первой половине XV в. Старожилы Курара рассказывают, что соседнее селение Камаркент было мульком Халифа⁷⁸.

Важные сведения о частной собственности отдельных семей на пахотные и сенокосные участки, на мельницы дают «Гидатлинские адаты», отразившие общественный строй гидатлинского общества в XV—XVII вв. Одна из статей ясно указывает на наличие лугов (сенокосов) на правах мулька (наряду с общественными сенокосами): «Если кто-либо своим скотом потравит сенокос другого, то с него взыскивается штраф в пользу общества в размере одной коровы, а также стоимость потравленной травы в пользу хозяина»⁷⁹. Другая статья посвящена пахотным участкам-мулькам и сенокосам: «Если кто взял поч пахотный участок землю на участке, не подлежащем пелению в качестве пахотной земли, или же взял этот участок в качестве сенокоса, или же прирезал оттуда часть к своему сенокосу, с него взыскивается штраф в размере двух котлов на 4 ратала натурой, но не стоимостью»⁸⁰. В «Гидатлинских адатах» названы также «хозяева мельниц». Тут же встречается и термин «мульк»: если житель Гидатля переходил в другое об-

⁷⁷ Перевод взят из работы Д. М. Атаева. «Архасское городище—памятник средневекового Дагестана»,—РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 219, лл. 40—50. Запись эта сделана неким Назиром из Дургели в 1930 г. на основе записок Селимхана из Дургели.
⁷⁸ Предание записано нами в 1958 г. в селении Курар (Хивский р-н).

⁷⁹ Гидатлинские адаты. Подготовили к печати Х.-М. Хашаев и М.-С. Саидов. Махачкала, 1957, стр. 19.

⁸⁰ Там же, стр. 26 (араб. текст).

щество, то «его мульк и наследство его переходят в собственность области Гидатль»⁸¹.

И, наконец, особое место в системе категорий земельной собственности занимали общинные земли. Письменных сообщений об этой категории земельной собственности в X—XIV вв. у нас пока нет, поэтому приходится обращаться к более поздним данным. В общей собственности сельской общины (джамаата) находились прежде всего пастбищные участки, сенокосы, леса, иногда — пахотные земли. Как писал М. М. Ковалевский, «никто не вправе делать заимки в общинной пустоши и лесе, не получив на то предварительного согласия всей общины»⁸². В другом месте он особо подчеркнул место и значение общинной собственности: «...но чего мы нигде не встречаем — так это подавляющего господства частной собственности, сосредоточенной в руках отдельных пар или индивидуальных семей»⁸³.

В советской историографии в последнее время стали уделять серьезное внимание сельской общине и общинной собственности в Дагестане (Р. М. Магомедов, Х. О. Хашаев, Б. Г. Алиев, Ш. М. Ахмедов). Р. М. Магомедов пишет о наличии следующих форм земельной собственности в XVIII—XIX вв. — джамаатские земли, тухумная собственность, вакф, мульк, причем джамаатские, т. е. общинные земли (пастбища, луга, леса, иногда — пахотные участки), в значительной степени сохранились в союзах сельских общин. Эти земли были известны под различными названиями, отразившими сущность этой категории землевладения — «пахотные места аула», «земля нашего селения», «собственность джамаата» и т. д.⁸⁴

На основе полевого материала Б. Г. Алиев показал, что в федерации союзов сельских обществ Акуша-Дарго общественные земли в XVII—XVIII вв. были представ-

⁸¹ Гидатлинские адаты. Подготовили к печати Х.-М. Хашаев и М.-С. Саидов. Махачкала, 1957, стр. 22, 23 (араб. текст).

⁸² М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. т. I. М., 1890, стр. 62.

⁸³ Там же, стр. 63. Здесь М. М. Ковалевский преувеличивает место и значение общинного землевладения.

⁸⁴ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана, стр. 33—34, 128; его же. История Дагестана, стр. 160—161.

лены четырьмя категориями: земли всех членов общины (сенокосы, леса, в ограниченном количестве — пахотные участки); земли, находящиеся в пользовании нескольких сельских обществ (сенокосные и частично — пахотные участки); совместное владение землей со стороны всех союзов сельских обществ, входивших в состав Акуша-Дарго (пастбищная гора); совместное владение землей общинами Акуша-Дарго и других политических образований в Дагестане (пастбищные горы) ⁸⁵.

Таким образом, категория общинной земельной собственности занимала в Дагестане в XVIII—XIX вв. (особенно в союзах сельских общин) немаловажное место. Можно предположить, что и на предыдущих этапах, в частности в X—XIV вв., категория общинных земель, правда в иной пропорции, также имела место ⁸⁶. Наиболее близкими хронологически к изучаемому нами периоду являются данные «Гидатлинских адатов» и «Кодекса Уммахана Аварского» ⁸⁷ (конец XVI—начало XVII вв.) и «Постановление Кайтакского уцмья Рустем-хана» ⁸⁸ (конец XVI—начало XVII вв.).

Характерно, что в сводах обычно-правовых норм, сложившихся в сравнительно развитых феодальных государствах («Постановление Кайтакского уцмья Рустем-хана», «Кодекс Уммахана Аварского»), отразивших оформившееся сословное деление общества, следы общинной собственности на землю улавливаются очень слабо. В то же время в собрании обычно-правовых норм союзов сельских обществ (например, в «Гидатлинских адатах») категория земель, находившихся в собственности сельской общины в целом, ясно прослеживается. Если

⁸⁵ Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 157—160.

⁸⁶ Опыт реконструкции категории общинных земель в ранне-средневековом Дагестане (V—X вв.) на основе памятников обычного права XVI—XVII вв. см.: Ш. М. Ахмедов. Указ. соч., стр. 55—67.

⁸⁷ Кодекс законов Умма-хана Аварского (Справедливого). М., 1948. О значении памятника для изучения социально-экономических отношений в Дагестане в XVI—XVII вв. см.: А. С. Омаров, Р. Г. Маршаев. Об одном памятнике по истории Аварии XVII в. УЗ ИИЯЛ, т. V, 1958; Р. М. Магомедов. История Дагестана (изд. 2), стр. 146—148.

⁸⁸ ССКГ, вып. I, 1868. Перепечатка: Постановления Кайтакского уцмья Рустем-хана. В кн.: Из истории права народов Дагестана (составитель А. С. Омаров). Махачкала, 1968, стр. 176—184.

пахотные земли, скот, часть покосных земель, хозяйственные постройки находились в частной собственности, то пастбища, часть сенокосов и луга составляли собственность всей сельской общины. Кроме того, имелись пастбища, которыми коллективно пользовались все джамааты, входившие в состав Гидатлинского союза ⁸⁹.

В «Гидатлинских адатах» категория общинной земельной собственности обозначена общим термином «мават» («невозделанная земля», «мертвая вещь»). Когда одна из статей указывает: «кто скосил сено на мават после объявления запрета» ⁹⁰, то под «мават» имеется в виду общинный сенокосный участок. В статье: «если кто взял себе под пахотный участок на «мавате», не подлежащем делению в качестве пахотной земли» ⁹¹, «мават» следует понимать как годную к пахоте землю, принадлежащую общине. В одном только случае общинные земли названы «посевные поля их» ⁹², т. е. гидатлинцев. Что сельской общине или союзу сельских общин в целом могли принадлежать и пахотные земли, видно из указания «Гидатлинских адатов» о том, что при переходе жителя Гидатлинского общества в другое общество «его мулька и наследство его переходят в собственность общества Гидатль» ⁹³.

В Дагестане вплоть до позднейших времен существовала форма собственности — тухумная ⁹⁴. В собственности тухумов находились как пахотные, так и сенокосные участки. Правда, мы не располагаем ни одним сообщением о тухумной собственности в X—XIV вв., но ее наличие в это время можно предположить, исходя из того, что в XIX в. эта категория собственности еще встречается как пережиточная форма коллективной собственности на землю, как один из путей перехода от общественной собственности к частной.

⁸⁹ А. Омаров. Судебник Гидатлинского союза «вольных» обществ. — УЗ ИИЯЛ, т. XVII, серия общественных наук, 1967, стр. 131.

⁹⁰ Гидатлинские адаты, стр. 16 (араб. текст).

⁹¹ Там же, стр. 26 (араб. текст).

⁹² Там же.

⁹³ Там же, стр. 22 (араб. текст).

⁹⁴ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 128, 275; Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 156—157.

§ 2. ХАРАДЖ

В источниках сохранилось несколько отрывочных данных о формах эксплуатации феодально-зависимого населения. Выше мы приводили выдержки из «Тарих Дагестана» о том, что правитель Аварии получал с подвластных ему земель харадж, джизью и ушр. Это сообщение относится, по всей вероятности, к X—началу XI вв., ко времени наибольшего могущества государства Серир (Авария). Упоминание джизьи, взимаемой с немусульманского населения, указывает на ранний характер сообщения, включенного в хронику XIV в.

Когда автор «Тарих Дагестана» начинает конкретизировать свое сообщение о ренте, получаемой аварским нуцалом, то он пишет только о харадже, совершенно оставив в стороне джизью и ушр. Вполне возможно, что в руках составителя хроники в XIV в. находились более подробные сведения о податях и налогах в Аварии X в., но он решил подробно остановиться именно на харадже как наиболее универсальной и распространенной форме ренты во время составления хроники, ибо джизья потеряла свое значение в связи с принятием ислама на основной территории Аварского нуцальства.

Харадж, получаемый нуцалом, носит двоякий характер — натуральный и денежный: «Говорят относительно его хараджа, что он получал: деньгами — по три серебряных дирхема с каждого дома или же стоимость трех дирхемов золотом — ежегодно; зерном — по одному кайл с каждого дома из того, что преимущественно сеялось, — ежегодно; баранами — с каждого, кто имеет стадо, — одного барана с каждой сотни ежегодно; крупным скотом — с каждых ста домов — быка ежегодно; тканью — с каждого, кто занимается торговлей, две штуки шелка и две штуки хлопчатобумажной ткани ежегодно; фруктами — с каждого дома, кто сажал виноградник, корзину вино — ежегодно; баранами — с каждого, кто имеет стадо, — одного племени (таифа), — сто баранов и с каждого, кто ранит другого, — одного быка; с каждого, кто украдет чужое имущество, — быка; с каждого селения — пять лисиц, одну черную, четыре — красные и пять баранов — в год назначения нового правителя после смерти прежнего; и с каждого селения — по лошади или жеребцу — для похорон правителя в год его смерти; с каждого

селения и города брали по корове и по два барана для каждого свадебного пира в доме правителя (мин ахл бейт ал-малик). Все упомянутое — источники дохода, перестаю их перечислять более подробно»⁹⁵.

Обращает на себя внимание разнообразный характер податных поступлений (деньги, зерно, крупный скот, бараны, лошади, виноград, шкуры лисиц). Установлена подымная подать, получаемая регулярно, т. е. ежегодно. Только в чрезвычайных случаях (смерть правителя и назначение нового, свадьба в доме правителя) фискальной единицей выступает община в целом. Натуральная рента занимает господствующее положение, денежная рента второстепенна. В последующем указание на денежную ренту вообще отсутствует.

Скудные сведения о взимании поземельного налога — хараджа в XI в. — можно почерпнуть также из «Истории Ширвана и Дербенда». Так, в середине XI в. «гумикские неверные» облагают хараджем «селения ал-Баба»⁹⁶, а ширваншах «собирал силой харадж» с жителями Восточного и Западного Лакза⁹⁷. Очевидно, и в данном случае преобладающей (если не единственной) формой эксплуатации феодально-зависимого крестьянства было взимание натуральной ренты.

Взимание податных сборов в натуральной форме (зерно, скот) особо важное место заняло в системе эксплуатации земледельца в Дагестане в XIII—XIV вв., когда натурально-хозяйственные тенденции стали проявляться наиболее наглядно. «Тарих Дагестан» дает об этом хорошее представление: «Что касается хараджа шамхала, который ежегодно должны были вносить райяты и что полагалось с пастбищных гор, то: на общество (джамаат) Карах наложено 500 овец, на общество Кусрахи — 300 овец для шамхала и 400 овец — для крым (-шамхала); также с горы Кусраха — 1000 овец (—шамхалу) и 30 коров — крым (-шамхалу); на общество Хибилал наложено с каждого дома каждые четыре года — по овце; на Чамалал — 500 овец; на Тиндал — 20 быков; на Арчуб — 130 овец (шамхалу) и 30 баранов

⁹⁵ А. Р. Шихсандов. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухаммеда Рафи.

⁹⁶ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 74.

⁹⁷ Там же, стр. 63.

и 12 овец—крым (-шамхалу); на жителей Хунзаха — 700 баранов, 700 кайл пшеницы и 60 кайл меду; на жителей селения Андиб — бык и 8 штук войлока; на город Гадар и на Аркас — половина того, что на вилайате Хунзах; на жителей Тумала — по барану с каждого дома и кайл пшеницы — шамхалу. Что касается Мичихич — то вся она принадлежит шамхалу; на жителей города Костек — с каждого дома по рыбе; на жителей селения Таргу — два саха рису; на жителей Губдена—100 баранов; на жителей Хайдака—170 буйволов; Джурми также мульк шамхала; на жителей Усиша и Акуша наложено 100 быков; на жителей Сирхи — по одному дирхему с каждого дома; на селение Цудахар—50 быков; на жителей селения Унчукатль и на К. б. кан—6 ослов, навьюченных маслом; на жителей города Зирихгеран—30 мер (?) порошу; с горы в Сунбатле—50 баранов; на жителей Ирганая — по одному кайл (зерна) с каждого дома. Гора Зантаб—также мульк шамхала, за пользование ею платят 80 овец; на Баклал (Баклулал) наложено—30 быков и 30 ягнят; С. хри (Цахур?) и Голода — также мульк шамхала. Этим селениям принадлежат две горы, с которых ежегодно полагается 50 овец; на общество Рисур и Мукрак—70 баранов; на Куралал наложено 100 жеребцов и 100 кобыл.

Все, что упомянуто здесь, поступает ежегодно и делится, как указывалось, среди потомков Хамзы и Аббаса».

Прежде всего следует отметить тенденциозный характер этого документа, который значительно расширил территорию, подвластную Газикумукскому шамхалу, но тем не менее данный отрывок весьма ценен, ибо характеризует не только возросшую силу шамхальства, но и дает общее представление о характере эксплуатации зависимого крестьянства. Харадж, возложенный на трудовое население шамхальства, раз навсегда регламентирован. Он взимается ежегодно и исчисляется не в доле урожая, а объектом обложения служат пахотные и пастбищные участки.

Данными «Тарих Дагестана» не исчерпывается сумма налоговых поступлений в шамхальстве. В хронике регламентированы только сборы в пользу шамхала, его ближайшего окружения, государства в целом. Здесь не учтены сборы в пользу местных феодалов, духовенства,

не учтены злоупотребления сборщиков налогов. В действительности положение райятов было гораздо труднее, чем это можно судить по данным «Тарих Дагестана», свидетельствуя о разновременности отдельных частей хроники.

«Тарих Дагестан» дает еще три весьма известных налоговых термина — джизья, ушр и зекат: «...шамхал обосновался в городе Гумик и брал харадж с земель дзизью — с зимми, ушр — с путешественников, зекат — с мусульман». Подати эти не конкретизированы (кроме хараджа), они только названы, и даже одно это обстоятельство представляет немалый интерес.

Взимание джизьи, т. е. подушной подати, в Дагестане впервые зафиксировано в VIII в., при походе Мервана. Мерван после того, как в Серире «захватил крепости его и разрушил земли его», обязал жителей Серира в 121 г. хиджры (738—739) уплатить джизью в 1000 голов скота ежегодно⁹⁸. «Тарих Дагестан» дважды упоминает джизью, ее вносили при аварском нуцале (Хили начало XI вв.) и при газикумукском шамхале (XIV в.), причем в обоих случаях сообщается вскользь, без конкретного материала, может быть, потому, что в общей сумме налоговых поступлений она занимала незначительный процент, взыскиваемый с «иноверцев», скорее всего — с христиан и евреев. Налог зекат также упомянут в хронике вскользь, но его место в системе налоговых сборов было более значительным по сравнению с джизьей. Зекат вносили везде, где имелись мусульманская община и мечеть. Зекат шел на разного рода благотворительные и религиозно-просветительные цели.

Приведенные выше данные показывают, что при всех изменениях в системе феодального землевладения основная форма эксплуатации феодально-зависимого населения остается неизменной — везде доминирует натуральная рента. С. В. Юшков отмечал, что такого исключительного преобладания натуральной ренты над другими формами эксплуатации непосредственного производителя не наблюдалось ни в одной европейской стране даже на самых начальных этапах феодализма и что эта особенность феодальной эксплуатации в Дагестане «вместе

⁹⁸ Tabari, II, 1667.

с тем свидетельствует о крайне слабом развитии здесь денежного, товарного хозяйства»⁹⁹.

Эта рента нередко становилась тормозом для дальнейшего развития хозяйства. Продуктовая рента «предполагает... соединение сельской домашней промышленности с земледелием», при ней «крестьянская семья приобретает почти совершенно самодовлеющий характер вследствие своей независимости от рынка, от изменений производства и от исторического движения стоящей вне ее части общества», и благодаря всему этому, «благодаря характеру натурального хозяйства вообще, эта форма как нельзя более пригодна для того, чтобы служить базисом застойных общественных отношений, как это наблюдается, например, в Азии...»; продуктовая рента может достигнуть огромных размеров, и тогда она становится серьезной угрозой воспроизводству условий труда и самих средств производства, она «...делает более или менее невозможным расширение производства и принуждает непосредственного производителя довольствоваться физически необходимым минимумом жизненных средств...»¹⁰⁰.

Сравнение данных о податях нуцалу (X—начало XI вв.) и шамхалу (XIV в.), изложенных в «Тарих Дагестане», выявляет интересную деталь: в Аварии в X в. и Газикумухском шамхальстве в XIV в. основными податными единицами выступают как отдельные «дома», так и селения и общества, однако к XIV в. подымное обложение занимает совершенно незначительное место — основной фискальной единицей выступает сельская община в целом. Мы сталкиваемся с явлением, когда «благодаря системе круговой поруки и ... прикреплению крестьян к хараджу и повинностям, наложенным на данное село, община, зависимая, подневольная, стала превращаться в орудие азиатского деспотизма и феодальной эксплуатации крестьянства»¹⁰¹.

Как мы видим, налоговая терминология, дошедшая

⁹⁹ С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. «Ученые записки Свердловского гос. педагогического института», вып. 1 (исторический), Свердловск, 1938, стр. 74.

¹⁰⁰ К. Маркс. Капитал, т. III—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 25, ч. II, стр. 359—360.

¹⁰¹ И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений, стр. 74.

до нас в письменных источниках, очень бедна — это харадж, джизья, ушр, зекат. Однако в системе феодальной эксплуатации имели место и другие подати, многочисленные феодальные повинности. Как известно, в XIII—XIV вв., в связи с монгольскими завоеваниями, количество податей и повинностей значительно увеличилось, как и на всей территории Монгольской империи. К сожалению, по части Дагестана письменные источники об этом умалчивают. Некоторый материал дают данные дагестанских языков. В них сохранились, в частности, слова тамга, бигар, тагар, улаг, таргу. Мы не знаем, какое реальное значение имели в дагестанских языках в прошлом эти термины, обозначавшие подати и повинности, широко распространенные в XIII—XIV вв. на занятых монголами землях¹⁰². В современных же дагестанских языках они означают: тамга (тагъма, дамкъа, тамка, тамгъа и т. д.) — тавро, отметина, пятно; бегар — общественные работы по починке дорог; тагар — мера сыпучих тел; улаг — средство передвижения. В настоящее время мы ограничиваемся только фиксацией указанных терминов и предположением, что проникновение их в дагестанские языки в монгольское время вполне возможно.

Более достоверные сведения имеются о местном налоге нефти. В 272/885—886 г., по данным «Дербенд наме», багдадский халиф издал фирманы жителям Дербенда, дающие им право на получение доходов с источников нефти и соли Баку»¹⁰³. Доходы эти собирались ежегодно и шли большей частью на содержание войнов. Сборы с нефтяных источников и соляных промыслов осуществляли попеременно Ширван и Дербент с учетом

¹⁰² О терминах тамга, бигар, тагар, улаг, таргу см.: Н. П. Петрушевский. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak. Petersburg, 1940, SS. 218—220; А. Ю. Якубовский. Черты общественной жизни, стр. 13; В. В. Бартольд. Персидская надпись на стене анлийской мечети Мануче, стр. 332; А. А. Али-Заде. Каз. соч., стр. 216—223, 228—232, 237; И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения, стр. 383—387, 394—396; его же. Очерки по истории феодальных отношений, стр. 284—290; Б. Н. Задорин. Хорасан и образование государства Сельджукидов. ВИ. 1945, №№ 5—6, стр. 128; Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1932, стр. 119; Л. О. Бабаян. Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII—XIV вв. М., 1969, стр. 267—268.

¹⁰³ Derbend-Nameh, 673—674.

соотношения сил. Так, в 944 г. право сбора этих налогов переходит от ширваншаха к правителю Дербента. Ширваншах Абу Тахир Язид вынужден был в борьбе с дейлемцами обратиться за помощью к жителям Дербента, и как вознаграждение за услуги «он вернул им все, что забрал у них в Шабиране и деревнях, а также сборы с нефтяных источников и солеварен (русум ан-нафата ва-л-малаха)»¹⁰⁴.

Впоследствии это право переходит, очевидно, полностью к ширваншахам и сохраняется вплоть до начала XIV в., когда налог был отменен, согласно ярлыку хулагуида Ольджайту-хана (Мухаммеда Худабенде)¹⁰⁵.

§ 3. СИСТЕМА КОММЕНДАЦИЙ. СТОЛКНОВЕНИЯ «ВЕРХОВ» И ФЕОДАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ — ФОРМА ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ

Среди разнообразных повинностей в Дагестане особое место занимает «пахту»¹⁰⁶ — это обязательное угощение представителей одного аула (в данном случае Ахты) жителями других аулов раз в году в течение одного дня. Термин «пахту» встречается в Дагестане только в Ахтыпаринском союзе сельских общин и относится, по всей вероятности, к местным повинностям домонгольской эпохи, точно так же как и «пахт» в Армении¹⁰⁷. В предмонгольский период «пахт» означал в Армении основной феодальный сбор, взимаемый с податного населения — это определенная часть урожая, которую шинакане вносили землевладельцу¹⁰⁸.

Само присхождение «пахту» связано, как нам кажется, с системой покровительства, игравшей огромную роль в феодализационном процессе. А. Ю. Якубовский отмечал, что феодализационный процесс происходит как бы с двух сторон: сверху и снизу. Если известный нам

104 В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 49.

105 А. А. Али-Заде. Указ. соч., стр. 248.

106 О «пахту» как признаке привилегированного положения актынцев сообщает М. М. Ковалевский (Родовое устройство Дагестана, «Горский вестник», т. XXIX, кн. 4. М., 1888, стр. 547).

107 Л. О. Бабаян. Указ. соч., стр. 236.

108 С. Т. Еремян. Опыт периодизации истории Армении эпохи феодализма, ВИ, 1951, № 7, стр. 64.

икта — это процесс феодализации сверху, то «навстречу этому процессу шла феодализация снизу; мы имеем в виду коммendaцию со стороны крестьян и мелких землевладельцев»¹⁰⁹.

В указанном нами случае покровительства ищет не одно крестьянское хозяйство, не один тухум, а ряд селений, а Ахты выступает в роли коллективного покровителя. Коллективная коммendaция — одна из причин образования, а также прочности союзов сельских общин — весьма характерное явление в процессе феодализации дагестанских обществ.

Поиски ряда незначительных и слабых цахурских аулов покровительства привели именно к такого рода признанию власти более крупного аула — Цахура. Сохранилось историческое предание о том, что «приблизительно в 500 г. магометанской эры в ущелье, называемом Санбур (Самур), было построено селение Захур (Цахур), которое считалось в то время самым сильным селением по многолюдству и отваге его обитателей. Вследствие этого из окрестных мест стали приходиться к цахурам другие племена, селились и за это сначала подчинялись им, а потом и совершенно подпали под их владычество. Цахурцы всех переселившихся к ним называли своими раями (подвластными). Это новое общество избрало из цахурцев особых повелителей...»¹¹⁰.

События эти происходят рядом с Грузией, где уже в XI—XII вв. была сильно развита система патроната (кмба) и где выделились «небиери» («добровольцы»), искавшие могущественного покровителя¹¹¹.

Все это указывает на огромную роль, которую в ходе феодализации играет наступление на сельскую общину, когда институт покровительства сменяется отношениями зависимости и подчинения.

Борьбу за феодальную ренту нельзя представлять себе только как противопоставление феодалов и феодально-зависимых слоев общества. Немаловажную роль

109 А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.), КС ИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 37.

110 А. Фон-Плотто. Природа и люди Закавказья округа, ССКГ, вып. IV. Тифлис, 1870, стр. 9—10.

111 Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа. История Грузии, ч. I. Тбилиси, 1950, стр. 186.

играла и борьба в «верхах», всякую форму которой можно свести, в конечном счете, к борьбе за экономические интересы, за долю совокупной ренты. Как отметил Б. Ф. Поршнев, «конфликты внутри господствующего класса и между разными его слоями, носившие политический, династический, религиозный характер, в то же время всегда являлись борьбой за ту или иную долю совокупной феодальной ренты». Поэтому «частые войны составляли характерную черту раннего феодализма. Но взаимопомощь феодалов в этой борьбе за перераспределение ренты сплачивала их в обширные агрессивные или оборонительные союзы»¹¹².

История средневекового Дагестана знает немало случаев столкновений и войн между различными владениями. Феодальные правители подстрекали население и воинскую силу своих владений к совершению походов, организации грабежей в соседних землях. Это стимулировалось не только жадной к захвату добычи, но и в немалой степени желанием найти «выход» энергии народных масс, ориентировать недовольство народных масс на внешних вопросах.

«История Ширвана и Дербенда» дает яркую картину столкновения интересов феодалов Ширвана, Дербента, Кайтака, Шандана, Серира и других владений в X—XI вв. К примеру, вот как выглядят взаимоотношения Шандана и Дербента: «среди племен неверных в пограничной области (сагр) ал-Баба злейшим (врагом) мусульман был народ Шандана»; в 886 г. правитель ал-Баба Мухаммед б. Хашим совершил поход на Шандан и захватил там два селения; в 909 г. он же повторил поход, на Шандан и захватил там два селения; в 909 г. он же повторил поход, но уже вместе с ширваншахом; в 938 г. другой амир Дербента, Абд ал-Малик, совершив «исламский набег» на М. раф, где «похитил женщин и детей, угнал скот», послал затем своего помощника Абу-л-Фариса «из дербендцев и хайдакцев в селение Аран (?). Они внезапно напали на врага ночью, убили много знатных лиц Шандана» и захватили одно селение; в 1037 г. шанданцы напали на ал-Баб, а через три года жители Дербента совершили ответный поход¹¹³.

¹¹² Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964, стр. 108, 109.

¹¹³ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 65, 66, 72.

Хроника отчетливо показывает и цель подобных акций: в 1064 г. «неверные» Гумика «напали на селения ал-Баба, убили много мусульман и ограбили их имущество. Затем, наложив харадж на оставшихся в живых, они вернулись домой», а в 1074—1075 гг. «ширваншах занял (земли) Восточного и Западного Лакза и собирал силой харадж с жителей после ожесточенных схваток с ними»¹¹⁴.

В непосредственной связи с феодальными войнами стоит также вопрос о строительстве крепостей, значение которых в средние века огромно. Из памятников эпиграфики мы узнаем о строительстве крепостей в Рутуле (1284 г.), Ахты (до XIII в.), Тпиге (XII—XIII вв.), в Цахуре (1433 г.). Во многих аулах сохранились остатки крепостей.

В начале XIII в., перед монгольским нашествием, во внутреннем Дагестане сложилась сложная обстановка, когда, со слов автора «Тарих Дагестана», «между амирами Гумика и султанами Хайдака разбилось зеркало согласия усилиями сатаны... В этих распрях не осталось места ни благоразумию, ни здравому смыслу»; в 1432 г. рутульцы совместно с «тюрьками» (войска Кара-Коюнлу) предприняли поход на цахурские земли¹¹⁵; в XV в. мы видим «войска кумухцев и гидатлинцев», совершившие нападение на Аварию и убившие в сел. Тукита аварского князя¹¹⁶. Иногда совершались сравнительно дальние походы.

В борьбе за новые земли, за добычу феодалы сколачивали сильные группировки, противостоящие друг другу. «История Ширвана и Дербенда» содержит интересные данные¹¹⁷, характеризующие определенную эволюцию во взаимоотношениях Серира и Дербента: если в последней четверти IX в. отношения между Дербентом и Сериром были явно враждебны, то в середине X в. мы наблюдаем их совместные выступления против Ширвана, хотя после этого еще два раза между ними возникали конфликты. Однако общая линия взаимоотношений

¹¹⁴ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 63, 74.

¹¹⁵ М. Х. Нейматова. К истории изучения Ширвана XIV—XV вв. Баку, 1959, стр. 45, 46; Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 133—134.

¹¹⁶ Б. Малачиханов. Указ. соч., стр. 187.

¹¹⁷ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 58—73.

Дербента и Серира определялась уже взаимным стремлением к совместным действиям, и с начала XI в. отношения между ними были только союзническими.

Характерно, что союзнические отношения Серир поддерживает с Дербентом не вообще, а только с привилегированной верхушкой города (раисами) в их борьбе против дербентских правителей — амиров. Здесь тонко учтена политическая обстановка в городе, когда власть раисов значительно усилилась.

Одновременно «История Ширвана и Дербенда» дает возможность проследить эволюцию политики другого сильного государства — Хайдака, завершившуюся союзом с амирами Дербента. Получилась своеобразная картина — Серир в союзе с раисами города, а Хайдак, напротив — с его амирами, т. е. один ищет опору у правящей династии, другой — у противников этой династии. Это обычное для средневекового общества сочетание конфликтов между различными феодальными группировками. В «Истории Ширвана и Дербенда» встречается ряд других данных, общая суть которых: «знатные люди» города обычно на стороне раисов, редко — на стороне амира; категория айан ас-суфуф (о них — позже) вместе с амирами; раисы нередко вступали в сговор с ширваншахом; раисы часто сталкивались между собой¹¹⁸.

Мы не знаем, сохранилась ли эта политическая ориентация дагестанских владений впоследствии, после захвата Дербента сельджуками. Однако взаимоотношения Хайдака и Серира сохранялись натянутыми долгое время, вплоть до начала монгольских завоеваний. Для автора «Тарих Дагестана» было весьма прискорбным и неожиданным резкое ухудшение отношений между правителями Гумика и Хайдака, в то время как Хайдак и Авария заключили между собой союз, использованный монголами в своих интересах. В то же время правитель Аварии заключил союз с монгольским отрядом («тюрки»), находившимся в Дербенте: «...Они обязались быть между собой в дружбе и добрососедстве... Каутаршах взял в жены своему сыну Султан Кайкаду благоразумную дочь аварского правителя, а прелестную дочь свою он выдал замуж за сына царя Саратана»¹¹⁹.

¹¹⁸ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 61, 62, 68, 71, 75, 76.

¹¹⁹ Derbend-Nâme, 673—674.

Династические браки были нередким явлением в средневековом Дагестане. Один из списков «Тарих Дагестана» сообщает о родственных связях местного правителя арабского происхождения с табасаранским правителем: Амир Чубан, сын Султан Али-бека, «выда: свою дочь за табасаранского эмира Масум-бека, а сам женился на его дочери»¹²⁰. Этот же Амир Чубан «заключил мирный договор с ширваншахом Султан Фридуном. Выдав дочь свою за его сына Султан Кейкубата, женил своего сына Султан Сулеймана на его дочери»¹²¹. В начале IX в. наместник Армии Исхак женат на дочери царя Серира. В X в. мы видим дербентского правителя, женатого на дочери царя Серира и раиса ал-Баба, женатого на дочери амира Хайдака¹²². В то же время, как сообщает ал-Масуди, между правителями Алании и Серира «существуют брачные связи, поскольку каждый из них женился на сестре другого», а амир Дербента в родственных связях с табасаранским правителем. По данным хроника Махмуда Хиналугского, правитель Кайтака женат в конце XIV в. на сестре шамхала и на сестре ширваншаха Кершасиба, т. е. Ибрахима Дербенди¹²³. Родственные связи выступают, таким образом, как продолжение политических контактов.

Феодальные владетели вели нередко войны, как уже говорилось, за захват новых территорий, где старались распространять господствующие у себя порядки. Это вело к значительному усилению социального гнета, усилению феодальной власти¹²⁴.

§ 4. ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ КРУПНЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Сдвиги в социальной и экономической жизни народов Дагестана нашли отражение в образовании крупных населенных пунктов. Наиболее усиленными темпами

¹²⁰ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 51.

¹²¹ Там же.

¹²² В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 75.

¹²³ АКАК, II, 1074, 1077.

¹²⁴ Подробно: Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсандов, Указ. соч., стр. 66—67.

этот процес происходил в XIII—XV вв., причем создавались как крупные центры феодальных владений, так и союзов сельских обществ. В процессе складывания крупных населенных пунктов особо следует выделить два вопроса—хронологические рамки образований больших аулов и характер этих пунктов.

Типология дагестанских поселений XIX—XX вв. хорошо изучена нашими этнографами (С. Ш. Гаджиева, М.-З. О. Османов, А. И. Исламмагомедов, С. С. Агаширинова, С. Х. Асиятилов, М. М. Ихтилов, А. Г. Булатова). У всех народов Дагестана выявлены два основных типа поселений — собственно селение и хутор, причем в прошлом для различных этапов были характерны такие типы поселений, как тухумное, территориально-тухумное и территориальное (А. И. Исламмагомедов). Изучение раннесредневековых авторов привело Ш. М. Ахмедова к выводу о том, что упоминаемые у них карйа и дийа — это два типа поселений, представлявших собой различные формы территориальной общины (община-марка и земледельческая община), причем, отмечает автор, оба типа общины к X—XI вв. попали в зависимость от феодалов¹²⁵. В источниках о тухумных поселениях нет ни слова — они скрываются, скорее всего, под названием карйа. Когда ал-Масуди пишет, что в распоряжении царя Серира в X в. было 12 000 селений (карйа)¹²⁶, то можно предположить, что под карйа понимается как селение вообще, так и тухумное поселение (под тухумным мы понимаем поселение, занятое одним тухумом). Археологический материал подтверждает это мнение. Среди раннесредневековых поселений, зафиксированных археологами, встречаются и сравнительно большие поселения (поселения VI—X вв. около Кичи-Гамри Сергокалинского р-на, длина 500 м; близ Гочатля в местности Орто-Коло, около 15 га; близ Гумбета, около 50 га; на склоне горы Гьвалда, близ Хунзаха, длина 1 км и т. д.¹²⁷; городище близ Охли Левашинского р-на,

¹²⁵ Ш. М. Ахмедов. Сельская община в раннесредневековом Дагестане, —РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 229, лл. 16—18, 38.

¹²⁶ Масуди, II, 42.

¹²⁷ М. И. Пикуль. Отчет археологической экспедиции за 1956 г., —РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 169.

площадь 6 га¹²⁸; городище IX—XIII вв. близ селения Юхари-Ярак Табасаранского р-на, площадь около 10 га¹²⁹ и др.) и небольшие по занимаемой площади поселения: Ходоб, 20×8 м, Саадул-Кула, 40×15 м близ Чоха; Айласалла, 50×20 м, близ Хаджалмахи¹³⁰, большое число маленьких поселений близ Юхари-Ярка¹³¹ и др.

Если сравнительно крупные поселения рассматривать как территориально-тухумные, то мелкие — это местопребывание отдельного тухума.

Таким образом, можно говорить о бытовании в Дагестане X—XIV вв. трех типов поселений: поселения чисто территориального типа, территориально-тухумные и однотухумные. Последние, т. е. однотухумные поселения, намеренно выделяются исследователями (хотя они и являются разновидностью карйа, т. е. небольшим карйа), учитывая их особую роль в образовании крупных населенных пунктов и особую судьбу — к XV в. эти наиболее многочисленные поселения в основном прекратили свое существование, объединившись в более значительные территориальные единицы — территориально-тухумные поселения. Что касается последних, то особого увеличения их количества не наблюдается, ибо их эволюция шла в сторону укрупнения — с одной стороны, и в сторону эволюции топографии тухумных кварталов (образование кварталов с несколькими тухумами) — с другой. Тип поселения со смешанным населением не был преобладающим.

Особое значение в складывании поселений со смешанным населением играли внешние факторы — проникновение и обоснование в Дагестане иноэтнических элементов (персов, арабов, алан), а также представителей

¹²⁸ М. Г. Гаджиев, А. И. Абакаров. Отчет о работе горной археологической экспедиции. 1971, РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, лд. хр. 335.

¹²⁹ В. Г. Котович. Отчет о работе 3-го разведочного отряда дагестанской археологической экспедиции в 1965, —РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, лд. хр. 225.

¹³⁰ М. И. Артамонов. Отчет о работе Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК в Дагестане в 1937—1938 гг., —РФ ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 33.

¹³¹ В. Г. Котович. Указ. соч.

местных народов, охранявших опорные пункты близ Дербента¹³². Наиболее значительных размеров достигла миграция арабского населения в VIII—IX вв. в результате колонизационной политики арабов, когда были созданы арабские по этническому составу пункты сельского типа вокруг Дербента. Проникновение арабских элементов в Дагестан продолжалось вплоть до XVII в.¹³³

Уже отмечалось, что Ибн Русте один только раз поставил рядом термины дийа и кура, обозначая эти типы поселений. Все другие авторы X в., а также XI—XIV вв. знают только один термин, а именно карйа для обозначения поселения. Термин карйа нес, таким образом, широкую смысловую нагрузку, включая в себя все три перечисленных нами типа поселений. Вместе с тем следует считать еще неаргументированным вывод о том, что под дийа и карйа у Ибн Русте можно подразумевать два различных типа общин — общину-марку и земледельческую общину.

Процесс образования крупных населенных пунктов в Дагестане изучен весьма слабо и прежде всего в плане археологическом. Вокруг каждого крупного населенного пункта сохранились до сих пор развалины средневековых поселений (обычно 5 или 7). Эти поселения не подверглись еще обстоятельному изучению, что не дает возможности воссоздать картину характера и времени формирования крупных территориально-тухумных поселений, внутренней структуры самих мелких поселений, объединившихся в один пункт.

Письменные источники по данному вопросу также немногочисленны, но по ним устанавливается важный фактор в процессе селообразования: в XI—XIV вв. потеряли свое значение многочисленные замки, крепости, цитадели, о которых писали средневековые авторы (Ибн ал-Факих ал-Хамадани, ал-Белазури, ал-Иакуби, ат-Табари). В связи с ослаблением арабской власти, а затем упрочением власти местных феодальных правителей, значение крепостей, различных «бабов», выполнявших чисто военные функции, значительно падает. Сравнительная

стабилизация местных государств привела к упрочению власти местных правителей и в связи с этим к появлению немногочисленных, но сильно укрепленных феодальных замков, в окружении незащищенных подвластных ему земель. Намечается тенденция к изменению типа поселений от укрепленных к неукрепленным (Д. М. Атаев) с одной стороны, и появление новых крупных населенных пунктов — с другой. Специальное изучение фортификационных сооружений средневекового Дагестана установило подобное же явление — резкое уменьшение в X—XIV вв. массивности оборонительных сооружений при одновременном росте роли естественно-защитных факторов рельефа¹³⁴.

Источники все больше и больше начинают писать о «деревнях». Ал-Масуди, характеризуя Серир X в., пишет уже о 12 тысячах селений. По всей вероятности, это были небольшие тухумные поселения, занятые обычно одним тухумом. На основе объединения именно таких однотухумных поселений обычно и складывались впоследствии большие территориально-тухумные аулы. В Гунибском районе в Куядинском обществе сохранилось и до сих пор такое расселение, которое было, по видимому, характерно для раннесредневекового Дагестана¹³⁵. Здесь на сравнительно небольшой территории площадью в 24 км² в долине между Гунибским плато и плато Тлимеэр расположено около 40 населенных пунктов под общим названием Куяда. В литературе за ними утвердилось название Куядинские хутора. Некоторые из этих хуторов и по сей день заселены представителями одного тухума, или нескольких родственных тухумов, образующих «кьибил». По преданию, эти родственные группы издавна живут каждая в отдельном хуторе¹³⁶. Более подробной характеристикой этих хуторов мы, к сожалению, не располагаем. Предположение о позднем происхождении этих хуторов отпадает, ибо несколько могиль-

¹³⁴ М. Г. Магомедов. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана (автореферат канд. дисс.). Махачкала, 1970, стр. 13.

¹³⁵ А. И. Исламмагомедов. Указ. соч., стр. 164—165.

¹³⁶ Там же, стр. 164.

¹³² Ш. М. Ахмедов. Указ. соч., стр. 25.

¹³³ А. Р. Шихсаидов. Ислам в средневековом Дагестане, стр. 93—99, 113—115, 212—215.

ников на этих хуторах, исследованных Д. М. Атаевым, дали раннесредневековый материал¹³⁷.

Дагестанские ученые обратили внимание на часто наблюдаемое в Аварии совпадение числа основных тухумов селений с числом заброшенных поселений вокруг него, откуда, по преданию, происходят эти тухумы. Так общество (джамаат) селения Хуштада Цумадинского р-на состояло из 4 тухумов, вышедших в свое время, согласно преданию, из четырех ныне заброшенных поселений, причем первоначально каждый тухум жил компактно, занимая определенную часть аула¹³⁸. Образование крупного населенного пункта на базе тухумных поселений наблюдается и в ряде даргинских, лакских, лезгинских селений. Таково селение Харбук, образовавшееся из 6 тухумных поселений¹³⁹, или же селение Сумбатль, сложившееся из 7 тухумов¹⁴⁰.

Тухум — не род¹⁴¹, а родственная группа, состоящая из 4 и 5 поколений родственников по прямой линии, причем эта группа состояла в изучаемое время из малых индивидуальных семей, ведущих самостоятельное хозяйство, имевших свою частную собственность на землю, скот, двор. Поэтому тухумные поселения в X—XIV вв. нельзя понимать как родовые.

Ученые единодушны в мнении о том, что именно в X—XIV вв. интенсивно протекал процесс образования крупных населенных пунктов. Это положение подтверждается археологическими и эпиграфическими данными. В. Г. Котович установил интересную деталь по части образования такого крупного населенного пункта, как Ругуджа (Гунибский р-н): окружающее селение ныне заброшенные хутора (Комиб, Унсуколю, Маакиб) имеют могильники, инвентарь которых относится к X—XII вв., причем «среди погребений, раскопанных на Ругуджинских хуторах, нет ни одного, которое могло бы быть

датировано временем позже XIII в. ...К этому же времени относится образование селения Ругуджа»¹⁴².

Эпиграфический материал также дает возможность проследить время складывания крупного поселения. Так, например, на одном из пяти селений, образовавших селение Тпиг, а именно на поселении Зулеран-хуър, самые поздние надписи относятся к XIV в., а на поселении Шугъа, жители которого, согласно преданию, перешли в Шиназ, встречаются только надписи XII—XIII вв. Близ селения Архит обнаружено два поселения, эпиграфический материал которых обрывается на XIV в.

Подъемный материал на поселениях, образовавших селение Чох, датируется в пределах IX—XIII вв.¹⁴³

X—XIV вв. выступают перед нами как время прекращения жизни на многих поселениях и перехода их жителей на новое место. Если в X—XIV вв. процесс образования сел крупного типа протекал наиболее интенсивно, это еще не означало, что до X в. не было крупных населенных пунктов, сложившихся по территориально-тухумному принципу. Сравнительно большие размеры ряда раннесредневековых поселений исключают возможность видеть в них однотухумные поселения. Поселение к северу от Бавтугая, датируемое в пределах V—X вв., занимало площадь до 10 га, а поселение близ станции Верхний Чирюрт (V—X вв.) занимало еще большую территорию¹⁴⁴. Андрейаульское городище занимало площадь 700×450 м²¹⁴⁵. Это, скорее всего, территориально-тухумные и чисто территориальные поселения, функционировавшие рядом с однотухумными. Это предположение ведет за собой и другое — в процессе селенообразования в X—XIV вв. компонентами выступали не только однотухумные поселения, но и пункты, сложившиеся по территориально-тухумному или по чисто территориальному принципу. Может быть, поэтому топография ряда дагестанских аулов отразила не названия

¹³⁷ Д. М. Атаев. Некоторые средневековые могильники Аварии. МАД, II, 1961, стр. 238—241.

¹³⁸ А. И. Исламмагомедов. Указ. соч., стр. 164.

¹³⁹ Полевой материал, собранный Б. Г. Алиевым. 1969 г.

¹⁴⁰ Полевой материал, собранный Р. Г. Маршаевым. 1959 г.

¹⁴¹ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана, стр. 50—51; Х. М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в., стр. 220—21.

¹⁴² В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 56.

¹⁴³ М. И. Артамонов. Отчет о работе Северо-Кавказской экспедиции, лл. 34—37.

¹⁴⁴ В. И. Канивец. Археологические исследования в Дагестане в 1965 г. УЗ ИИЯЛ, т. I, 1966, стр. 216—217.

¹⁴⁵ М. Г. Магомедов. Указ. соч., стр. 10.

пришлых тухумов, а населенных пунктов, влившихся в новый аул, и в ряде случаев новые пункты складываются по чисто территориальному принципу и нередко с неоднородным этническим составом. На плоскости это прослеживается наиболее четко. В этом отношении ценный материал дает топография двух кумыкских аулов — Султанянгиюрт и Тарки. В Султанянгиюрте 4 квартала со следующими названиями — Тюменьаул, или Эндериаул (выходцы из Кумыкской плоскости, они относились, по преданию, к племени тюменов), Дженгутайаул (выходцы из Дженгутая), Мичигичаул (выходцы из Чечни), Тауаул (выходцы из разных частей горного Дагестана, преимущественно из Салатавии и Гумбета) ¹⁴⁶.

Топография селения Тарки еще более выразительна — кварталы, образовавшие селение, названы также «аулами» и отражают географический, социальный, этнический моменты: Чагъараул («аул чагаров»), Аташаул, Дорголиаул, Мамайораул, Учбулахъаул, Гунтийлеваул («аул теневой стороны»), Булахъашаул, Базараул, Тобобашаул, Манчараул, Бакъаул, Истисуаул («аул горячей воды»), Жувутаул («еврейский аул») ¹⁴⁷.

Складывание крупного населенного пункта нельзя рассматривать как единовременный процесс, когда 5 или 7 маленьких аулов объединяются и переселяются на новое место. Полевой материал показывает, что этот процесс прошел несколько вариантов. Наиболее обычный вариант — несколько маленьких поселений переходит в другой населенный пункт, занимавший по отношению к ним центральное место, причем сам переход происходил не одновременно, а растягивался на 2—3 столетия. Образуется не новый аул, а возвышается политически и укрупняется за счет других поселений один из старых аулов (к примеру, Тпиг за счет поселений Джафуг, Ганджуар, Зулераухуър, Къуриар, Фурдик).

В рамках X—XIV вв. наиболее интенсивно процесс образования крупных пунктов падает на XIII—XIV вв., возможно, XIII—XV вв., но забрасывание селений и переход в новое селение имело место и впоследствии, хотя

и не принимало размеров, наблюдаемых в XIII—XV вв. Поселение Цурици, что близ селения Калкни (Дахадаевский р-н), сохранило надписи, палеографически относимые к XV—XVI вв. Надписи на поселении Эскикент близ Хили-Пенджика (Табасаранский р-н) датируются XII—XVIII вв., причем XII—XV вв. представлены сравнительно большим числом памятников, а XVI—XVIII вв. — в незначительном количестве. Последнее обстоятельство можно объяснить тем, что, вероятно, в XV в. основная часть жителей селения перешла на новое место (селение Хили-Пенджик), а часть или же отдельный тухум долгое время оставался на старом месте.

Археологическое изучение древних городищ на Руси установило их расположение гнездами по 5, 10, 15 городищ, возглавляемых часто городом, упоминаемым в летописи ¹⁴⁸. Аланские городища также знают группировку в компактные гнезда, «причем, как правило, к большому и сильно укрепленному городищу тяготеют менее значительные» ¹⁴⁹. А. А. Иессен выделил три группы аланских городищ: 12 городищ в районе Нальчика, 15 — в районе с. Баксан, 5 — в районе с. Заюково ¹⁵⁰. Подобное же явление отмечено В. Г. Котовичем в Дагестане: средневековое городище Инжла-гъул (IX—XIII вв.) близ сел. Юхариарак (Табасаранский р-н) объединяло вокруг себя большое число мелких поселений, тяготевших к Инжла-гъулу, выделявшемуся среди них более крупными размерами ¹⁵¹.

Группа населенных пунктов, тяготевших к одному центру или же образовавших крупный аул, простиралась вокруг этого центра на расстоянии не более 10—15 км в радиусе. Поселения, слившиеся с Тпигом, отделены от него: Джафуг — на расстоянии 15 км, Зулераухуър — 2,5 км, Къуриар — 4 км, Фурдик — 3 км; поселения вокруг Хива расположены еще ближе к центру: Гамагъ накъвар

¹⁴⁸ Б. А. Рыбаков. Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси. В кн.: «Проблемы возникновения феодализма у народов СССР». М., 1969, стр. 26—27.

¹⁴⁹ В. А. Кузнецов. Указ. соч., стр. 209—210.

¹⁵⁰ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА СССР, № 3, 1941, стр. 24—25.

¹⁵¹ В. Г. Котович. Отчет о работе 3-го разведочного отряда, стр. 27—34.

¹⁴⁶ А. В. Комаров. Список населенных мест, стр. 9.

¹⁴⁷ Записано нами в сел. Тарки, 1971.

—3 км, Чуру-гьул и Калай-гьул—4 км, Гасул-гьул—3 км, Джурас—6 км. Это явление прослеживается по всему Дагестану. Однако расположение гнездами вокруг одного пункта не единственный вариант в процессе селообразования. В процессе складывания крупного территориально-административного пункта прослеживается также тяготение к одному пункту поселений, территориально и экономически объединенных в рамках одного ущелья. Так, в ущелье реки Сырга-меер (Рутульский р-н) протянулся цепью ряд поселений на расстоянии 1,5—2 км друг от друга—это поселения Бгна, Йисада, Мгра, Сырга, Зурудик. Самое близкое из этих поселений отдалено от Рутула расстоянием в 1,5 км, а самое дальнее—7 км. Археологическое изучение этих поселений и, следовательно,— изучение их характера и установление хронологических рубежей—еще впереди. Речь идет также об одном из этапов складывания союзов сельских общин, экономически связанных между собой.

Выше уже отмечалось, что протекавший интенсивно в XIII—XV вв. процесс складывания крупного села, обычно как центра территориально-административной единицы, не был завершен, он имел место и в последующие века. Это положение основано на изучении только незначительной части поселений, особенно тех, на которых сохранился эпиграфический материал. Дальнейшее и детальное изучение всей суммы поселений покажет, возможно, что это важное в экономической и социальной жизни явление не было синхронным во всех частях Дагестана, что естественно-географические, экономические и внешне-политические факторы наложили отпечаток на хронологические рамки этого процесса. Крупные размеры ряда раннесредневековых поселений и ряда поселений эпохи развитого средневековья, верхняя дата которых определяется эпиграфическим материалом, наводят также на мысль о том, что, наряду с процессом укрупнения и параллельно ему, шел также процесс разукрупнения ряда пунктов. Внешнеполитические факторы играли в этом немаловажную роль. Многочисленные походы иноземных завоевателей (монголы, войны Золотой Орды и Хулагуидов, Тимур, войны Тимура и Тохтамыша, сефевиды) приводили к массовому разрушению больших и малых населенных пунктов, к бегству населения из районов военных действий. Увеличившиеся за счет при-

тока беглого населения аулы принимали порой иной структурный и этнический облик. Внутренняя структура аулов подвергалась частичным изменениям, в частности за счет чисто территориального принципа расселения.

Однако эти две тенденции (укрупнения и разукрупнения), действуя одновременно, не были равнозначны по своему значению, силе интенсивности. Тенденция укрупнения была в X—XVI вв. в Дагестане ведущей, перспективной, хотя вторая тенденция на определенной территории (в основном—плоскость и предгорье) имела значительную силу. Однако это не значит, что тенденция раздробления была ограничена равнинными и предгорными районами. Если первая тенденция была обусловлена социально-экономическими и политическими факторами, то вторая имела в своей основе, кроме указанных факторов, и военно-политический аспект, который нередко становился определяющим. Особняком стоит вопрос об экономической основе процесса образования хуторов, интенсивно прошедшем в XVIII—XIX вв.

Хронологически процесс складывания крупных населенных пунктов должен быть синхронен времени образования новых или же укрепления старых союзов сельских общин. Сам факт превращения одной из сельских общин в ведущую по сравнению с другими, т. е. превращение её в центр союза, создавал благоприятные условия его усиления и территориального роста. То же самое наблюдается в процессе формирования, а затем и усиления феодальных государств.

Дагестанские этнографы и археологи (М. О. Османов, В. Г. Котович, А. И. Исламмагомедов, М. А. Агларов, С. Х. Асиятилов) проследили процесс забрасывания террасных участков и превращения их в пастбища в XIII—XV вв. Хронологически этот существенный сдвиг совпадает с интенсификацией процесса складывания крупного села. Следствием этого было более интенсивное земледельческое освоение земель вокруг крупного населенного пункта, обычно связанного с преимущественным производством зерновых. Освоение новых земель вокруг крупного населенного пункта под пашню имело и другую сторону—участки, примыкавшие к бывшим населенным пунктам, превращались в пастбища. Как бы отражением всех этих сдвигов был наблюдаемый процесс складывания крупного села по «убывающей вертикаль-

ной зональности» — крупный аул обычно расположен ниже поселений; в него влившихся, ближе к источникам водоснабжения и занимает сравнительно ровное место¹⁵².

Таким образом, процессы социального и экономического развития, образование крупного аула, или же его дробление, история союзов сельских общин и государственных образований, хозяйственная специализация отдельных естественно-географических зон, внешние факторы, в частности фактор военно-политический, вопросы этнической инфильтрации — все это представляют собой взаимосвязанные факторы, только комплексное изучение которых дает более или менее полную картину развития дагестанского общества.

¹⁵² Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 249.

ГЛАВА III

СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ДАГЕСТАНА

в V—XIV вв.

Развитие феодальных отношений в Дагестане шло по двум линиям. В одних частях феодализационный процесс почти полностью опирался на внутреннее развитие общества, а в других он испытал влияние внешних факторов, в частности политики стран, уже ставших на путь феодального развития. В обоих случаях переход дагестанского общества к феодальному способу производства был следствием внутреннего развития общинного строя, а патриархальное рабство, не являвшееся экономической основой общества, только ускорило процесс феодализации. Такой путь прошли многие народы Азии и Европы: восточные и западные славяне, германские племена, ряд тюркских племен, народы Японии, Бирмы, Индонезии¹.

Феодализм в Дагестане имел ряд особенностей. Ста novление и развитие феодальных отношений шло медленными темпами при значительном сохранении пережитков патриархально-родового строя. Это было обусловлено устойчивостью сельской общины, ее усилением и особой ролью в жизни феодального общества в Дагестане. Одной из особенностей феодализма в Дагестане было отсутствие крупного собственного хозяйства фео-

¹ История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970, стр. 5; Л. В. Черепнин. Основные этапы развития феодализма в России. М., 1965, стр. 14. О синтезе в процессе феодализации — З. В. Удальцова, Е. В. Гутнова. Генезис феодализма в странах Европы. Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. М., 1970, стр. 5; о синтезе в Дагестане — Б. Г. Алиев, Ш. М. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Ук. соч., стр. 6.

далов, основанного на барщинном труде и в связи с этим — слабое развитие отработочной ренты и огромное значение натуральной ренты. Эта черта феодализма отмечена во многих странах и областях — в Иране, Средней Азии, Афганистане, арабских странах.

В непосредственной связи с отсутствием барщинного хозяйства находятся более слабые формы внеэкономического принуждения (отсутствие крепостничества), ибо там, где крепостничество «...имело место, барщина редко возникала из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно, крепостное состояние возникало из барщины»². По этой же причине мы в Дагестане, X—XIV вв. не обнаруживаем признаков крепостничества (ни юридически оформленных личных прав феодала, ни судебно-административной власти над крестьянином).

Особенностью феодализма в отдельных частях Дагестана (с развитым овцеводческим хозяйством) было также наличие фактической собственности феодалов на значительные пастбищные участки при сохранении собственности отдельных семей на пахотные участки.

И, наконец, поступательное развитие дагестанского общества в области социальных и экономических отношений неоднократно прерывалось иноземными вторжениями (монголы, Тимур), тормозившими и процесс дальнейшей феодализации и дальнейшего прогрессивного развития хозяйства. Отрицательную роль играли также участвовавшие столкновения феодальных правителей.

§ 1. ПЕРВЫЕ РАННЕФЕОДАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ И ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ МЕСТНЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ

Как было показано в разделе по вопросам исторической географии, первые сведения о раннефеодальных государствах на территории Дагестана относятся к V—VI вв. В V в. армянские источники сообщают об «одинадцати царях» горцев, с которыми заключил союз албанский царь и которые выступили против сасанидского

² К. Маркс. Капитал, т. I.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, стр. 242.

Ирана³. Еще раньше, как сообщает Моисей Хоренский, армянский военачальник встречается с отрядом, при котором находился «храбрый Шэргир, царь леков, твердо стоявший во главе средней его части»⁴. Дагестанские цари выступают как военачальники воинских отрядов. и игравших важную роль в политической жизни Закавказья.

В VI в. сообщения о дагестанских правителях более подробны. Большой интерес представляет сообщение ал-Белазури о дагестанских правителях во время иранской экспансии на Восточный Кавказ. Царь Ирана, Хосров Ануширван (531—579), завоевав часть Восточного Кавказа, «пригласил... царей, назначил их, предоставив каждому из них шахство (над отдельной областью). Среди них хакан горы, а он сахиб ас-Серир, и называется он вахарзаншах, царь (малик) Филана, а он филаншах, табасараншах, царь ал-Лакза с титулом джуршаншах и царь Маската, царство которого (в настоящее время уже) не существует, и царь Лирана, с титулом лираншах. И назначил он владетеля (сахиб) Бухха над Буххом, владетеля Зирикерана над Зирикераном. И утвердил он маликов горы ал-Кабк в их владениях и заключил с ними мир, на условиях внесения подати (итав)»⁵.

Текст легко убеждает нас в том, что речь идет не о том, что иранский царь «дал» правителей и государственную власть отдельным дагестанским землям, а застал в Дагестане местных правителей, власть которых он сохранил и утвердил. Характерно также то обстоятельство, что дагестанские правители показаны как представители традиционной власти, с утвердившейся уже титулатурой.

Сообщение ал-Белазури любопытно еще в одном отношении — арабский автор не применяет ко всем дагестанским владетелям одинаковой социальной терминологии: Сериром управляет «хакан горы», Филаном, Таба-

³ История Египта Вардапета. Перевод с армянского П. Шапшиева. Тифлис, 1853, стр. 333.

⁴ История Армении Моисея Хоренского. Новый перевод с арм. Н. О. Эмина. М., 1893, стр. 174.

⁵ Beladsozi, 196—197.

сараном, Лакзом, Маскатом, Лираном — «цари» (малики), Буххом и Зирихгераном — «владельцы» (сахибы). В основе этого лежит, очевидно, принцип значимости, важности отдельного государства, причем, скорее всего, автор передавал соотношение сил на Восточном Кавказе в IX в. именно в то время, когда сочинение ал-Белазури составлялось. Наиболее сильным был Серир, и правитель его назван хаканом по аналогии с хазарским хаканом. Далее идут малики — термин, который в первые века ислама арабские авторы прилагали преимущественно к немусульманским государям⁶. Правители же небольших земель — Бухха и Зирихгерана названы сахибами (букв. «владельцы»).

В феодальной историографии Дагестана утвердилась концепция об иноземном происхождении государственной власти в Дагестане, об арабском (или иранском) источнике государственности дагестанских племен. Местные исторические хроники («Тарих Дагестан», «Асар-и Дагестан») связывали происхождение дагестанских правителей — майсумов, уцмиев и шамхалов с именем Абу Муслима, свергателя династии Омейядов в 750 г. Согласно «Дербенд наме», арабский полководец Маслама, завоевав Кумух, назначил над ним и над всем Дагестаном Шахбала, сына Абдаллаха (от него, согласно хронике, произошли шамхалы), своего же родственника Амир Хамзу он назначил над Кара-Кайтаком (от него происходят кайтакские уцмии), а некий Мухаммед Масум был назначен правителем Табасарана (от него произошли майсумы)⁷. Более того, хроника «История Абу Муслима» с именем арабов и Абу Муслима связывает процесс складывания феодальной верхушки в аулах Южного Дагестана вообще⁸.

Впоследствии возникли пространные генеалогические ряды дагестанских правителей, обязательно восходящие к роду пророка Мухаммеда. Анонимное сочинение «Об уцмиях Кайтака» возводит род уцмий Рустам-хана к по-

⁶ И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении, стр. 112.

⁷ *Derdend-Nameh*, 544—545.

⁸ N. Khanikoff. *Memoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase*, — JA, ser. 5, t. XX, Paris, 1862, pp. 85—86.

томкам «Хамзы, араба, курейшита, дяди пророка»⁹. Согласно другой хронике, кайтакские уцмии имеют «двустороннее» родство с пророком: «они по отцу, согласно древнему преданию, происходят от дяди пророка... Аббаса, а по матери — от дяди пророка... Гамзы»¹⁰. Род газикумухских шамхалов также возведен к Хамзе, дяде Мухаммеда.

Совершенно с иной традицией связана версия о происхождении правителя Аварии (Серира). Он, согласно преданию, потомок Бахрама Гура. Традиция эта зафиксирована в X в. и дошла до нас в передаче ал-Масуди: Иездигерд, последний сасанид, во время бурных потрясений, стоивших ему жизни, отослал в Серир «свой золотой трон, свои сокровища и имущество с неким потомком Бахрам Гура, чтобы тот хранил их до его (Иездигерда) прихода. Этот человек поселился в этой области и захватил в ней царскую власть, и престолонаследие осталось в его семье»¹¹. Существует и иное предание, зафиксированное в «Тарих Дагестане» и возводящее род аварских нуцалов к началу человеческого общества («восходят его предки к Адаму в 99000 поколениях»).

Вместе с тем те же самые источники, как бы не были противоречивы, содержат сведения, говорящие о наличии государственной власти до арабских завоеваний. «Тарих Дагестан» сообщает, что до прихода арабов в Дагестане «в каждом селении находились султаны... в каждом городе тиранствующие и нечестивые амиры». В Аварии, продолжает хроника, каждый правитель назывался нуцалом («это их обычай давать такое прозвище и обозначать этим именем своего правителя»). Правителем «вилаята Хайдак» был «султан по имени Газанфар ал-Гаррар», а власть правителя Аварии еще до прихода арабов была наследственной («Амир Султан занял престол своего отца, подобно тому как занимали его древние предки»). Важные сведения о государствах Дагестана до арабских завоеваний и об их правителях содержит один из списков «Дербенд наме»: захватив в 115/733—734 г. Дербент, арабский полководец Масла-

⁹ Об уцмиях Кайтака. РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. № 675, л. 1а.

¹⁰ АКАК, II, 1074.

¹¹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 191, 204.

ма ибн Абд ал-Малик (в тексте—Абу Муслим ибн Абд ал-Малик) «отправился в вилайат Кумух, сражался с его жителями, нанес им поражение, убил их правителя (кабир)... назначил над ними, а также другими (областями) Дагестана хакима... Затем он вернулся в вилайат Хайдак, сражался с его жителями, убил их хакима... Затем он отправился в вилайат Табасаран... нанес им поражение и убил их-кабира... и назначил над ними хорошего хакима...»¹². Выше уже приводилось сообщение ал-Масуди о потомке Бахрама Гура, прибывшего с золотым престолом в Серир и захватившего «в ней царскую власть».

Все приведенные выше данные показывают, что появление государственной власти в Дагестане не связано ни с иранскими, ни с арабскими завоеваниями, а было следствием внутреннего развития дагестанского общества. Р. М. Магомедов вполне справедливо пишет: «...предположение о том, что до прихода арабов горцы Дагестана не имели никакого политического устройства и что организацией первой такой политической власти они обязаны арабам — не соответствует действительности»¹³.

* * *

Выше мы кратко охарактеризовали процесс социального развития Дагестана в VI—IX вв. В X—XIV вв. в результате сдвигов в области земледелия, скотоводства, ремесла наблюдается дальнейшее усиление имущественного и социального неравенства. Вместе с тем следует оговориться, что преобладающее количество известных нам источников, если и дают какие-либо сведения о социальной жизни общества, то они посвящены характеристике положения и деятельности господствующих слоев общества. Сведения о положении трудящихся

¹² Рф ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 425. Этот снимок «Дербенд наме» представляет собой перевод с турецкого на арабский, осуществленный в 1232/1817—1818 гг. дагестанцем ар-Рухуни и переписанный в 1929 г. Али Каяевым.

¹³ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана, стр. 143.

масс, об их борьбе за социальное равенство слишком фрагментарны, даны вскользь. Это обстоятельство скажется на характеристике социального строя дагестанских обществ, когда характер источников не дает возможности более или менее полно обрисовать жизнь дагестанского крестьянина и ремесленника.

§ 2. РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЛАКЗЕ

Письменные источники на арабском языке сохранили важные сведения о социальной жизни Дагестана в изучаемое время. Одно из таких сообщений принадлежит автору XIII в. Якуту и посвящено Лакзу: «...среди них имеются свободные (ахрар), называемые хамашира. Выше их — малики, ниже их — м. шак, затем акара и муххан»¹⁴.

К сожалению, это любопытное известие еще не подверглось тщательному анализу. Терминология автора не совсем ясна, не поддаются еще точному объяснению термины хамашира и м. шак.

Слово «малик» обычно переводится «царь», но в данном контексте предпочтительнее употреблять термин «правитель» или же «владелец» отдельной области. В арабской исторической литературе в связи с описанием арабских завоеваний в Дагестане неоднократно встречается термин малик в применении к местным феодальным правителям. Местные же исторические хроники и эпиграфические памятники X—XV вв. этот термин к дагестанским правителям и владельцам не применяют.

Термин «ахрар» относится к свободному слою населения. В. Ф. Минорский писал, что «хамашира» только народная метатеза вместо хашарима»¹⁵ и, связав эту категорию с именем правителя Хашрамы ас-Сулами, он причисляет хамашира к категории знати, стоящей на втором месте после маликов¹⁶. На основе этого высказывания выдвинуто предположение о том, что под хама-

¹⁴ Якут, I, 438.

¹⁵ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 113.

¹⁶ Н. А. Караулов переводит (СМОМПК, вып. 38) — «привилегированный класс».

шира следует понимать феодальную знать ал-Лакза арабского происхождения и что содержание термина хамашира идентично содержанию понятия раис в Дербенте, т. е. здесь речь идет о сословии феодалов в Лакзе¹⁷. Сам текст Якута показывает, что под хамашира следует понимать именно часть господствующего сословия («а ниже их—м. шак»), но, по всей вероятности, речь идет не о феодалах вообще, а о низшей прослойке феодалов, непосредственно связанных с категорией лиц, занятых в хозяйстве. Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что семантически «свободные» («ахрар») совпадает с широко распространенным в феодальной Армении термином «азат» (букв. «свободный»), означавшим низшую ступень феодальной иерархии — мелких феодалов¹⁸.

Далее в тексте Якута идет один за другим три термина—м. шак, акара и муххан. Термин «м. шак» В. Ф. Минорский перевел как «служащие», с подчеркиванием возможности перевести, по данным другого сочинения, словами «ремесленники и работники» («Когда Олджейту строил город в Арране (на Куре) он использовал 1000 м. шак ежедневно»), и предположением, что «мы имеем дело с чисто местным, неарабским термином». В качестве иллюстрации к последнему термину В. Ф. Минорский использует армянское слово мшак (сельскохозяйственный рабочий), «которое в грузинском и других кавказских языках превратилось в «муша» (чернорабочий) в широком значении»¹⁹. Большой интерес представляет высказывание С. Т. Еремяна о техническом и реальном содержании термина мшак в Армении. Он указывает, что генетически армянское мшак (грузинское мушак) восходят к семитическому мушкену, означавшему «мужик», «простолюдин», что, возможно, это закабаленные общинники, по той или иной причине попавшие в рабство. «Во всех случаях работник, работающий в частновладельческих хозяйствах, кем бы он ни

был, — свободным ли общинником, издольщиком или рабом — ообзначался термином «мшак»²⁰.

Значительный интерес представляет термин «акара», относящийся к определенной категории феодально-зависимого населения, а именно—к издольщикам, о которых подробно скажем ниже. И, наконец, в тексте Якута мы встречаем термин «муххан», который В. Ф. Минорский перевел «слуги и ремесленники». Это слово произошло от арабского корня махана в значении «служить, заниматься профессией» и поэтому означает представителей определенных профессий. Де Гье также считал, что под муххан следует понимать ремесленников, но А. Н. Караулов, впервые давший русский перевод этого отрывка, писал, что «утверждать это мы не станем. Вернее — это (т. е. термины акара и муххан.—А. Ш.) испорченные местные имена классов»²¹.

Нам кажется, что наиболее вероятным реальным содержанием слова муххан является именно «ремесленники», причем имеются в виду ремесленники неотрывно связанные с общиной, обслуживающие нужды сельской общины.

Таким образом, сообщение Якута хорошо иллюстрирует далеко зашедшее социальное расслоение и общественное разделение труда — правящая верхушка (малыки); «свободные» — представители класса феодалов, возможно, и верхушка сельской общины; акара — издольщики, ремесленники, выделившиеся из общей массы земледельческого населения, но обслуживающие ту же самую общину.

§ 3. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ДЕРБЕНТА

По данным источников, наиболее четко прослеживается классовая структура Дербента. Как уже указывалось, во второй половине IX в. городом управляли правители, назначаемые халифом. Впоследствии (с 869 г.) городом стали управлять Хашимида, власть которых

17 Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 62.

18 Л. О. Бабаян. Указ. соч., стр. 36.

19 В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 113.

20 С. Т. Еремян. О рабстве и рабовладении в древней Армении, — ВДИ, 1950, № 1, стр. 25.

21 СМОМПК, вып. 29, стр. 63.

была наследственной. Тем не менее власть хашимидских амиров не была неограниченной. Внутриполитическая обстановка в городе сложилась так, что амир оказался «первым среди равных»²². Феодалная верхушка, окружавшая амира, его политические советники, раисы, разбогатевшие на многочисленных войнах «за веру», на эксплуатации сельского и городского населения, уже представляют внушительную силу, способную противопоставить себя дербентскому правителю и его «гази» — «борцам за веру».

Среди феодалной верхушки Дербента особое место занимали раисы. В. Ф. Минорский, обстоятельно комментировавший «Историю Ширвана и Дербенда», в том числе и социальную терминологию, отмечал, что «в мусульманских странах титул раис обычно применяется к представителям местного населения, выбранным из числа уважаемых семей. Раис выступал как посредник между администрацией и населением, передавая правительственные распоряжения и делая представления от имени жителей города». Дербентские раисы «с самого начала мусульманской администрации... занимали особое и важное положение»²³. В Арране и Ширване раисы выступали главами городских гильдий. В середине XI в. в Дербенте упоминается «раис дубильщиков».

Слово раис неоднократно встречается в «Истории Ширвана и Дербенда» и скрывает за собой различные категории феодалной верхушки города, представляющие весьма внушительную экономическую и политическую силу в городе. Под термином раис выступают феодалы различных категорий: (крупные земельные собственники в Дербенте и его округе и мелкие феодалы), экономическое усиление которых стояло в непосредственной связи с беспощадной эксплуатацией крестьян и издольщиков, работавших в дийа, они обладали собственной вооруженной силой и осуществляли судебные функции²⁴.

²² Об амирах Дербента в IX—XI вв.—В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 162—163; Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 44—48.

²³ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 163.

²⁴ Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 48.

Раисы обладали огромными богатствами за пределами города. Помимо пахотных участков, им принадлежали и пастбища, где держали свои стада²⁵. Поместья их располагались не только непосредственно близ Дербента, но и южнее, в районе «междуречья». В 1064 г. раис (или раис раисов) Муфарридж б. Музаффар «двинулся в Мухрака (у) ал-Баба, (чтобы) оттуда направиться в поместья, лежащие «между двумя реками». Это было в июне 1064 г., а в августе того же года «раисы выступили из ал-Мухрака в К. р. к (Курак) в земли лакзов и захватили все поместья Маската и «междуречья». Более того, в этом же году раисы послали «своих гулямов, которые угнали скот дербендцев и время от времени нападали на предместья (рабад) города»²⁶.

Особое место среди раисов занимал «раис раисов» Муфарридж б. Музаффар.

Такие крупные землевладельцы, как Муфарридж б. Музаффар, были обладателями нескольких селений, имели зависимых от себя мелких феодалов, возможно, получавших от сюзерена земельные участки и принимавших активное участие в политических и военных акциях своих патронов²⁷. Когда глава раисов Муфарридж направлялся в поместье, что «между двумя реками», то вместе с ним шли раисы, гулямы и «подчиненные»; в связи с событиями 1064 г. Муфарридж упоминается вместе с «другими раисами, принадлежащими к его дому, и их гулямами»; этот же Муфарридж приказывает (именно приказывает — «амара») раису дубильщиков быть посредником между ними и амиром Мансуром б. Абд ал-Маликом; он же «разослал своих сборщиков податей (уммал) по селениям», т. е. обладает налоговым иммунитетом²⁸.

Раисы представляют собой не только большую экономическую, но и политическую силу. Они в числе ближайших советников амира (в своих действиях он советовался с «разумными людьми» (укала) и раисами; раис

²⁵ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 57.

²⁶ Там же, стр. 57.

²⁷ Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 50.

²⁸ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 74—77.

Абу-л-Фаварис был при малолетнем амире Мансуре фактическим правителем Дербента вплоть до своей смерти; в 939 г. раисы ал-Баба изгнали амира Ахмада б. Абд ал-Малика и присягнули на верность Хайсаму б. Мухаммеду, «правителю Табасарана»; раисы вместе с «народом ал-Баба» разбили в 1054 г. войска амира Мансура, изгнали его и пригласили амиром города брата Мансура — Лашкари, а впоследствии, в 1065 г., «посадили на трон эмиратства» его сына Абд ал-Малика б. Лашкари; они нередко вели себя совершенно независимо от амира, а в 1064 г., во время битвы между войсками амира и правителя Серира, «раисы со своими приверженцами держались в стороне от боя»; и, наконец, после 1065 г. раисы и их предводитель Муфарридж захватили власть в Дербенте²⁹.

Значительный интерес представляет сообщение о раисе дубильщиков. В «Истории Ширвана и Дербенда» термин этот встречается три раза³⁰: в районе Караха отряд русов и алан был разбит в 1033 г. небольшим отрядом, в составе которого был (возможно, как руководитель) раис дубильщиков ал-Хайсам б. Маймун ал-Баи (ал-Баби?); в 1064 г. раис дубильщиков Хайсам б. Маймун выступает посредником между главой раисов и амиром; третье сообщение — просто фиксация факта смерти названного раиса дубильщиков в 1075 г. Таким образом, один и тот же раис дубильщиков, вернее глава гильдии ремесленников, более 30 лет принимает активное участие в политической жизни города.

Автор «Истории Ширвана и Дербенда» упоминает и о других социальных прослойках города — айан («знатные люди»), «айан ас-сугур» («знатные люди пограничных областей»), «гази» и «гулямы»³¹. Помимо них, в городе имеется также «особая группа нотаблей, более тесно связанная с эмиром» — речь идет о категории, известной под названием «айан ас-суфуф». В. Ф. Минорский обстоятельно исследовал значение этого терми-

на и выдвинул предположение о возможности замены «айан ас-суфуф» на «айан ас-сунуф» и перевода «именитые (купцы) из (торговых) рядов»³², или же «именитые (торговцы базарных) рядов», т. е. торгово-ремесленную верхушку города. В. М. Бейлис, анализируя термин: «ахл ас-суфуф», упоминаемый Масудом ибн Намдаром, приходит к выводу, что эти «ряды» (суфуф) могли объединять ремесленников и торговцев Байлакана, как и Дербента³³.

Более точно значение этого термина трудно определить. В «Истории Ширвана и Дербенда» он встречается только два раза: в 1064 г. амир Мансур вместе со «своими товарищами и айан ас-суфуф» отогнали серирскую конницу от ворот Дербента; в 1068 г., когда Абд ал-Малик б. Лашкари расположился лагерем близ Дербента, то «все жители пограничной области вышли из города вместе с Муфарриджем б. Музаффаром и Аглабом б. Али, включая айан ас-суфуф и городских старейшин («шуйух ал-балад»)»³⁴. В обоих случаях айан ас-суфуф выступает на стороне дербентского амира.

Торгово-ростовщическая и ремесленная знать была заинтересована в сильной политической власти и, как правило, выступала на стороне правителя Дербента. По своему положению эта знать была похожа на купцов, или гостей Древней Руси, составлявших наиболее почтенную группу и находившихся под непосредственной княжеской защитой³⁵.

Представители торгово-ростовщической знати в Дербенте были многочисленны, и они занимали немаловажное место в городе даже после монгольского нашествия. Рашид ад-Дин сообщает об «уртаках и купцах» в Дербенте, которые были ограблены в 1228 г. золотоордынским отрядом³⁶. Это они были организаторами торго-

²⁹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 166—167.

³⁰ В. М. Бейлис. Из наблюдений над текстом и терминологией сборника рассказов, стихов и песен Масуда ибн Намдара (ок. 1111 г.), — «Письменные памятники Востока». Ежегодник. 1968. М., 1970, стр. 19.

³¹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 73, 78.

³² М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 154.

³³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. III. М., 1946, стр. 118.

²⁹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 6, 71—74, 76—77.

³⁰ Там же, стр. 70, 75, 79.

³¹ Подробно о положении этих категорий см.: В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 106—108; Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 50—54, 58—60.

вых караванов, «которые ходили туда и обратно» (речь идет о Золотой Орде и государстве Хулагуидов).

Рашид ад-Дин, рассказывая о дербентских купцах, употребил рядом два термина — уртаки и купцы. Как известно, уртак — это купец, ведущий торговлю в компании с другими купцами, организатор транзитной торговли, нередко и член мощных корпоративных организаций купечества. Как указывал А. Ю. Якубовский, накануне прихода монголов на т. н. мусульманском Востоке уже действовали крупные торговые компании, державшие в своих руках целые караванные линии. «Это были организации, обладавшие большими капиталами, которые вкладывались в торговлю, связанную с очень отдаленными странами вплоть до Монголии и Китая»³⁷. Дербентские уртаки и были, очевидно, подобного рода организаторами или участниками больших торговых компаний.

В Арабском халифате в эпоху Аббасидов нередко наблюдалось соединение в одном лице носителя купеческо-ростовщического капитала и землевладельца³⁸. Эта связь феодального землевладения с торгово-ростовщической деятельностью наблюдается и позже, в частности в Средней Азии и Иране в домонгольский период и при монголах. Во главе города и прилегавшей к городу сельской округи стояли знатные фамилии землевладельцев, «связанных также с верхами породского купечества и оптовой караванной торговлей» — это было обстоятельством, препятствовавшим «освобождению города из-под власти феодальных владетелей и созданию... самоуправляемых городов типа западноевропейских средневековых городов-коммун»³⁹.

Более того, то обстоятельство, что одно и то же лицо нередко выступало и как феодал, и как участник крупной оптовой торговли или как ростовщик, приводило

³⁷ А. Ю. Якубовский. Феодализм на Востоке. Л., 1932, стр. 6.

³⁸ А. Ю. Якубовский. Ирак на грани VIII—IX вв. «Труды I сессии арабистов». М.—Л., 1937, стр. 46.

³⁹ И. П. Петрушевский. Из истории внутреннего строя города в Средней Азии и Иране в эпоху монгольского владычества, стр. 34. О тесной связи феодальной знати Армении с городом см.: С. Т. Еремян. Опыт периодизации, стр. 64.

к тому, что торговля «не могла оказывать революционизирующего действия на местное производство, являясь одним из факторов его застойного характера»⁴⁰. Как писал К. Маркс, «при азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции»⁴¹.

Дербентские уртаки и купцы составляли значительную общественную силу, но их связь с правящей верхушкой города была прочной, противопоставленной той части знати, которая в меньшей степени была втянута в торговые операции международного характера, а также многочисленному ремесленному люду.

Может быть, с особым значением торгово-ростовщических слоев населения связано наличие в городе упомянутых выше «шуйух ал-баллад», т. е. «шейхов города». В тексте «айан ас-суфуф» и «шейхи города» поставлены рядом. И это не случайно. Описывая Сарай-Берке и другие восточные города, А. Ю. Якубовский заметил, что каждая общественная группа (феодалная знать, ремесленники, купцы) имела **своего** идеологического руководителя, шейха. Были шейхи, обслуживавшие специально купцов⁴². Возможно, именно о таких шейхах, наставниках дербентского купечества и ремесленников, и идет речь, когда в «Истории Ширвана и Дербенда» пишется о «шейхах города». Это единственное упоминание данной категории городского населения, но оно весьма важно для изучения городской жизни средневекового Дербента.

Будучи важнейшим торгово-ремесленным центром, крупным пунктом местной и транзитной международной торговли, Дербент был в значительной степени городом ремесленников.

В главе об экономическом развитии Дагестана в X—XIV вв. мы показали состояние развития ремесленного производства в Дербенте и дагестанских аулах. В на-

⁴⁰ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. М.—Л., 1954, стр. 42—43.

⁴¹ К. Маркс. Капитал, т. III, —К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 25, ч. II, стр. 146.

⁴² А. Ю. Якубовский. Феодализм на Востоке, стр. 27.

стоящее время почти все сведения, имеющиеся в распоряжении исследователей, рассказывают о ремесле и ремесленном производстве, а не о самих ремесленниках. «История Ширвана и Дербенда» говорит, например, только о ремесленниках-дубильщиках, ни словом не упоминая о других ремесленных профессиях. Однако состояние развития ремесленного производства само по себе говорит о наличии значительного количества профессиональных мастеров, работавших в различных отраслях ремесла: литейщики, строители, ткачи, оружейники, гончары и т. д. О социальном облике города в XI в. и о наличии многочисленного слоя ремесленников-профессионалов свидетельствуют данные обнаруженного недавно сочинения дербентского ученого Абу Бакра Мухаммеда б. Муса б. ал-Фараджа ад-Дербенди под названием «Рейхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик» («Базилик истин и сад тонкостей»), составленного в середине XI в. М.-С. Саидов, подготавливая текст рукописи к изданию, обнаружил, что среди слушателей суфийских меджлисов Дербента автор упоминает бумагоделателя (варрак), шелковод (хаззаз), рыболова (саммак), мыловара (сабуни), швея (хаййат), работорговца (наххас), лекаря (хатиб) ⁴³.

Вообще предмонгольский средневековый город был средоточием разнообразной ремесленной промышленности, где процветало металлическое производство, которое дробилось по специальностям, ткацкое производство, распадающееся на самостоятельные мастерские по выделке хлопчатобумажных, льняных, шерстяных и шелковых тканей, гончарное производство и кожевенное производство самых разнообразных видов ⁴⁴.

Потому не случайно в крупных торгово-ремесленных центрах сосредоточивалось большое число ремесленников, представляющих самые различные отрасли производства. В крупном центре производства и торгового обмена Армении X—XI вв. Ани были самостоятельные ремесленники — оружейники, медники, инструменталь-

щики, ножовщики, замочники, мастера по изготовлению доспехов, металлических наконечников стрел, церковной утвари, по обработке кожи, по производству котлов, разнообразных изделий из меди. Здесь существовали ряды кузнецов, подковщиков, седельников, ткачей льняных тканей, портных, обувщиков ⁴⁵. В азербайджанском городе Байлакане в XI—начале XII вв. упоминаются ремесленники различных профессий и мелкие торговцы — ткачи, сапожники, аптекари, красильщики, дубильщики кож, виноделы, торговцы фуражом, гончары, плотники, строители ⁴⁶.

Таков был обычный облик торгово-ремесленного центра. Таким представляется нам и облик средневекового Дербента домонгольского времени.

Сведения об организации ремесленников Дербента весьма скудны. Мы знаем только о раисе дубильщиков, что указывает на наличие объединения ремесленников одной специальности, и дает возможность предположить наличие объединений и у других представителей ремесленного производства ⁴⁷. Если учесть, что в средние века ремесло обычно соединялось с торговлей, вернее торговля не была отделена от ремесла, то можно предположить сосредоточение организаций торгово-ремесленного населения именно в торговых рядах.

Во главе ремесленных объединений стояли раисы, которые, как уже отмечалось, составляли внушительную силу. Сила раисов торгово-ремесленных корпораций состояла в том, что само объединение представляло собой не только экономическую, но и военную силу. Как в русских феодальных городах посадские сотни, будучи объединениями торгово-ремесленного населения, являлись в то же время фискальными и военными организациями, точно так же объединения дербентских ремесленников составляли в случае необходимости самостоятельную часть военной дружины города. Торгово-ремеслен-

⁴³ М.-С. Саидов. Творчество дербентского ученого XI в. Абу Бакра Мухаммеда б. Муса б. ал-Фараджа ад-Дербенди, — РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 94, лл. 5—7.

⁴⁴ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 4—5.

⁴⁵ Б. Н. Аракелян. Развитие ремесла и товарного производства в Армении в IX—XIII вв., — СА, XXVI, 1956, стр. 120—121, 146.

⁴⁶ В. М. Бейлис. Указ. соч., стр. 19.

⁴⁷ Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 51.

ный люд, иначе торговец и ремесленник, становился воином. Поэтому раиса дубильщиков ал-Хайсама мы видим в составе отряда, посланного из Дербента в район Караха в 1033 г. для борьбы с прорвавшимися туда русами и аланами.

В X—XI вв. в Дербенте, раздираемом противоречиями между земельной аристократией во главе с раисами и амиром, поддержанным торгово-ремесленным населением, имелись самостоятельные военные отряды как у земельной аристократии, так и у амира в составе айан ас-суфуф, ремесленников и газнев. Это продолжалось до тех пор пока землевладельческая знать в середине XI в. не одержала не без помощи ширваншахов и сельджуков победу над амиром и торгово-ремесленным населением города.

До сих пор мы писали о городских ремесленниках и их положении. Однако основное число ремесленников жило в деревне, и их деятельность была связана с удовлетворением запросов местного населения, рынок сбыта их изделий был сравнительно узок. Обычно крупный аул имел своего кузнеца, который обеспечивал весь аул и соседей сельскохозяйственным инвентарем. Кузнечное дело было одним из распространенных видов ремесленного производства.

Особо важное место среди сельских ремесленников занимали строители зданий. По всей вероятности, строители выделились в самостоятельную группу ремесленников, причем обычно каменщик и строитель зданий совмещались в одном лице. По данным эпиграфики, выше уже было показано, что в X—XIV вв. в Дагестане широко развернулась строительная деятельность, а профессиональные звания указывают на наличие строителей-профессионалов, устатов, имевших своих учеников. Сам характер работы средневековых строителей, значительный объем каменных работ, требующий высокой квалификации, предполагает наличие определенных, хотя и немногочисленных объединений строителей, включавших мастера и его помощников. Мастера-строители были наиболее подвижной частью ремесленников, обслуживали сравнительно большую территорию, выходящую нередко за рамки отдельных государственных единиц.

Производство гончарных изделий в большинстве случаев не выделилось в отдельную отрасль ремесла, но

в ряде аулов (Испик, Балхар, Сулевкент) было налажено массовое производство керамических изделий, и это позволяет предположить наличие в ряде аулов гончаров, занятых только в этом виде ремесла.

В ремесленную профессию давно выделилось оружейное дело. Изготовители панцирей и кольчуг, мечей и других видов вооружения выступали как профессионалы. Ремесло медников (саффар) известно уже по надписям. Специализация ремесла прогрессировала со временем, и мы уже в союзах сельских обществ встречаем мастеров-профессионалов. В «Гидатлинских адатах» упоминаются кузнецы, плотники, шорники, мельники.

Нам ничего не известно о положении сельских ремесленников, об их отношении к феодальному правителю, о месте ремесленника в сельской общине, о податях, которые он должен был внести. Скорее всего, ремесленники были лично свободны, в меньшей степени испытывали феодальный гнет по сравнению с зависимым крестьянством.

§ 4. КАЙТАКСКИЙ УЦМИЙ. БЕКИ

Верховным правителем Кайтака и самым крупным феодалом был уцмий. Само слово уцмий местная традиция связывает с арабским словом «исм» («имя»), откуда и перевод — «именитый». Все версии о происхождении должности и названия уцмий кратко резюмировал Е. И. Козубский: «Владелец Кайтага, поставленный арабами, носил титул исми (именитый), откуда — уцмий»⁴⁸. Иное толкование термину уцмий дает Б. Г. Малачиханов. Он выводит термин из «иудейского слова «оцум» (множ. ч. — ацацим), означающего «сильный, мощный»⁴⁹.

Ни одно из перечисленных мнений не подтверждается документально. Арабские авторы IX—X вв., писавшие о Дагестане, не знают термина уцмий. Не знает его

⁴⁸ Е. И. Козубский. Дагестанский сборник, вып. I, отд. II, Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 16.

⁴⁹ Б. Малачиханов. К вопросу о хазарском Семендере, стр. 179.

местный автор, составитель «Истории Ширвана и Дербенда». Даже надпись, палеографически относящаяся ко времени не позднее XIII в. и обнаруженная в Кала-Корейше на могиле местного правителя, просто пишет о «владетеле (сахиб) Кала-Корейша», и здесь к нему не применен термин уцмий⁵⁰. «Тарих Дагестан», относящийся в основном к XII—XIV вв., правителя Кайтака также не называет уцмием, он носит титул султана («амир их вилайата, султан по имени Газанфар ал-Гаррар»). Только в хронике Махмуда Хиналугского, датированной 861/1456—1455 г., в связи с событиями последней четверти XIV в. впервые упоминается кайтакский правитель с титулом уцмий—это Султан Мухаммед-хан уцмий⁵¹.

Таким образом, наиболее раннее и достоверное письменное сообщение об уцмиях относится к XIV в. Однако отсутствие письменных сообщений еще не означает отсутствия самого термина, обозначавшего должность кайтакского правителя. Нам просто до сих пор не известно, как называли местных правителей раннефеодальных образований до прихода арабов, но наиболее вероятно кажется то, что уцмий — местное название феодального владетеля, впоследствии связанного семантически с арабским языком.

Власть уцмий была наследственной и переходила по традиции к старшему сыну. В хронике, посвященной истории кайтакских уцмиев в XIV—XV вв., указывается, что после смерти уцмий Султана Мухаммед-хана в конце XIV в. «по причине того, что Бек-Киши-хан по возрасту был старше, население и область кайтаков подчинялась последнему»⁵². Однако в XIV в. сепаратистские тенденции были настолько сильны, что обычай этот при первой же возможности не соблюдался. После смерти уцмий Султана Мухаммед-хана между двумя сыновьями его начались «из-за государства споры и раздоры... Ахмед-бек со множеством войска выступил против своего брата, сразился с ним, и Бек-Киши-хан, не будучи

в силах одолеть его, отступил, отправился к своему дяде валию Дагестана Шамхалу, и спросив от него помощь, собрав множество войска, напал на своего брата Ахмед-бека»⁵³.

На следующей ступеньке феодальной лестницы вслед за уцмиями стояли беки, члены уцмийского дома. Это были богатые и влиятельные феодалы, владевшие значительными земельными участками. Об Ахмед-беке, сыне уцмий Султан-Ахмед-хана, написано, что он «бросил свои имущества, владения, земли, убежал из столицы Кайтака-города Курейша»⁵⁴. Другой список историй кайтакских уцмиев также подчеркивает богатство Ахмед-бека: ширванский правитель Ибрахим Дербенди (в тексте — Кершасиб) сообщает Тимуру, что сын уцмий «со всею прислугою и невольниками явился ко мне, а его имущество, достояние и земля остались в руках его братьев»⁵⁵.

Беки нередко увеличивали свои земли за счет покупки мульковых земель и приобретали таким образом все большую самостоятельность от центральной власти. Когда сын уцмий Султан-Мухаммед-хана Эльча прибыл в Ширван, то правитель Ширвана «почтил его и дал для его содержания Акдашский магал», но «эмир Эльча пожелал остаться в деревне, называемой Салар-Архи; он купил ее со всею землею и постройками от владельцев, называвшихся Тадж-Ахмед, Нур-Али, Сали, Яргули, Мухаммед-Хусейн и прочих жителей деревни»⁵⁶.

Беки находились в вассальной зависимости от уцмий и в случае необходимости являлись к уцмию во главе ополчения. Землей беки владели наследственно. Учитывая особо проявившиеся в XIV в. сепаратистские тенденции кайтакских беков, можно предположить, что на своих землях беки пользовались налоговым и административным иммунитетом.

К классу феодалов относились также чанка-беки и чанки. Чанка-беками назывались рожденные от неравного брака, «т. е. у которых мать была не чистокровная

⁵⁰ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 111, 193.

⁵¹ АКАК, II, 174.

⁵² История происхождения рода уцмиев и кайтакских беков, — ФФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 286, л. 55.

⁵³ История происхождения рода уцмиев и кайтакских беков. ФФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 286, л. 55.

⁵⁴ Там же, стр. 56.

⁵⁵ АКАК, II, 1075.

⁵⁶ Там же, стр. 1074.

бике». За исключением меньшей доли наследства из недвижимого имущества отца, во всем остальном чанка-беки не отличались от «чистокровных беков». Если чанка-беки «имели мать из рода знатного, но не владельческого», то чанками «считались дети от каравашки, райята и узденя»⁵⁷. Правда, в источниках, относящихся к X—XV вв., нам нигде не удалось обнаружить упоминаний о чанка-беках и чанках, а указанные выше сведения о них взяты из более поздних источников. Однако можно предположить, что к XV в. в ущийстве мурганатические браки практиковались, ибо в XVI в. в процессе дальнейшего оформления феодальной иерархии уже возникла необходимость выделить в особую группу родившихся от такого брака. А. Бакиханов сообщает, что кайтакский ущий Султан Ахмед (ум. в 1588 г.) «увековечил свою память» тем, что «определил разницу между словами эмир и чанка. Сын эмира, рожденный от матери, равной по званию отцу, должен называться эмиром, а в противном случае джанка. Весь Дагестан принял это определение»⁵⁸.

§ 5. ГАЗИКУМУХСКИЙ ШАМХАЛ И КРЫМ-ШАМХАЛ

Во главе Газикумухского шамхальства стоял шамхал. Вопрос о происхождении термина шамхал также породил самые различные мнения⁵⁹. Традиционным является мнение о том, что в этом термине объединены два слова — страна Шам (Сирия) и селение Хал в Сирии. Это мнение хорошо передал Мухаммед Рафи в своем «Тарих Дагестане»: после 200 г. хиджры, т. е. после 815—816 гг., потомки дядей пророка Мухаммеда—Хамзы и Аббаса начали религиозные войны за пределами Аравийского полуострова. Некоторые из них попали в Дагестан и назначили здесь «амиром и вали» одного из потомков Хамзы, «...имя его было Шамхал, названный в начале их переселения по имени деда, который родил-

⁵⁷ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана, стр. 226.

⁵⁸ А.-К. Бакиханов. Указ. соч., стр. 88—89.

⁵⁹ Р. Г. Маршаев. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов, — УЗ ИИЯЛ, т. IV, 1968, стр. 168.

ся в сирийском городе Хал — как это принято называть новорожденного по месту рождения... И с тех пор стало обычаем называть именем Шамхал того, кто правит и назначен над жителями этой области»⁶⁰. По данным «Дербенд наме», арабский полководец Маслама назначил в 115/733—734 г. правителем в Кумухе Шахбала, откуда и возник впоследствии термин шамхал⁶¹. Один из списков «Тарих Дагестана» происхождение титула связывает с арабами, но событие это относит ко времени после 500 г. хиджры, т. е. после 1107 г.⁶². Опираясь на это последнее сообщение, Р. Г. Маршаев выдвинул версию о том, что в слове шамхал следует видеть сочетание арабского Шам и лакского аффикса «хъал», который «является показателем принадлежности лица к определенному роду, племени и месту»⁶³.

При всех частностях перечисленные выше мнения связаны с признанием арабского происхождения шамхалов. Б. Г. Малачиханов, отмечая местный характер термина шамхал (как и нуцал, и ущий), возводит его тем не менее к арабскому слову шейх (мн. ч.—шуйх)⁶⁴. Р. М. Магомедов и Х.-М. О. Хашаев отмечают местное, доарабское происхождение термина шамхал⁶⁵.

В. В. Бартольд обратил внимание на то обстоятельство, что титул правителя Газикумуха в ранних русских источниках появляется в той же форме, что и у историкографа Тимура Шараф ад-Дина Йезди (шевкал или шавкал) и что «очевидно, русские или персы не могли независимо друг от друга исказить «шамхал» в «шавкал»; вероятнее всего, это изменение было попыткой приписать слову арабскую этимологию»⁶⁶. Кумыки про-

⁶⁰ Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан».

⁶¹ Derberd-Nameh, 545.

⁶² Али Каяев. Материалы по истории лаков, стр. 263, 265.

⁶³ Р. Г. Маршаев. Указ. соч., стр. 168.

⁶⁴ Б. Малачиханов. Указ. соч., стр. 185.

⁶⁵ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 144—145; его же.

История Дагестана, стр. 81; Х.-М. Хашаев. Указ. соч., стр. 158.

⁶⁶ В. В. Бартольд. Дагестан. Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 412. О титулах ущий, майсум и шамхал В. В. Бартольд писал, что они «были произведены из арабского языка книжным путем». — В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 755.

износят этот термин как «шаухал» и, возможно, Шараф ад-Дин Йезди и русские источники передают именно эту кумыкскую форму (у Йезди — шавкал, шавхал).

Наиболее правильным кажется мнение о местном происхождении титула шамхал (как и титулов майсум и нуцал), возможно, доарабском. Местное происхождение этих титулов вытекает также из учета того, что, во-первых, они нигде в другом месте, кроме Дагестана, неизвестны, а, во-вторых, принятая в Дагестане иноземная социальная терминология дошла до нас в неизменном виде (бек, хан, амир, султан, вали, хаким, нукер, мюррид, букавул и т. д.).

Шамхал был одним из крупных земельных собственников. Выше уже указывалось, что в XIV в. в собственности шамхала находились на правах мулька некоторые лакские земли и ряд других селений. Исключительное положение шамхала среди других дагестанских владельцев подчеркивается тем, что в ряде источников, начиная с XV в., он назван не просто шамхалом газикумухским, а вали Дагестана, хотя правителем Дагестана он никогда не был. Во время военных действий шамхал принимал на себя общее командование всеми отрядами ополченцев, прибывших из различных частей государства.

Вторым после шамхала лицом в Газикумухском шамхальстве выступает его наследник, известный под названием крым-шамхал. Титул шамхальского наследника впервые в дагестанской литературе мы встречаем в «Тарих Дагестане». В различных списках этой хроники обычно применяется термин гирим-шамхал, редко — чирим, очень редко (список, которым пользовался А. Бакханов) — хириб-шамхал. Термин же крым-шамхал в арабской литературе не встречается. Наиболее раннее употребление титула крым-шевкал в русской дипломатической переписке относится ко времени русских царей Федора Иоановича и Бориса Годунова⁶⁷.

Титул шамхальского наследника в дореволюционной историографии воспринимался как «ярим-шамхал» с соответствующим переводом «половина-шамхал», т. е.

будущий шамхал, наследник⁶⁸. Однако наиболее точное объяснение слова дал Б. Г. Малачиханов, заметивший, что «старинная транскрипция слова в виде хьириб, что по-лакски означает «после», дает понятие будущий шамхал»⁶⁹. Одна из арабских рукописей (отрывок «Тарих Дагестана») хорошо подтверждает его мнение. В этой рукописи⁷⁰ неоднократно шамхальский наследник назван хириб-шамхалом: «...это относительно того, что полагается шамхалу со стороны раййатов ежегодно и что следует с гор: общество Караха обязано вносить 500 овец шамхалу, а 400—хириб-шамхалу; точно так же общество Большое Кусрахи обязано шамхалу 300 овец, а хириб-шамхалу—400 овец».

К сословию феодалов на территории шамхальства (вернее на части его — кумыкских землях) принадлежали сала-уздени (по русским источникам — первостепенные уздени), древняя ветвь местной феодальной знати⁷¹, но, к сожалению, для X—XIV вв. мы никакими сведениями о них, как и о чанка и чанка-беках, не располагаем.

О правящей верхушке шамхальства интересные сведения дают историографы Тимура Низам ад-Дин Шами и Шараф ад-Дин Йезди. Оба автора рассказывают о походе Тимура в Дагестан в 1396 г., об убийстве предводителя войск Газикумуха Шаукала, после чего оставшая знать шамхальства приходит к Тимуру с изъявлением покорности и «признанием своей вины». Согласно Шами, к Тимуру прибыли «эмиры газикумухов, ходжи и вельможи», а Йезди дает чуть иную редакцию: «...в это время пришли старшины (калантары) казикумухские и аухарские вместе с тамошними кадиями и вельможами (акабир)»⁷². Амиры, упоминаемые в тексте, это представители шамхальского дома, стоявшие, очевидно, во главе

68 Р. Г. Маршаев. Указ. соч., стр. 169.

69 Б. Малачиханов. Указ. соч., стр. 182.

70 Рукопись хранится у жителя селения Сагада Г. Алиева. Переписана нами в 1962 г.

71 С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 109; Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана, стр. 174.

72 В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, стр. 124, 186.

67 Р. Г. Маршаев. Указ. соч., стр. 169.

отдельных отрядов шамхальского войска. Это наиболее влиятельная и самостоятельная часть феодальной верхушки после шамхала и крым-шамхала, точнее — беки, хотя этот термин и не употреблен. Представители духовенства названы казиями (или ходжи), а «вельможи» (акабир) — это, по всей вероятности, представители богатой сельской верхушки. Слово калантар означает обычно старшину или старосту, потому оно переведено словом старшина. Однако в данном конкретном случае старшины — не самая точная передача значения термина калантар. Дело в том, что у Йезди «калантар» соответствует «эмирам» у Шами, т. е. предводителям отдельных отрядов шамхальского войска, обычно — бекам. Поэтому под калантарами следует понимать предводителей отдельных отрядов аварского и кумухского войска.

§ 6. ВЛАСТЬ НУЦАЛА В АВАРИИ

Феодальным правителем Аварии был нуцал. Это единственный титул феодального правителя в Дагестане, которому не приписывается арабское происхождение. Наиболее раннее известие о нуцалах мы встречаем в «Тарих Дагестане», вернее в старой хронике, вошедшей в состав «Тарих Дагестана». Согласно этой хронике, «правителем (малик) в городе области Авар, называемом Танус, — а он сильнейший из городов Дагестана своей мощью, источник неверных, — был неверный, сильный, тиран, негодный, носитель зла, насилия и несчастья, по имени Сурака, по прозвищу нуцал. Это их обычай давать такое прозвище и обозначать этим именем своего правителя».

Арабским авторам, писавшим о Дагестане, царский титул нуцал неизвестен. Ал-Масуди писал о том, что царь Серира «зывается филаншах, причем филан (килан?)-шах — имя всех царей Серира». Кроме того; царь Серира обычно называется «владетелем трона» (сахиб ас-Серир). Как сообщает персидский источник XIII в., царь Серира древнего происхождения и правление его связано с определенным ритуалом: «Их падишах древнего рода и щедрый... Есть обычай, что в день Нового года (падишах) идет туда, где находится престол, са-

дится на него, дает обещания, заключает договоры, приносит обеты и (затем) возвращается»⁷³.

Правитель Серира обладал сильной властью и имел при себе значительное привилегированное сословие — ближайшее феодальное окружение. Он имел, по словам Гардизи (середина XI в.), два трона, на золотом он сидел сам, а на серебряном — его придворные (наджиман)⁷⁴. Значительной опорой царя являлась прежде всего военно-служилая знать. Опираясь на дружину, правитель устанавливает сильную власть в государстве. Ибн Русте писал, что «царю принадлежит 20 тысяч долин (шиб), населенных людьми разного рода (сунуф)»⁷⁵. «У него было 12 тысяч селений, из которых он набирал столько слуг (или рабов—йастабиду), сколько желал», — писал в X в. ал-Масуди.

Местная хроника, условно названная «Хроникой аула Ихран», называет местных правителей (вернее правителей Аркаса, части бывшего Серира) амирами и раисами, а сельскую феодализирующую верхушку — «умными» (укала)⁷⁶.

На основе изучения письменного и полевого материала Р. М. Магомедов приходит к выводу о широком бытовании института бекства в средневековой Аварии. «Беками называлась у аваров верхушка класса феодалов после нуцала. Образование института бекства относится к периоду возникновения в Аварии феодальных отношений. Первые беки вышли из среды патриархальной знати. В последующем беками становились и дети нуцала, не ставшие ханами. Бекское землевладение слагалось из земель, полученных по назру, и земель, захваченных у общинников»⁷⁷. Можно только предположить, что термины бек и раис идентичны по своему значению.

⁷³ Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке, стр. 205—206.

⁷⁴ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, — «Записки Императорской Академии наук, VIII серия, ист.-филол. отдел, т. I, № 4, стр. 124.

⁷⁵ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 219; ВГА, VII, 147.

⁷⁶ К истории Дагестана. Запись Инкачилау, — РФ ИИЯЛ, ф. 7, оп. 7, л. 378, л. 4-б.

⁷⁷ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 104.

§ 7. ВЛАСТЬ МАЙСУМА В ТАБАСАРАНЕ

Согласно местным историческим хроникам, правители Табасарана носили еще в VIII в. титул майсум. В хрониках указывается, что в середине VIII в. арабский полководец Абу Муслим подчинил себе весь Дагестан, назначил правителей в различные области, причем в Табасаран был назначен один из бывших старейшин — Мухаммед, известный под именем Майсум. В результате всех правителей Табасарана стали называть майсумами⁷⁸. Та же традиция связывает с именем Абу Муслима появление в Табасаране второго по значению правителя — кади: вместе с Майсумом в Табасаран в целях религиозной пропаганды было назначено два кади. Впоследствии правитель Табасарана получил титул кади⁷⁹. Местная традиция старается также объяснить происхождение самостоятельной власти кади: «...от сих же кадиев происходит кадий табасаранский, пользуясь выгодными местами своими и соединясь родством, хотя побочной линии, с уцмием каракайдакским, составил себе особливое, от майсума не зависящее владение»⁸⁰. Легенда о кади, обладавшем еще в VIII в. одинаковыми с майсумом полномочиями, возникла, как нам кажется, гораздо позже, в целях удревнения власти табасаранского кади, действительно усилившейся в XVI или XVII вв. По арабским источникам мы видим, что вплоть до середины XI в. Табасараном управлял один правитель, который в IX—XI вв. связан с арабами по происхождению. В середине же XII в. мы видим Табасаран уже распавшимся на несколько независимых владений, рустаков, о которых впервые сообщил нам Абу Хамид ал-Гарнати. Феодалные правители рустаков названы в тексте сархангами и сравниваются с амирами. К сожалению, о дальнейшей судьбе сархангов и их мелких уделов мы не имеем никаких сведений: В XV в. можно

⁷⁸ Г. Алкадарн. Асари Дагестан, стр. 104.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Ф. Ф. Симонович. Описание Южного Дагестана, 1796, — в кн.: «История, география и этнография Дагестана». XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под редакцией М. О. Косвена и Х.-М. О. Хашаева. М., 1958, стр. 154.

полагать, в Табасаране имеется централизованное государство, и этот факт может лишь косвенно указать, что сарханги, постепенно теряя свое независимое положение, признали центральную власть.

§ 8. ВОЕННО-СЛУЖИЛАЯ ЗНАТЬ

В процессе дальнейшего роста имущественной и социальной дифференциации дагестанского общества огромную роль играла военно-служилая знать. Социальное и политическое значение дружины растет вместе с ростом силы и могущества феодального правителя, вернее его могущество во многом основано на поддержке дружины, участницы многочисленных походов. Если «грабительские войны усиливают власть верховного начальника, равно как и подчиненных начальников»⁸¹, то все это делается при помощи дружины.

Археологический материал зафиксировал особое положение дружинников. В Агачкалинском могильнике (VI—X вв.) обнаружены захоронения коней перед склепами и большое количество конского снаряжения и оружия (наконечники копий и стрел, сабли) — свидетельство того, что это было захоронение конных воинов, представителей «боевой дружины раннефеодального облика»⁸². Шлемы, найденные в Бейтинском могильнике (VIII—X вв.), также принадлежали членам дружины⁸³. Ибн Русте (X в.) в своем описании похоронного обряда в Серире пишет о жителях города, которые «садутся на коней и облачаются в панцири (джаушан) и кольчуги. Они едут на край названного места и оттуда со своими копьями устремляются на мертвое тело, лежащее на носилках»⁸⁴. Это первое описание дружины в раннефеодальном Серире.

⁸¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, стр. 164.

⁸² К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана, — КС ИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 113, 117.

⁸³ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, стр. 177.

⁸⁴ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 216; ВГА, VII, 147.

В источниках («Худуд ал-алам», «История Ширвана и Дербенда») военно-служилая знать представлена под различными терминами — это сипехсалары (военачальники), жившие в городе Хандан⁸⁵, это тарханы и батрики — начальники серирского войска, это райсы, неоднократно выступавшие против Ширвана по воле правителя Серира. Среди представителей военно-служилой знати наиболее значительное место занимала многочисленная прослойка, близкая к царю — это райсы. Автор «Истории Ширвана и Дербенда» пишет: в 968 г. серирцы вступили в Ширван, а «на обратном пути жители Серира вошли в ал-Баб раньше амира на один день. В Бабе начались смуты. И было убито 100 райсов жителей Серира»⁸⁶. Как видим из текста, эти райсы участвовали в военных акциях и были, вероятнее всего, предводителями отдельных отрядов серирского войска.

По данным «Истории Ширвана и Дербенда» тарханы и батрики, принимавшие участие в военных акциях, предпринимавших правителем Серира, также выступали в роли военачальников⁸⁷. Характерно, что оба термина не местного происхождения. В. Ф. Минорский склонен видеть в батриках («патриции») христианских подданных правителя Серира. Что касается термина тархан, то В. Ф. Минорский видит в нем отражение соседства Аварии с Хазарским каганатом: «...владелец трона успешно нападал на хазар и мог использовать пленных и наемников для своих экспедиций; термин тархан («свободный от налогов») мог применяться к их начальникам»⁸⁸.

В названном сочинении оба термина встречаются по одному разу, и это лишает нас возможности более конкретно судить о социальном положении тарханов и батриков в Серире в XI в. Нет также и сравнительного материала, так как в других дагестанских владениях указанные социальные категории не зафиксированы для X—XIV вв. Если под «ста райсами жителей Серира», убитыми в 968 г. понимать также и военачальников

⁸⁵ Hudud al-alam, 161.

⁸⁶ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 9 (араб. текст).

⁸⁷ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 73; Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 68.

⁸⁸ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 73.

— батриков и тарханов, то последние выступают в качестве предводителей не очень больших военных отрядов, десятков или сотен. Это средние чины феодального ополчения.

Обнаруженные недавно в сел. Хнов Ахтынского р-на арабские надписи XIV—XV вв.⁸⁹ впервые в дагестанской эпиграфике зафиксировали сословие всадников — основное ядро дружины в раннефеодальном обществе. Изучение этих надписей-эпитафий показывает, что всадники составляли влиятельную общественную группу и представляли собой привилегированную категорию хновского общества. Отряд всадников возглавлял «глава всадников» («ра'с ал-фурсан»), достоинство которого подчеркнута также термином «звезда войск» («наджм ал-асакир»). Амиры также становились всадниками («амир Сейф ад-Дин ...искусный всадник»), но не в качестве «главы всадников». Все трое юношей-всадников, которым посвящены эпитафии, погибли, очевидно, за пределами аула, во время похода. Весьма примечательны элементы панегирика («юноша красивый, прекрасный, разумный», «юноша красивый, сильный, щедрый») по адресу этих всадников, что в какой-то степени перекликается с текстом надписи из шамхальского кладбища в Кумухе («юноша прекрасный, благородный, самый щедрый, славнейший, получивший прощение, счастливый, мученик, убитый в сражении с неверными (области) Черкес Мухаммед, сын Амал Мухаммеда» — 1552—1553 г.)⁹⁰.

* * *

Изложенный выше материал показывает, что в X—XIV вв. четко противостоят друг другу основные классы феодального общества — феодалы различных оттенков и эксплуатируемые слои населения, прежде всего крестьяне.

На вершине феодальной лестницы в дагестанских владениях стояли нуцалы, позже — ханы (Авария), уц-

⁸⁹ Подробно: А. Р. Шихсаидов. Надписи из Хнова, — сб. «Древности Дагестана». Махачкала, 1974, стр. 262—276.

⁹⁰ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 149.

мии (Кайтак), шамхалы (Гази-Кумух), амиры, хакимы и наибы (Дербент), майсумы (Табасаран), малики (Лакз), султаны (Цахур). Они были первыми феодалами в своем государстве, собственниками пастбищных участков и пахотных земель, владельцами большого числа скота. Являясь верховными правителями, они установили наследственную власть. За феодальными правителями следовали по своему положению и экономическому состоянию беки — обычно близкие потомки феодального правителя и другие представители правящего дома. Вслед за ними класс феодалов представляли владельцы поместий или мелких вотчин, военно-служилая знать, державшая значительное количество земельных участков, верхушка духовенства и феодализирующаяся верхушка деревни («умные люди», «старейшины» и т. д.).

§ 9. ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО АУЛА И ГОРОДА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР. СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА

Правящая верхушка дагестанских феодальных владений резко противопоставляет себя массе непосредственных производителей. Она окончательно отделилась от массы крестьянского и ремесленного населения, создав своеобразную недоступную касту. Правитель Серира обосновался в огромной крепости, где имелся «очень большой трон из красного золота»⁹¹. Крепость «стоит на вершине горы, которая имеет площадь 4×4 фарсаха и окружена каменной стеной»⁹².

Дербентский правитель также обосновался в цитадели, а райсы, окружавшие его, построили «срединную стену», которая должна была слить их с цитаделью, отделив от «черни». Ремесленный люд, горожане вообще жили за пределами «срединной стены».

Топография Дербента в XI в. прослеживается по данным «Истории Ширвана и Дербенда», где более четко, чем в произведениях арабских авторов, противопоставляются друг другу цитадель, собственно город (балад) и предместье (рабад). В цитадели, как правило,

обосновались правители города со своей вооруженной силой, а собственно город, балад, находился в руках райсов. Когда в 1068 г. регулярные сельджукские войска во главе с Сау-Тегином ворвались в Дагестан, то сначала они отняли цитадель у ширваншаха, а затем, после разрушения «срединной стены», «город (балад) был отобран у райсов»⁹³. В том же 1068 г., когда «народ города ал-Баба» отказался читать хутбу от имени ширваншаха, т. е. перестал признавать его сына своим правителем, то этот правитель (Афридун) укрепился в цитадели и держался там до тех пор, пока жители были вынуждены снова признать ширваншаха⁹⁴. Что касается рабада, то он упомянут только один раз, в связи с событиями 1064 г.⁹⁵.

В «Истории Ширвана и Дербенда» около 20 раз встречается термин сагр. Это слово, переданное везде как «пограничная область», несет в изучаемом тексте различную смысловую нагрузку по части охватываемой территории. Редко он означает земли, соседние городу и независимые от него («среди народов неверных в пограничных областях (сугур) ал-Баба злейшим (врагом) мусульман был народ Шандана») ⁹⁶. Во многих случаях сагр означает прилегающие к городу земли, подчиненные ему (в 990 г., когда гиланский проповедник Тузи пригласил в Дербент ширваншаха, последний «прибыл в сагр и встретили его знать города (айан ал-балад) и его райсы... и они ввели его в сагр с особенными почестями») ⁹⁷. Иногда сагр упоминается отдельно от самого города (в 1068 г. хутба читалась «с кафедр (мечетей) пограничной области и ал-Баба»⁹⁸; в 867 г. «жители ал-Баба и гази пограничных областей (сугур) собрались и сделали Хашима своим эмиром») ⁹⁹. Нередко под сагром понимается и сам город с прилегающими землями, а также его периферия (в 1054 г. амир Мансур бежал

⁹³ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 77.

⁹⁴ Там же, стр. 61—62.

⁹⁵ Там же, стр. 74.

⁹⁶ Там же, стр. 6 (араб. текст). В другом месте соседние Дербенту земли названы «атраф».

⁹⁷ Там же, стр. 22 (араб. текст).

⁹⁸ Там же, стр. 78.

⁹⁹ Там же, стр. 65.

⁹¹ Худуд ал-алам. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930, стр. 31; Hudud al-alam, 161.

⁹² В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 219; BGA, VII, 147.

ив ал-Баба, а затем «подступил к вратам (рубежу) сагра. Раисы и знатные люди вышли из города, и ожесточенная битва произошла у Палестинских ворот»; в 1064 г., когда раис Муфарридж блокировал сагр, то Мансур вынужден был пустить Муфарриджа в город; в следующем году раисы прибыли в сагр, «разграбили правительственное здание», а гулямы разграбили город; в том же году Муфарридж пригласил в город Мамлана б. Иазиды, который затем был разбит в Шабиране, последи чего Мамлан вернулся в сагр, но вскоре «город был сдан ширваншаху»¹⁰⁰; в 1068 г. низложенный ширваншахом дербентский амир Абд ал-Малик подступил к городу и расположился лагерем вне города на «Холме всадников», тогда «вышли все жители сагра», провозгласили Абд ал-Малика своим правителем, «затем они привезли его в сагр и поместили в военном лагере около ворот цитадели»¹⁰¹.

Когда речь идет о всех землях, подвластных Дербенту, автор применяет иные термины — савад, амал, противопоставляя их сагру (в 1065 г. Муфарридж двинулся из Серира на Д. хн. к, что в округе ал-Баба (мин амал ал-Баб), «знать сагров и раисы вышли, чтобы заключить с ним мир»; в 1068 г., когда в ходе борьбы между ширваншахом и правителем Аррана хутба в саграх и ал-Бабе читалась от имени то одного, то другого правителя, то «от этой борьбы большая часть округи (савад) ал-Баба оказалась разрушенной»¹⁰².

Стало быть, термин сагр в ряде случаев полностью может быть отнесен к компонентам города, трехчастное деление которого сближало его со многими городами Ближнего Востока, Средней Азии, Закавказья, Восточной Европы¹⁰³.

Трехчастная структура была присуща и Аркасскому городищу (X—XIV вв.), изученному Д. М. Атаевым. Раз-

¹⁰⁰ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 73, 75—77.

¹⁰¹ Там же, стр. 28 (араб. текст).

¹⁰² Там же, стр. 27 (араб. текст), 78.

¹⁰³ В научной литературе три части Дербента впервые, кажется, отметил Ю. Клапрот, писавший о существовании цитадели, среднего и нижнего города (J. Klapproth. Geographisch-historische Beschreibung des östlichen Kaukasus. Weimar, 1814, S. 173.

валины Аркаса расположены близ современного селения Аркас (Буйнакский р-н). Цитадель Аркаса располагалась на самой вершине плато, занимая площадь примерно 60×80 м. Ниже цитадели было расположено городище, со стороны которого цитадель ограждает длинная стена. За оборонительной стеной, ограждающей город, шел посад, занимавший значительную территорию (26 га)¹⁰⁴.

О цитадели Аркаса сохранилось известие в одной из дагестанских исторических хроник. Хроника описывает события середины XIII в. и рассказывает о трагических днях Аркаса: «Затем захватили (мусульмане) Хадар в тот же день и бежали кяфиры, пока не достигли своих мест. Затем в течение недели шла война в Хиркасе (Аркасе), вследствие чего было захвачено это селение, в то время как оставался один квартал в верхней части селения, где обосновались раисы и амиры их по имени Таватил и Арнахурал. И не могли мусульмане захватить этот укрепленный квартал в течение двух месяцев. Затем они захватили (этот квартал)... и убили всех, кто был в нем, исключая тех, кто принял ислам»¹⁰⁵.

Сдвиги в социальной жизни дагестанского общества нашли также отражение в топографии средневекового дагестанского аула, во взаимоотношениях кварталов и живущих в них тухумов. Совпадение названий квартала и тухума в нем, т. е. отголосок того времени, когда при образовании нового селения каждый тухум занимал отдельный квартал, сохранилось в современной топографии ряда дагестанских аулов. Правда, таких аулов сохранилось немного. Обычно топография аулов показывает, как постепенно тухумный принцип расселения заменялся территориально-тухумным, когда в одном квартале обосновывается несколько тухумов или же представители одного, некогда компактного тухума живут в различных кварталах.

Дробление больших тухумов шло не только в рамках

¹⁰⁴ Д. М. Атаев. Аркасское городище — памятник ранне-средневекового Дагестана, стр. 11—16.

¹⁰⁵ К истории Дагестана. Запись Инкачилау, — РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 378, л. 46. Хроника переписана Инкачилау в 1925 г. в сел. Аракань, автор и владелец рукописи не указаны.

одного аула. И. П. Петрушевский, изучая союзы сельских общин Джаро-Белокана, установил, что «во многих селениях тухумы носили одни и те же названия; возможно, в этих селениях поселились выходцы из одних и тех же раздробившихся тухумов»¹⁰⁶. Дагестанская ономастика дает много данных, подтверждающих это мнение: тухум Будухъар имеется и в Курахе, и в Даркуше; представители тухума Херчил живут в Гагатле, Анди, Анчике, Руквани, а тухум Абичал — в трех селениях — Гагатль, Анди, Риквани; тухум Шамхал известен в Риквани и Гагатле. В ряде случаев в названиях кварталов невозможно уловить черты «тухумной организации», ибо названия кварталов отражают не названия тухума и топографию (верхний, средний, нижний кварталы), род занятий («кузнечный»), социальный или этнический элемент («рабы», «лакцы» и т. д.), названия других аулов, жители которых переселились на новое место.

В настоящее время мы не в состоянии подробно проследить на дагестанском материале одну из важнейших проблем истории феодальных отношений — расслоение общины, выделение внутри нее различных социальных групп, превращение части или большинства ее членов в феодально-зависимых крестьян, т. е. становление системы феодальных производственных отношений и возникновение крестьянства как класса.

Это в значительной степени затрудняет характеристику крестьянства, его положения, его взаимоотношений с классом феодалов, борьбы крестьян против усиления феодального гнета.

Одним из путей дальнейшего развития феодальных отношений было присвоение общинных земель, превращение общинника в феодально-зависимого крестьянина. Рост феодального землевладения шел также за счет земель мелких собственников крестьянского типа. Пока еще представляется трудным, порой невозможным, проследить и иные пути роста частнофеодального землевладения — за счет государственных земель, перераспреде-

¹⁰⁶ И. П. Петрушевский. Джаро-белоканские вольные общества в первой трети XIX в. Тифлис, 1934, стр. 32.

ления земельного фонда, покупки, коммендаций, хотя все эти факторы имели место в истории Дагестана X—XIV вв. Отсутствие конкретных данных лишает по-прежнему исследователя возможности уловить хотя бы крупные вехи в формировании различных категорий земельной собственности, проследить структурные изменения в рамках самого феодального землевладения. Изменение удельного веса различных категорий земельной собственности, несомненно, имело место в изучаемое время, и оно не всегда характеризуется ростом феодального землевладения, отражением чего является возникновение ряда новых и усиление ряда старых союзов сельских общин, но мы имеем итог этого процесса, не имея еще возможности проследить его ход. Сам процесс развития земельной собственности в Дагестане идет неравномерно, как бы с отступлениями, когда росту частнофеодального землевладения в одних владениях сопутствует рост частного землевладения крестьянского типа — в других. В связи с этим приобретает важность изучение сельской общины и союзов сельских общин.

Как уже отмечалось, особенностью социальной жизни народов Дагестана, наложившей отпечаток на своеобразие и степень развития феодальных отношений, является исключительная устойчивость сельской общины, всегда самостоятельно или же в союзе с другими общинами, выступавшей против притязаний феодалов или феодализирующейся знати.

Сельская община (джамаат) охватывала все селение и подразделялась на тухумы, причем, как писал, М. М. Ковалевский, «в сфере экономических отношений дагестанский тухум, подобно германскому или кельтскому роду, с самого начала имел характер имущественного союза, другими словами — земельной общины»¹⁰⁷.

Сельская община давно уже не носила характера кровнородственного союза. Господство сельской общины означало, что на смену обществу, основанному на кровнородственных связях, пришло «...новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объедине-

¹⁰⁷ М. М. Ковалевский. Родовое устройство Дагестана, стр. 541.

ния, — общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отныне развертываются классовые противоречия и классовая борьба...»¹⁰⁸.

К. Маркс выделил три типа общины — родовая, земледельческая и община-марка¹⁰⁹. В земледельческой общине «... хотя пахотная земля остается общинной собственностью, она периодически переделяется между членами земледельческой общины», причем «... период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной». Община-марка предполагает «... частную собственность пахотной земли, а леса, пастбища, пустоши выступают... общинными придатками частной собственности»¹¹⁰. «Марка сохранялась на протяжении всего средневековья в тяжелой непрерывной борьбе с земледельческой знатью»¹¹¹. Роль общины-марки в социальной жизни средневекового крестьянства была огромной. Она дала «угнетенному классу даже в условиях жесточайших крепостнических порядков средневековья локальную сплоченность и средство сопротивления, чего в готовом виде не могли найти ни античные рабы, ни современные пролетарии»¹¹².

Сельская община в раннесредневековом Дагестане (V—X вв.) стала предметом специального изучения только в последнее время¹¹³. Ретроспективное изучение материала привело к выводу о том, что в раннем средневековье, наряду с территориальной общиной типа марки, существовала и община типа западноевропейской земле-

дельческой общины, но примерно к X—XI вв. и данная община превратилась в общину-марку¹¹⁴. В X—XV вв. сельская община типа западноевропейской марки была господствующей, если не единственной формой общины. Социальное развитие в V—X вв. показывает, что она была господствующей и в раннесредневековом Дагестане.

К. Маркс указывал на место самостоятельного крестьянского хозяйства в феодальном производстве: «Во многих странах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством вассально зависимых крестьян. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»¹¹⁵.

Как и во многих странах Ближнего и Среднего Востока, в Дагестане имело место сочетание крупного феодального землевладения с мелким крестьянским владением. Отсутствие крупного помещичьего хозяйства было причиной отсутствия крепостнических отношений. В силу этих обстоятельств процесс превращения свободного члена общины-марки в феодально-зависимого крестьянина в средневековом Дагестане шел в целом такими же путями, как в Иране, Азербайджане, Средней Азии, в противоположность Руси, Армении и Грузии. В двух последних странах процесс превращения крестьян в крепостных к XII—XIII вв. уже завершился¹¹⁶.

Если в странах с развитым барщинным хозяйством феодальная вотчина состояла из собственного хозяйства феодала, домена и крестьянских наделов, то в Дагестане, как и во многих других странах, крупное хозяйство

¹⁰⁸ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, стр. 26.

¹⁰⁹ К. Маркс. наброски ответа на письма В. И. Засулич. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 404.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Ф. Энгельс. Марка. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 337.

¹¹² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, стр. 155.

¹¹³ Ш. М. Ахмедов. Сельская община в раннесредневековом Дагестане, РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 220.

¹¹⁴ Ш. М. Ахмедов. Сельская община в раннесредневековом Дагестане, — РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 229.

¹¹⁵ К. Маркс. Капитал, т. 1. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, стр. 729.

¹¹⁶ С. Т. Еремян. Опыт периодизации, стр. 60; Н. Бердзенишвили. Очерк из истории феодальных отношений в Грузии (XIII—XVI вв.). Тифлис, 1938, стр. 11 (цит. по книге Д. В. Гвришвили. Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии. Тифлис, 1961); А. Г. Сукиасян. Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма. Ереван, 1963, стр. 79; З. В. Анчабадзе. Очерки экономической истории Грузии первой половины XIX в. Тифлис, 1966, стр. 17.

покойлось на мелком производстве, представляя собой чисто механическое соединение самостоятельных мелких крестьянских хозяйств.

Основной хозяйственной единицей выступает отдельный крестьянский двор, состоящий из дома с участком, а также крестьянского мўлка или надела. В дагестанских хрониках этот хозяйственный комплекс выступает под названием «бейт» — «дом». В хронике «История Абу Муслима», в частности в списке хроники, принадлежащей Дамадану Мегебскому и посвященной исламизации Южного Дагестана (X в.), впервые упоминаются «дома»: «а в этом селении, т. е. Мака—40 домов»¹¹⁷. В «Тарих Дагестане», как мы уже видели, отдельные «дома» служат податной единицей, как и сельская община в целом. Термин «бейт» — «дом» носит, таким образом, двоякую смысловую нагрузку: дом как строительный термин, жилище и дом как определенный хозяйственный комплекс, единица обложения.

§ 10. КРЕСТЬЯНЕ-ИЗДОЛЬЩИКИ

Одно из наиболее ранних сообщений о категории феодально-зависимого населения в Дагестане дает нам известный арабский энциклопедист Якут. Речь идет об упомянутом выше сообщении о Лакзе, где встречается термин акара. Он сходен с термином из древнеармянских текстов в форме агарак или агара, означающим тип земельных владений, в частности в Армении — частновладельческую землю, частновладельческое хозяйство, усадьбу с пахотными полями, имение, а также поселение (С. Т. Еремян, Г. А. Меликишвили).

В раннесредневековом ближневосточном обществе под акара понимались крестьяне-издольщики, получившие участок от землевладельца на условиях издольной аренды (музараа). Издольные аренды получили широкое распространение на Переднем Востоке, и вопрос этот обстоятельно разработан в статьях А. Ю. Якубов-

ского¹¹⁸. Вопрос об издольщиках в раннесредневековом Дагестане, их положении, об арендных отношениях подробно освещен в статьях Ш. М. Ахмедова¹¹⁹.

Известный арабский правовед-практик и государственный деятель второй половины VIII в. Абу Йусуф в своей «Книге о харадже» специально останавливается на различных видах и формах издольной аренды. А. Ю. Якубовский в статье «Об издольных арендах в Ираке в VIII в.» дал перевод текста Абу Йусуфа об издольных арендах (этим переводом мы и пользуемся) и обстоятельно его прокомментировал.

Абу Йусуф дает 5 видов издольной аренды, которые А. Ю. Якубовский свел в три, исходя из отношения к средствам производства:

1. Первый вид аренды сводился в основном к тому, что издольщик получал только землю. Как пишет Абу Йусуф, «лицо, взявшее землю, обрабатывает ее своими быками и затрачивает на нее свои средства... Харадж должен быть уплачен собственником земли, а ушр, если земля ушр, уплачивается возделывателем земли».

2. При втором виде аренды издольщик получает землю от собственника земли на «половинных началах». «Если эта земля ушр, то ушр падает на урожай, а если это хараджная земля, то харадж падает на собственника земли».

3. Собственник земли предоставляет издольщику не только землю, но и рабочий скот и семена. «Последний обрабатывает землю из шестой или седьмой доли урожая... Харадж ложится на собственника земли, а ушр падает на урожай». В последнем случае имеются в виду крестьяне, полностью лишившиеся своей земли.

¹¹⁸ А. Ю. Якубовский. Об издольных арендах в Ираке в VIII в.—СВ, IV, 1947; его же. Ирак на грани VIII—IX вв.—«Труды I сессии арабистов». М.—Л., 1937. Об издольщиках в Ираке см.: И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 308—313; в Азербайджане—см.: А. А. Али-Заде. Указ. соч., стр. 76—77; Зия Буниятов. Указ. соч., стр. 128.

¹¹⁹ Ш. М. Ахмедов. Социально-экономическое и политическое развитие Дагестана в V—XI вв. Рукопись канд. диссертации. Махачкала, 1968; Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 56—58, 62—64.

¹¹⁷ К истории Дагестана.—РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 378, л. 7-б.

В арабских источниках издольщики известны под терминами мунасиф, аккар, шарик, амил, сам же институт аренды называется музараа¹²⁰. В Иране в XIII—XIV вв. издольщики также именуется различными терминами — музари, барзигар, аккар, причем «термины барзигар, аккар, музари и в рассматриваемый период (т. е. в XIII—XIV вв.—А. Ш.) сохраняли техническое значение феодально-зависимого крестьянина-издольщика»¹²¹.

В тексте Якута зависимые крестьяне-издольщики в Лакзе названы одним термином — акара, причем это сделано только единственный раз. Второй раз этот термин мы встречаем в «Истории Ширвана и Дербенда», но по отношению к Дагестану это также единственное упоминание термина акара в этой книге. Автор книги в связи с событиями 1064 г. сообщает о «домиах акара и музари». Отмечая различие этих терминов, В. Ф. Минорский перевел их как «крестьяне и издольщики», а в комментариях записал: «земледельцы (?) и издольщики. Положение первых не определяется; последние же представляли вид эксплуатации, хорошо известный на Востоке»¹²². Здесь не учтено замечание А. Ю. Якубовского о том, что термин «акара» (ед. число — аккар), как почти всегда видно из «контекста, означает ипольщика. В этом же смысле термин «аккар» встречается и у географов»¹²³. Вместе с тем А. Ю. Якубовский встречающееся у ал-Белазури сочетание «музари и акара» перевел как «землепашцы и ипольщики»¹²⁴, т. е. не придал «музари» специфического значения крестьянина-издольщика.

В литературе справедливо указывается, (Ш. М. Ахмедов) что под указанными в «Истории Ширвана и Дербенда» акара и музари следует понимать две различные категории зависимых крестьян-издольщиков, причем акара представляет собой наиболее бесправную часть

издольщиков, лишенную средств производства и потому вынужденную работать на феодалов на самых тяжелых условиях¹²⁵.

Таким образом, мы имеем некоторые сведения о наличии в Дагестане X—XI вв. категорий зависимых крестьян-издольщиков, причем они делятся в основном на два разряда: издольщики, имеющие клочок своей земли, свой инвентарь, но в силу малоземелья вынужденные брать землю в аренду, и издольщики, совершенно лишенные средств производства, работающие на чужой земле и с чужим инвентарем¹²⁶.

А. Ю. Якубовский, изучая историю арендных отношений в Ираке в VIII в., установил, что собственниками земли, на которой работал издольщик, «являются прежде всего владельцы так называемых катаи и дийа»¹²⁷. Среди катаи и дийа были владения крупные, средние и мелкие. Кто же обрабатывал эти земли? «С одной стороны, мы видим на них труд рабов или рабов, переведенных на положение колонов, с другой — тех самых ипольщиков», о которых писал Абу Йусуф¹²⁸. Земель, подобных описанным, в Дагестане было немало. В частности, значительный фонд земель икта и дийа образовался в Дагестане, как было указано выше, в период арабских завоеваний и в непосредственной связи с колониальной политикой арабов и раздачей земель арабским войнам. На этих землях в первую очередь и работали издольщики¹²⁹. Это, разумеется, не означает, что издольщик как категория феодальнозависимого крестьянства не был известен вне земель с арабским населением. Категория издольщиков была известна всему Дагестану в целом¹³⁰, однако процесс обезземеливания крестьян был интенсивнее в тех районах, где происходила массовая раздача земель в икта арабским войнам за счет «государственных» земель, фактически — за счет

¹²⁰ А. Ю. Якубовский. Об ипольных арендах, стр. 171—172.

¹²¹ И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 309, 311.

¹²² В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 157.

¹²³ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 183.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 58.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 180.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 56.

¹³⁰ Там же, стр. 58.

мелких крестьянских мульков. Процесс значительного роста количества дийа и икта в IX—X вв. в Дагестане имел и свою обратную сторону — многие крестьяне теряли право собственности на свою землю. В истории халифата подобное обстоятельство хорошо было подмечено В. Р. Розеном: «...мелкий собственник... был совершенно в руках местной администрации, которая его грабила нещадно, обогащаясь безнаказанно за его счет. Но крупный собственник, с большими или меньшими связями при дворе или во влиятельных военных и чиновничьих сферах, всегда мог рассчитывать на них, и чем слабее становилась центральная власть халифа, тем эти выгоды больше.

Благодаря этому стремлению к приобретению больших пространств земли образовалось множество крупных поместий, латифундий, дайна (мн. ч. дийа), и число мелких собственников сокращалось все более и более; они превращались в фермеров¹³¹ или простых рабочих, батраков, или уходили в большие города...»¹³².

Дийа отличались друг от друга не только своими размерами, но и по принципу налогового обложения. Если средние и мелкие дийа облагались хараджем, то крупные — обычно ушром, причем ушр, как указывал Абу Йусуф, уплачивался издольщиком. Ушр означает по-арабски десятину с техническим значением — поземельная подать, составляющая 1/10 часть урожая. Первоначально он взимался с мульковых земель, принадлежащих мусульманам¹³³. Позднее ушр превратился в привилегию крупных землевладельцев, которые облагались ушром, а не значительно более высоким хараджем¹³⁴. «Тарих Дагестан» в части, относящейся к X— началу XI вв., среди различных видов налоговых поступлений в пользу аварского нуцала, называет также ушр: «этот правитель получал доходы с царств (мулук), владений (вилайат), подвластных земель (имарат), и ему

¹³¹ А. Ю. Якубовский поясняет: «имеются в виду... исполщики».

¹³² ЗВО, т. IV, 1899, стр. 134 (цит. по указ. статье А. Ю. Якубовского).

¹³³ И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 377.

¹³⁴ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 80.

принадлежали харадж, джизья и ушр с жителей всего Дагестана».

Наиболее важным для нас в тексте является упоминание, наряду с землями, обложенными хараджем, также ушровых земель. Ушровые земли здесь, по всей вероятности, следует понимать как земли крупных земельных собственников. Представляет интерес и то, что в лезгинском языке оброк передается словом «дегьек», т. е. видоизменным персидским дайхак, синонимом арабского ушра — может быть, это указывает на значение категории ушровых земель в средневековом Дагестане.

В дальнейшем в источниках XII—XV вв. мы не встречаем терминов акара и музари (вернее всего, после Якута мы не знаем арабского автора, писавшего что-либо новое о Дагестане), однако категория издольщиков по ряду источников прослеживается. «Тарих Дагестана» пишет о пастбищных горах, с которых поступал харадж в пользу шамхала и «крым-шамхала («гора Зантаб также мульк шамхала»), а также о ряде пахотных земель, названных его мульком. Несомненно, эти земли были отданы в аренду местному населению. Издольщиками могли выступать как отдельные семьи, так и сельские общества в целом. «С. хри и Голода также мульк шамхала, двум этим селениям принадлежат две горы, с которых ежегодно полагается 50 овец» — здесь мы сталкиваемся с фактом, когда две сельские общины, получавшие в пользование часть шамхальского домена, выступают в качестве издольщиков. В XIV—XV вв. некоторые дагестанские феодалы практиковали перевод рабов или домашних слуг на землю, эксплуатируя их, разумеется, как издольщиков, посаженных на землю феодала. Хроника Махмуда Хиналугокого (середина XV в.) рассказывает о Эльчав-Ахмед-беке, сыне Мухаммед-бека, который «возле крепости Ахир основал деревню для своих невольников и одного из них назначил старшиною над прочими»¹³⁵. Это сообщение дает также возможность показать источники формирования категории издольщиков: малоземельные или обезземеленные крестьяне (в ряде случаев потерявшие связь с общиной) — с одной стороны, и бывшие рабы, пересаженные на

¹³⁵ АКАК, II, 1076.

землю и совершенно не связанные с сельской общиной — с другой.

В процессе дальнейшего развития аграрных отношений дагестанский крестьянин-издольщик трансформирует в сторону полной утери земельной собственности, и впоследствии, в XVII—XIX вв., эта полностью обезземеленная категория крестьян, находившаяся на земле феодалов, представлена в источниках под названием райяты.

§ 11. РАЙЯТЫ

«Тарих Дагестан» знает только один термин, относящийся к крестьянству — райяты. Это действительно представители «низших слоев» общества, и потому трудно объяснить возмущение автора тем, что в ряде случаев потомки Амир Хамзы и Аббаса приравнены в своих правах с райятами: «в частности к ним (к потомкам Хамзы и Аббаса) они применили положения райятов относительно мирских повинностей и установлений султанских. Все это высшая степень безобразия и омерзительности»¹³⁶. В этой же хронике в части, относящейся примерно к X в., жители Тушетии («области Туш») названы райятами аварского нучала Байара, сына Сураки. К этим райятам он и бежал, когда пришли в Аварию мусульманские войска.

Райяты представлены здесь как основное податное население, связанное к тому же различными повинностями. Кстати, в средневековом Иране и в сопредельных странах, а также в ранней Османской империи «райятами» называли податное сословие вообще, преимущественно же крестьян, безразлично как мусульман, так и зиммиев — терпимых мусульманским правом иноверцев»¹³⁷.

Само это название райяты, означающее «простолюдины», «подданные» вообще, применительно по отношению к дагестанскому крестьянину, не дает возможности особо выделить различные категории феодально-зависи-

мых крестьян, ибо «каких-либо точно юридически оформленных категорий внутри сословия райятов официально не признавались»¹³⁸. Поэтому под райятами «Тарих Дагестана» следует понимать податное сословие вообще, включая общинную знать, свободных общинников — обладателей мульков, членов феодально-зависимых общин, обезземеленных или малоземельных крестьян-издольщиков.

Социальная терминология по части «низших слоев» общества, основного податного сословия исключительно бедна. Мы вынуждены пользоваться в ряде случаев позднейшей терминологией, отыскивая за ней то внутреннее содержание, которое могло иметь место в изучаемое время.

В нашей исторической литературе дагестанское крестьянство XVIII—XIX вв. разделено на две крупные категории — уздени и райяты (или, как принято в дагестанской историографии, райяты). Уздени, в свою очередь, подразделялись на несколько групп:

1. Крестьяне, владевшие средствами производства и имевшие в личной собственности пахотные и покосные земли. В союзах сельских общин узденей этой категории было в XVIII—XIX вв. большинство.

2. Уздени, владевшие мульками, но находившиеся в феодально-зависимом состоянии. Эта группа узденей была, в основном, сосредоточена в феодальных владениях, или же в джамаатах, которые подпали под власть феодалов. Как писал Р. М. Магомедов, «их положение отличалось от положения узденей независимых джамаатов. Они были обложены в пользу феодала данью, а их общинная организация использовалась в качестве нижней ступени феодальной администрации. С расширением феодальных отношений внутри ханств происходило превращение прежней дани узденей в примитивную форму отработочной ренты»¹³⁹.

Категорию крестьян, не имевших собственности на основное средство производства — землю и находившихся на земле феодала, составляли райяты.

¹³⁶ Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан».

¹³⁷ И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 305.

¹³⁸ И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 305.

¹³⁹ Р. М. Магомедов. История Дагестана, стр. 146.

Мы видим, что в X—XIV вв. и в XVIII—XIX вв. существовали одни и те же категории крестьянства. Однако терминология источников в позднейшее время стала иной, ряд терминов принял иную смысловую нагрузку. В частности, изменилось содержание термина раййат. Если в X—XIV вв. раййат представлял собой податное сословие вообще, то в последующем понятие сузилось, означая только категорию крестьян, лишившихся владельческих прав на землю.

§ 12. РАБСТВО В ДАГЕСТАНЕ

Одной из особенностей развития феодальных отношений в Дагестане было то, что оно проходило в области, где рабство, не будучи основой производственных отношений, играло все же немаловажную роль и в хозяйстве (домашнее рабство), и в процессе дальнейшего роста богатств феодалов и феодализирующейся знати (продажа рабов).

Продажа рабов была одной из основных статей дохода местных правителей. Поэтому, в X—XIII вв. в связи с развитием и расширением каспийской торговли, с оживлением работорговли в странах Ближнего Востока¹⁴⁰ Дагестан также принимает участие в работорговле. Средоточием работорговли был город Дербент, куда, как писал Ибн Хаукал, «попадает много рабов из других земель, прилегающих к нему»¹⁴¹. Город лежал на пути в Восточный Кавказ, куда доставлялись рабы греческие, печенежские, хазарские¹⁴². Среди товаров Дербента автор XIII в. называет «рабов и очень красивых девушек-рабынь»¹⁴³. Товары Серира также включают «рабов, девушек-рабынь»¹⁴⁴. Знаменитый «Худуд ал-алам» сообщает о многочисленных пленниках, которые

попадали в мусульманские страны из областей алан и Серир¹⁴⁵. «Кабус-наме» также дает описание «различных классов рабов», привозимых из Средней Азии и Хорезма или же через Дербент (русы, славяне, аланы). Учащаются попытки к захвату рабов. Дагестанские феодальные владетели совершают серию взаимных нападений с целью захвата добычи и пленных. В Дербенте эту задачу выполняли гази — «воители за веру». «Гази в свои менее благочестивые часы охотились за людьми, а аристократия поддерживала свое положение, торгуя военной добычей и военно-пленными»¹⁴⁶, — писал В. Ф. Минорский. В 876 г. амир ал-Баба Хашим вместе с гази совершил набег на Серир, захватил богатую добычу, «полонил детей и женщин и победоносно вернулся»¹⁴⁷. В 912 г. ширваншах Али б. Хайсам б. Мухаммед и амир ал-Баба вместе с 10-тысячным отрядом попали в плен в Шандане. Пленные были поделены «между людьми Шандана, Серира и хазарами», причем в Серире пленные были отпущены без выкупа, но пленники шанданцев и хазар были проданы¹⁴⁸.

Арабский автор XIII в. Ибн ал-Асир дает такие сведения, которые позволяют говорить о значительной роли работорговли в последующее время, в частности в XII—XIII вв. После того как кипчаки были разбиты монголами в северокавказских степях, — пишет он, — они пробрались в Южный Дагестан, где столкнулись с объединенными силами ширванцев, лакзов и грузин (курджи), которые «... уничтожили их, убили, грабили и захватили в плен, так что кипчацкий раб (мамлюк) продавался в Дербент-Ширване по (самой) низкой цене»¹⁴⁹.

Рабский труд находил применение в домашнем хозяйстве и ремесле. Отголоски рабства в прошлом сохранились в местной топографии. В некоторых аулах сохранились кварталы «рабов». Ряд тухумов имеет «рабское

¹⁴⁰ О значении рабства в халифате см.: А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации, стр. 33; его же. Об испольных арендах в Ираке, стр. 138—139; его же. Махмуд Газневи.—Сб. «Фирдоуси». Л., 1934, стр. 53—55.

¹⁴¹ ВГА, II, 339.

¹⁴² В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 681.

¹⁴³ Н. Д. Миклухо-Маклай. Указ. соч., стр. 200.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Худуд ал-алам, стр. 81; Hudud al-alam, 161.

¹⁴⁶ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 168.

¹⁴⁷ Там же, стр. 65.

¹⁴⁸ Там же, стр. 47.

¹⁴⁹ Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль. Пер. с араб. П. К. Жузе. Баку, 1940, стр. 146—148; Ibn el-Athir, XII, 226—227.

происхождение». Археологический материал также зафиксировал рабство в Дагестане (захоронения черепов)¹⁵⁰.

Институт рабства, занимая в средневековом Дагестане немаловажное место, не стал основой производственных отношений. В XIV—XV вв. мы наблюдаем характерное явление — нет сведений о продаже рабов. Это связано с начавшимся процессом наделения рабов землей и переводом их в сферу сельскохозяйственного труда. Раб превращался в крестьянина, составляя категорию наиболее бесправной части крестьянского населения. В хронике Махмуда Хиналугского (середина XV в.) имеется два весьма ценных сведения о переводе рабов на сельскохозяйственный труд, с переселением их на новое место: один из сыновей Эльчав Ахмед-бека—Байджукум-бек, получив во владение крепость Ахир в Южном Дагестане, «возле крепости Ахир основал деревню для своих невольников и одного из них назначил старшиной над ними». Через некоторое время один из сыновей Байджукум-бека «основал возле крепости деревню для своих невольников и назвал ее Хаджик и завещал ее своим потомкам мужского пола»¹⁵¹.

§ 13. КЛАССОВАЯ БОРЬБА В СРЕДНЕВЕКОВОМ ДАГЕСТАНЕ

Дальнейшее развитие процесса феодализации в Дагестане шло в условиях усилившейся классовой борьбы в деревне и городе.

В наиболее общей форме антифеодальные тенденции выразились в усилении и укреплении союзов сельских общин. Укрепление и сплочение союзов сельских обществ, выделение новых обществ было одной из форм защиты крестьянством своих классовых интересов. С этим неразрывно связан также описанный выше процесс складывания крупных населенных пунктов в пределах этих союзов.

¹⁵⁰ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, стр. 123, 245—246.
¹⁵¹ АКАК, II, 1076.

То же самое происходило и в городе—одной из форм сопротивления претензиям феодального правителя и феодальной верхушки было создание в городе цеховых организаций. Известный советский медиевист С. М. Стам справедливо отмечает, что «профессиональное сплочение ремесленников было вместе с тем важнейшей формой их социального сплочения»¹⁵².

Хотя дореволюционная феодально-клерикальная историография и умалчивала о борьбе эксплуатируемых масс против эксплуатации, сведения о классовой борьбе просачивались, тем не менее, в литературу— настолько важное место в социальной жизни эта борьба занимала. В советской историографии вопросы классовой борьбы в средневековье до XV в. нашли весьма слабое освещение. Только в последнее время стали обращаться к этой теме¹⁵³, но не специально. Весьма ценны два параграфа в книге Р. М. Магомедова «Дагестан. Исторические этюды», посвященные классовой борьбе в раннесредневековом Дагестане («Борьба народных масс Дагестана против феодализации в форме сопротивления распространению ислама» и «Городские и крестьянские восстания в Дагестане в X—XIII вв.»)¹⁵⁴.

Наиболее бурно классовая борьба протекала в Дербенте, городе, где наиболее ярко были выражены социальные контрасты, и в прилегающих землях, подчиненных городу. Налоговый гнет был здесь наиболее сильным. «Дербенд наме» так описывает положение в городе еще в последней четверти VIII в.: Харун ар-Рашид назначил правителем города некоего Джаюна сына Анджама, предписав ему сбор хараджа с окрестных городов и уездов, «пренебрег делами города и вследствие этого жители Дербенда рассеялись по различным местам»¹⁵⁵.

¹⁵² С. М. Стам. Складывание социальной структуры средневекового города (XI—XIII вв.). «Средине века», вып. 34. 1971, стр. 273.

¹⁵³ Р. М. Магомедов. История Дагестана, стр. 101—102; История Дагестана, т. I, стр. 145—146; А. Р. Шихсаидов. Ислам в средневековом Дагестане, стр. 65—67, 141—143.

¹⁵⁴ Р. М. Магомедов. Дагестан. Исторические этюды, стр. 52—74.

¹⁵⁵ Derbend-Nameh, 581.

В 898 г. Дербент получил фирман от халифа с правом собирать доходы с нефтяных источников и соляных промыслов. Доходы эти собирались ежегодно и шли большей частью на содержание воинов. Соседние земли также подчинялись городу, и доходы, поступающие из этих селений, составляли значительную долю богатств феодальной верхушки, нередко злоупотреблявшей своим положением и властью.

Это обстоятельство приводило к тому, что выступления нередко находили поддержку сельскохозяйственной округи. Когда в середине X в. Дербент был охвачен смутами, «восстали крепости и деревни, принадлежавшие Дербенту»¹⁵⁶. Тенденция правителей к увеличению доходов приводила к попыткам обложить налогами часть населения, ранее свободного от податей. К последним относились защитники «пограничных областей». Когда Марзбан ибн Мухаммед, основатель династии Саларидов, наложил на них подать, горожане восстали. До Марзбана «жители Дербента не выплачивали никакой подати, так как считалось, что они являются защитниками пограничных земель, что это избавляет их от уплаты подати, но Марзбан наложил на них подать, и это вызвало в Дербенте восстание, которое Марзбан ибн Мухаммед усмирил»¹⁵⁷.

Впоследствии, в 944 г., в год похода русов на Закавказье, «люди ал-Баба восстали против своего эмира Ахмада сына Абд ал-Малика ал-Хашими и изгнали его из города». Жители города пригласили ширваншаха, который послал своего сына, затем также изгнанного жителями Дербента¹⁵⁸. Опираясь на выступления горожан, раисы захватили власть в свои руки, а правитель города, Маймун ибн Ахмад был выведен из цитадели и заключен в «правительственное здание», т. е. в резиденции в нижнем городе. Была начата работа по разрушению средней (поперечной) стены, отделявшей город от цитадели, вернее предназначенной защищать цитадель от горожан, ремесленников, городских низов, и это было, по-видимому, уступкой беспоспкойной «черни».

¹⁵⁶ Derbend-Nameh, стр. 591.

¹⁵⁷ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 682.

¹⁵⁸ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 48—49.

В 953 г. жители города также свергли амира Ахмада ибн Йазида и пригласили царя лакзов Хашраму¹⁵⁹.

Крупное движение городских низов в 989—990 гг. связано с именем гиланского проповедника Мусы ат-Тузи. Проповедь ат-Тузи по части исламизации нашла отклик среди горожан, которые выступали против своего амира, укрепившегося в цитадели, «и народ ал-Баба осаждал ее 28 дней»¹⁶⁰. В «Истории Ширвана и Дербенда» зафиксированы и другие важные выступления горожан, нередко поддерживаемые земледельческими «пограничными областями» — в 1019, 1023, 1044, 1065 гг. и т. д.¹⁶¹

Бурные события в Дербенте показывают, что политическая жизнь города полностью контролировалась раисами. Им удалось подчинить своим интересам выступления горожан и жителей окрестных селений. Правитель города, амир, нередко бывал марионеткой в руках раисов, и они приглашали в Дербент то одного, то другого правителя соседних областей — Ширвана, Табасарана, Лакза, смещали и вновь приглашали их по своему усмотрению. Будучи противниками централизации политической власти, они старались организовать все центробежные силы, и в этой борьбе исползовали естественное недовольство городского и соседнего земледельческого населения. («История Ширвана и Дербенда» содержит по этому вопросу интересный материал).

По этой причине многие бурные события в городе внешне представляются борьбой только между представителями правящей городской верхушки. Активная и решающая роль горожан часто остается в тени. М. Н. Тихомиров указывал, что «историки, наблюдающие непрерывную смену князей в стольных городах, до сих пор еще не учитывают роли горожан в княжеских усобицах. Смену князей и междоусобицы рассматривают

¹⁵⁹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 67—68.

¹⁶⁰ Подробно см.: В. Ф. Минорский. Русь в Закавказье. «Acta Orientalia», t. III, Budapest, 195, стр. 207—210; его же. История Ширвана и Дербенда, стр. 68—69, 100, 152; Р. М. Магомедов. Дагестан. Исторические этюды, стр. 67—68.

¹⁶¹ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, стр. 52—53, 56—57 и сл.

как проявление борьбы между князьями»¹⁶². Решающую роль в исходе политических событий играло именно участие горожан.

Точно так же, как в Новгороде середины XII в., где городская знать сумела, используя народные движения, добиться резкого ограждения княжеской власти, так и дербентские раисы, опираясь на недовольство и выступления основной массы горожан, сумели полностью подчинить себе амира, ставшего послушным орудием в руках богатой городской верхушки.

Классовая борьба в этот период происходила не только в Дербенте и близлежащих населенных пунктах. К сожалению, за отсутствием источников мы не можем говорить об этой борьбе более определенно. Иногда сведения источников слишком фрагментарны, иногда мы имеем дело с глухим намеком о каком-либо выступлении. Так, например, в «Истории Ширвана и Дербенда» лишь вскользь говорится, что в начале XI в. силой собирали харадж с жителей Восточного и Западного Лакза «после ожесточенных схваток с ними»¹⁶³. Нетрудно предположить, что этой акции предшествовали события, приведшие к отказу жителей Лакза вносить поземельную подать.

В неразрывной связи с усилившейся классовой борьбой в Дагестане находятся участвовавшие военные походы отдельных правителей на соседние земли. Когда дербентские раисы — «воители за веру» — делали военные вылазки далеко в глубь гор, когда раисы Серира выступали против Ширвана и Дербента, или же когда «гумикские неверные» нападали «на селения ал-Баба», — это имело, кроме всего прочего, цель отвлечь недовольные слои населения от внутренних, социальных вопросов. Когда мы говорим о походах феодалов за пределами своих владений, то этот аспект нельзя упускать из виду. В нашей литературе вопрос этот не нашел еще должного освещения. Если вопрос о походах, особенно усилившихся в XVI—XVIII вв., в частности о походах за пределами Дагестана, и рассматривается, то только

в одном плане — отрицательные последствия этих акций для развития экономики или же осуждение их, зафиксированное в фольклорном материале. Однако участвовавшие военные походы и столкновения феодалов между собой имеют и другую сторону: они являются отражением сдвигов в социальной жизни Дагестана и совпадают хронологически со временем усиления союзов сельских общин. Опротное и порой небезуспешное сопротивление союзов сельских общин притязаниям феодалов толкало последних на поиски иных путей к обогащению к организации «дальних» походов. Участие же низших слоев населения в этих походах как бы выдавало желание эксплуатируемого крестьянства избавиться от своего ухудшившегося экономического положения. Это было одной из форм бегства от феодального гнета.

Союзы сельских обществ, в свою очередь, испытывали на себе последствия усиления феодализации не только со стороны местных правителей. Грузинская хроника сохранила весьма интересное известие о восстании в горах Восточной Грузии и Дагестана при царице Тамаре (1184—1213). Крестьянские массы выступили против усиления феодальных тягот и растущих феодальных повинностей. Как сообщает историк Тамары, жители Восточной Грузии лховы (предки пшавов и хевсур) и дидой, живущие в Западном Дагестане, вышли из повиновения властям, «стали совершать набеги, убивать, похищать в плен днем и ночью». Восстание приняло большие размеры, на его подавление было послано большое войско во главе с амирспаласаром и атабегом Иванэ Мхаргдзели. Три месяца упорно сопротивлялись составившие правительственным войскам, «было истреблено множество людей дидоев и лховов». Совместное выступление крестьянских масс Грузии и Дагестана было подавлено. Оставшиеся в живых были вынуждены дать заложников и обещать «службу и подать»¹⁶⁴.

Грузинские источники рассказывают также о выступлении дагестанских обществ против некоего Чолаги, крупного феодала, род которого будто некогда переселился из Италии в Грузию: «Князья Чолакашвили про-

¹⁶² М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 215.

¹⁶³ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 63.

¹⁶⁴ Н. Бердзенишвили, И. Джавахашвили, С. Джанашиа. История Грузии, ч. I, Тбилиси, 1950, стр. 224.

исходят от тех генуэзцев-итальянцев, которые в 1100 году после ф. х. прибыли и покорили Кирими (Крым). Переселенцы эти вели торговлю от моря Понтийского до моря Каспийского. Одному из их предводителей понравилось местечко Гемри (Гимры?) в Дагестане, куда он и переселился со множеством народа; их и теперь называют геноэлами и копачами. Предводителя этих геноэлов дагестанцы прозвали Чолага. Но так как Чолага, имея множество баранты и рогатого скота, травил пастбища и стеснял местных жителей, то по этой причине туземцы восстали против него, ограбили его и изгнали. Чолага со всем своим семейством по Дербентской дороге прибыл в Грузию к царю Георгию в 1320 г. Царь Георгий принял его весьма благосклонно ... и подарил ему уголья в Кахетии»¹⁶⁵.

В тексте несколько неясных мест, в частности, сближены в пределах жизни одного поколения хронологические рамки (1100 и 1320 годы). Очевидно, в тексте имеется пропуск. Тем не менее, он хорошо иллюстрирует методы наступления феодалов на крестьянские общины.

Персидский историк Рашид ад-Дин (1247—1318) оставил любопытное известие, свидетельствующее о глубоком социальном брожении, об активном совместном выступлении населения отдельных районов Азербайджана и Дагестана в начале XIV в. при хулагуиде Газанхане: «...в то время эмиры Лезгистана, которые с давних пор, бунтуя и восставая, скрывались в тех неприступных лесах, послушно и добровольно покорились... Толпу воров и бродяг, которая укрылась из владения Азербайджана в те годы и предпринимала грабежи и разбой на дорогах, полностью переловили и перебили»¹⁶⁶.

«Воры и бродяги» из Азербайджана, нашедшие убежище в горах Южного Дагестана — это обычное выражение летописей и хроник, когда сообщается о разорившихся или бежавших от феодального гнета крестьян. В результате глубоких сдвигов в области сельского хозяйства, роста богатств феодальной верхушки и одно-

временного процесса обезземеливания и разорения непосредственных производителей из сферы сельскохозяйственного труда отделяется определенное число деклассированных элементов. Эти слои крестьян, оторвавшись от основного средства производства — земли, ищут применения своим силам вне пределов своей деревни: часть из них уходит в город, пополняя ряды гази¹⁶⁷ («борцов за веру»), «добровольцев», часть же превращается в глазах придворных историографов в «воров и бродяг». И. П. Петрушевский указывает, что в Иране XIII—XIV вв. деклассированные элементы, попавшие в город, также назывались «бродягами и подонками», «чернью»¹⁶⁸. «Воры и бродяги» летописи — это результат усиления классовых противоречий, разорения крестьянских масс. Гази же в качестве военной силы становятся внушительной силой в социальной структуре городов. С одной стороны, это опора правителей, постоянные участники походов, активная сила в борьбе с непокорными элементами. С другой же стороны, «никто как гази были предметом одновременной ненависти и боязни со стороны тех же господствующих слоев феодального общества, когда выступали в качестве наиболее активной и организованной силы в крестьянских движениях»¹⁶⁹.

Борьба сельских обществ против феодальной власти нашла отражение в эпиграфическом материале. Надпись из селения Тпиг, связанная со строительством крепости и палеографически относящаяся к XII—XIII вв.¹⁷⁰, представляет в этом отношении особый интерес: «Вот восстали против нас все мусульмане. И было разрушено это селение, затем была построена эта крепость». Это единственное дошедшее до нас известие о восстании в средневековом Дагестане, зафиксированное на камне. Оно составлено от имени тех, кто вынужден был построить

¹⁶⁷ Подробно о гази см.: А. Ю. Якубовский. Махмуд Газневи, стр. 57—63; о гази Дербента — Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 58—60.

¹⁶⁸ И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 313.

¹⁶⁹ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 57.

¹⁷⁰ А. Р. Шихсандов. Арабские строительные надписи Дагестана, — УЗ ИИЯЛ, т. XIII, серия историческая, 1964, стр. 120—122.

¹⁶⁵ Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России, — СМОМПК, вып. XXII. Тифлис, 1897, стр. 37.

¹⁶⁶ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. III. Пер. с персид. А. К. Арендса. М.—Л., 1946, стр. 189.

крепость после того, как подверглись нападению со стороны «всех мусульман». Мы не знаем ни конкретных причин, приведших к восстанию, ни названий селений, принимавших в нем участие. Выступление это было, очевидно, явлением из ряда вон выходящим, раз оно было зафиксировано на камне. Оно заставило правителей Тлига приступить к строительству оборонительного сооружения, призванного защищать эту верхушку впредь при подобных случаях. В восстании участвовали «все мусульмане», разрушившие селение и под ними следует, по-видимому, понимать жителей соседних селений, находившихся в зависимости от наиболее крупного агульского селения — Тлига. Речь идет именно о зависимых селениях, о зависимом населении, этим только и можно объяснить слова текста «восстали против нас». Не знаем мы также об исходе этого серьезного выступления крестьянских масс. Вполне возможно, что именно это восстание положило начало освобождению ряда агульских аулов от феодальной власти и складыванию ряда маленьких союзов сельских общин.

Столкновение интересов различных социальных групп нашло отражение и в местном фольклоре — это предание о жителях одного из ахтыльских кварталов, уничтоживших запись на камне, где были зафиксированы их подати; предания о низвержении со скалы бунтарями-заговорщиками жестокого гидатлинского владетеля Оло-Шоавха, об освобождении ряда даргинских сел от зависимости хунзахского нуцала, об отказе уркарахов подчиниться уцмю и переносе вследствие этого столицы Кайтакского уцмидства из Уркараха в Кала-Корейш и т. д.¹⁷¹

Усиление противоречий между классом феодалов, с одной стороны, и непосредственными производителями материальных благ — с другой, толкало правящую верхушку законодательно закрепить за собой свои привилегии, принять меры к ограждению феодальной собственности, идеологически обосновать эксплуатацию широких масс населения. Для этой цели было предпринято

два важных шага — были зафиксированы и утверждены адаты — нормы обычного права, с особой заботливостью охраняющие право частной собственности; были предприняты меры к окончательной исламизации Дагестана. В эпиграфическом материале XIII—XV вв. это обстоятельство нашло своеобразное отражение — в многочисленных надписях отдельная личность противопоставляет себя общине, реализует свое право называться «владельцами» домов, крепостей, мечетей и других сооружений, всячески подчеркивая значение института частной собственности на недвижимое имущество. Фиксация обычно-правовых норм и податей имела и другую сторону — эта фиксация ограничивала в какой-то степени попытки феодалов усилить впредь наступление на интересы крестьянских масс, учитывала растущее сопротивление непосредственных производителей.

В истории средневекового общества известно много случаев, когда борьба различных социальных категорий принимала религиозную окраску. К. Маркс писал, что религиозная окраска — «черта, общая для всех восточных движений»¹⁷². «Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает соответственно условиям времени то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»¹⁷³.

Народные восстания в государстве Хулагуидов, способствовавшие его распаду, обслуживались такой идеологической оболочкой как шиитское сектанство в сочетании с некоторыми течениями суфизма¹⁷⁴. Как писал И. П. Петрушевский, «некоторые суфийско-дервишские ордена были связаны с ремесленными корпорациями; в проповеди суфиев слышались протест против богатства и роскоши высших классов, идеализация бедности»¹⁷⁵. История суфизма в Дагестане также имеет важное значение для изучения социальных движений.

172 К. Маркс. Китайские дела. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 15, стр. 529.

173 Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 7, стр. 361.

174 История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970, стр. 356.

175 Там же.

171 Б. Малачиханов. Указ. соч., стр. 183; Р. М. Магомедов. История Дагестана, стр. 102; А. Р. Шихсаидов. Ислам в средневековом Дагестане, стр. 142.

Суфизм в Дагестане имеет длительную историю. Одним из крупных очагов суфизма на Кавказе был город Дербент. Тут же и составлено в XI в. произведение по суфизму «Рейхан ал-хакаиқ ва бустан ад-дакаиқ» («Базилик истин и сад тонкостей») Абу Бакра Мухаммеда ад-Дербенди¹⁷⁶. В сочинении упомянуты имена многих шейхов-суфиев¹⁷⁷. Районы Дагестана, особенно те, которые прилегали к Дербенту, не могли не испытать на себе влияния центра, переполненного суфиями и их мюридами. Огромно было также влияние Азербайджана, где суфийские идеи нашли широкое распространение. Именно под влиянием странствующих шейхов могла возникнуть ханака в Рутуле, построенная в 1150 г.¹⁷⁸ Л. И. Лавров обратил внимание на то обстоятельство, что наличие ханака — общежития суфиев в XII в. «заставляет предполагать, что в Рутуле были тогда религиозные учебные заведения»¹⁷⁹.

Уже давно отмечена роль дервишских общин в жизни ремесленного люда, при этом «связь с дервишами облегчала ремесленнику борьбу с крупными предпринимателями и купечеством»¹⁸⁰. На суфийские маджлисы, устраивавшиеся дервишскими шейхами, собиралось много слушателей, большинство которых составляли ремесленники и мелкие торговцы»¹⁸¹. М.-С. Саидов указал на социальный состав слушателей на маджлисах суфийских шейхов в Дербенте в XI в. — среди них упоминаются бумагоделатель, шелковод, мыловар, рыбовод, швей, лекарь, и т. д., т. е. представители различных ремесленных специальностей и мелких торговцев¹⁸². Наличие ханака в Рутуле в середине XII в., а также пиров-мавзолеев¹⁸³ на могилах шейхов подчеркивает

¹⁷⁶ М.-С. Саидов. Указ. соч.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 63—64.

¹⁷⁹ Там же, стр. 176.

¹⁸⁰ Е. Э. Бертельс. Суфизм и суфийская литература. М., 1965, стр. 41.

¹⁸¹ Е. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы. М., 1966, стр. 523.

¹⁸² М.-С. Саидов. Указ. соч., стр. 5.

¹⁸³ В Южном Дагестане «пир» понимается и как «святой», и как «мавзолей» на могиле «святого», и как «священное, заповедное место».

влияние суфийской пропаганды, и среди сельского населения. Письменный и эпиграфический материал сохранил имена ряда шейхов (XIII в. — шейх Дауд Баам из Гдынка, шейх ал-Багдади... Мир Сулейман в Лгаре; XIV в. — шейх Хасан из Шари; XV в. — шейх Сулейман сын Ахмада ал-Гумики, шейх хаджжи Умар ал-Гумики, шейх хаджжи Асельдер из Аркаса, шейх Халифа в Кураре и ряд других)¹⁸⁴. Сравнительно большое число пиров-мавзолеев в Южном Дагестане, особо благоговейное отношение верующих к ним, легенды о чудесах, творимых пирами, говорят о месте суфийских идей в Дагестане в XIII—XV вв. Образ пира, или шейха олицетворяется в страннике (шейх Ахмед, шейх Халифа, пир Сулейман), которому совершенно чужды мирские блага, человеку нищем, одетом в лохмотья, живущем за счет подаяний. Пирь наделены в преданиях о них чудодейственными возможностями. Интересна одна деталь — в эпиграфических памятниках поздних времен, в частности XVII в., имя пира непосредственно связывается с суфиями.

Отношение масс к религии, в частности к исламу, имеет еще один аспект. Процесс распространения ислама в Дагестане был длительным и сопровождался активным сопротивлением местного населения. Монотеистическая религия служила в средневековом обществе целям идеологического оправдания власти феодалов и феодального государства. «...Поп всегда шел рука об руку с феодалом»¹⁸⁵, и укрепление религии (в данном случае речь идет об исламе) означало укрепление позиций господствующего класса, усиление эксплуатации широких слоев населения. Поэтому борьба против исламизации объективно означала также борьбу против усиления феодального гнета, своеобразным выступлением свободного крестьянства «против попыток навязать ему феода-

¹⁸⁴ Сведения о некоторых из перечисленных шейхах взяты из работы М. Гайдарбекова «Хронологические выписки по истории Дагестана из арабских источников». Махачкала, 1970 (РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 236).

¹⁸⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 449.

лизм»¹⁸⁶. Р. М. Магомедов специально остановился на этом аспекте, посвятив один из разделов своей книги «борьбе народных масс Дагестана против феодализации в форме сопротивления распространению ислама»¹⁸⁷.

Классовая борьба в средневековом Дагестане — один из наименее изученных вопросов. обстоятельное изучение его еще впереди, оно связано с выявлением новых данных из истории взаимоотношений различных социальных слоев средневекового дагестанского общества.

¹⁸⁶ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 7, стр. 380.
¹⁸⁷ Р. М. Магомедов. Дагестан. Исторические этюды, стр. 52—61.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы дали характеристику социально-экономической жизни средневекового дагестанского общества на определенном этапе (X—XIV вв.), осветив такие стороны общественной жизни, как история отдельных государств на территории Дагестана, экономическая жизнь, земельные отношения и формы эксплуатации феодально-зависимого крестьянства, социальная структура общества.

Разбор вопросов исторической географии показал опромные сдвиги на политической карте Дагестана в X—XIV вв. по сравнению с предыдущим периодом. Ряд факторов обусловил неравномерность развития отдельных государств, усиление и укрепление одних (Гумик, Кайтак, Дербент) и ослабление, потерю независимости или распад — других (Лакз, Серир, Зирихгеран, Карах, Филан).

В основе этого процесса лежали глубокие внутриэкономические факторы, ускоренные вмешательством внешних сил. Одновременно мы наблюдаем в ряде случаев усиление старых и складывание новых союзов сельских общин.

Экономическое развитие дагестанского общества характеризуется успехами в земледелии, скотоводстве, ремесле. Внешнеполитические факторы оказали огромное отрицательное влияние на ход развития экономики и культуры. Следовавшие одно за другим вторжения иноземных сил нанесли огромный ущерб производительным силам страны, привели к уничтожению в огромных масштабах материальных и людских резервов. В наиболее тяжелом положении оказались равнинные и нижне-предгорные районы, где проходила основная масса

завоевателей. Особенно пагубны были монгольские завоевания и походы Тимура. Использование этих районов завоевателями в качестве пастбищ приводило к нарушению традиционных связей, установившихся между горными и равнинными районами, к экономическому регрессу. Внутренние районы Дагестана в значительно меньшей степени испытали влияние внешних факторов. Регресса или же хозяйственного застоя здесь мы не наблюдаем. В основе медленного, неуклонного развития земледелия, ремесла и торговли лежала относительная независимость внутренних районов Дагестана. Титанические усилия трудящихся слоев населения при тяжелых внешнеполитических условиях обусловили успехи в области хозяйства. Наблюдается окончательная специализация отдельных физико-географических зон на преобладающем производстве зерновых или животноводческой продукции. Отгонная форма скотоводства прослеживается еще в раннем средневековье. Успехи ремесла отмечены отраслевой специализацией производств, подъемом таких отраслей, как обработка металла, оружейное и кузнечное дело, гончарство, строительное дело, медночеканное производство. Эти отрасли обслуживались мастерами-профессионалами. Пример Кубачи и Амузги показывает такой далеко зашедший процесс отделения ремесла от земледелия, когда два аула полностью выделились из сферы земледельческого труда. Широко были развиты домашние промыслы. Источники дают возможность говорить о ремесленных корпорациях (Дербент). Важным обстоятельством является утвердившаяся к XIV в. специализация аулов по отдельным видам ремесленного производства и домашних промыслов.

Дагестан был втянут в международную торговлю, но доминировала внутренняя, так называемая базарная торговля. Возникают региональные рынки. Однако натуральное хозяйство наложило отпечаток на развитие торговых связей. Местный рынок был узок, единая система мер и весов отсутствовала.

Фактором огромной важности было складывание крупного аула. Тенденция разукрупнения также имела место, но она была второстепенной.

В течение X—XIV вв. наблюдается процесс дальнейшего укрепления частной феодальной земельной собст-

венности. Однако это было не единственной тенденцией развития форм земельной собственности. В ряде обществ наблюдаем структурные изменения в формах землевладения — рост удельного веса частной земельной собственности крестьянского типа. Этот процесс непосредственно связан с распадом ряда государств и усилением значения союзов сельских общин.

Внутренние процессы развития дагестанского общества испытали огромное влияние внешних факторов. Они в значительной степени прерывали самостоятельное развитие, накладывая отпечаток на пути развития различных типов собственности. Развитие земельной собственности неоднократно прерывалось, что приводило к замедленному развитию самого института частной собственности¹⁸⁸. Однако объективный ход развития приводил, помимо воли завоевателей, к постепенному сокращению государственных или государевых земель и росту категории земель частновладельческих. Последствия этого процесса были огромны — укрепление местных феодалов, рост сепаратизма, децентрализация политической власти в ряде областей и политическая слабость страны в целом.

В изучаемое время увеличивается категория вакфных земель. Этот процесс связан с утверждением ислама в качестве государственной религии почти на всей территории Дагестана.

Особо важное место занимала категория свободно отчуждаемой безусловной земельной собственности — мулька. Под мульком понимались все частные земли, независимо от социального положения собственника (феодал, крестьянин). Право мулька распространялось прежде всего на пахотные земли, сенокосные угодья, сады.

Важной особенностью в истории форм земельной собственности в Дагестане было весьма значительное место особенно в союзах сельских общин общинного землевладения, распространявшегося в основном на пастбищные, сенокосные угодья и леса.

Рассмотренные в данной работе источники дают возможность проследить в общих чертах формы эксплуата-

¹⁸⁸ А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черемини. Пути развития феодализма. М., 1972, стр. 108—121.

ции непосредственного производителя. Если в раннем средневековье феодальная рента представлена в двух формах—продуктовой и денежной (при второстепенной роли последней), то в XI—XIV вв. натуральная рента является единственной формой ренты. Неизвестна в X—XIV вв. такая форма эксплуатации, как отработочная рента—следствие отсутствия крупного феодального хозяйства. На протяжении всего средневековья мы наблюдаем непрерывную борьбу в среде класса феодалов за перераспределение феодальной ренты.

Феодализационный процесс шел по двум направлениям—в обоих случаях он вырастал из общинных порядков, но в ряде районов он испытал сильное влияние внешних факторов.

В X—XIV вв. четко прослеживаются основные классы феодального общества: феодалы и класс непосредственных производителей. Класс феодалов представлен феодальными правителями и их ближайшим окружением, владельцами крупных земельных участков, военно-служилой знатью, верхушкой духовенства и сельских общин. Основное податное сословие выступает в источниках под названием райяты. Особенно тяжелым было положение издольщиков, малоземельной или безземельной части населения. Значительное место занимало рабство. Многоукладность социальной структуры при господствующем положении феодальных отношений характерна для средневекового Дагестана как и для феодальных обществ вообще.

Развитие социальной жизни в Дагестане шло в условиях борьбы крестьян и городских низов за сохранение своих прав. Борьба эта принимала различные формы (открытое выступление, бегство, создание ремесленных корпораций, союзов сельских общин и т. д.).

Изучение общественно-экономического положения Дагестана X—XIV вв. показывает, что указанный период был важным этапом в истории средневекового дагестанского общества, связанным с дальнейшим развитием производительных сил, с героической борьбой дагестанских народов за свою политическую самостоятельность и социальное освобождение.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Экономическое развитие Дагестана в X—XIV вв.	9
Глава II. Земельные отношения и формы эксплуатации феодально-зависимого населения	61
Глава III. Социальный строй Дагестана в X—XIV	109
Заключение	171

А 010

Шихсандов Амри Рзаевич.

Ш 65 Дагестан в X—XIV вв. Опыт социально-экономической
характеристики. Махачкала, Даг. кн. изд-во, 1974.

176 с.

9(С16 Даг.)

Редактор С. Темирханова.

Технический редактор Э. Халитова.

Корректор Э. Вялова.

Сдано в набор 16/VII-1974 г. Подписано в печать 19/XII-1974 г.

Форм. бум. № 2. 84 × 108¹/₃₂. Бум. л. 2,75. Печ. л. 5,5

Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 9,36. С 03992. Тираж 2000.

Цена 30 коп.

Дагестанское книжное издательство Управления
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Совета Министров ДАССР.

Махачкала, ул. Маркова, 55. Зак. № 333.

Типография Дагфилнала АН СССР.

Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.